

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра археологии и этнологии

На правах рукописи

Бахарев Дмитрий Сергеевич

Эволюция младенческой смертности
в Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Доктор исторических наук, доцент
Главацкая Елена Михайловна

Екатеринбург – 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Дореформенные факторы младенческой смертности	32
1.1. Истоки режима младенческой смертности русского населения	35
1.2. Младенческая смертность русского населения	49
1.3. Младенческая смертность этнорелигиозных меньшинств	58
Глава 2. Модернизация и формирование пореформенного городского режима младенческой смертности	73
2.1. Изменение демографического календаря	76
2.2. Трансформация практик ухода за детьми	80
2.3. Рост доступности профессиональной медицины	83
Глава 3. Влияние миграционного обмена города и деревни на младенческую смертность в Пермской губернии	92
3.1. Миграция по экономическим причинам	94
3.2. Миграция по социокультурным причинам	105
3.3. Институциональная миграция	115
Заключение	139
Список источников и литературы	147
Приложения	183

Введение

Младенческая смертность – смертность детей в возрасте до 1 года – является важной частью воспроизводства населения, часто обладает выраженной этнорелигиозной обусловленностью и считается интегральным показателем социально-экономического и культурного развития общества¹. Именно это объясняет **актуальность темы** исследования младенческой смертности в Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в.

Во-первых, современное российское общество остро нуждается в знаниях о жизни во время коренных демографических трансформаций. В начале XXI в. очевидно, что представления о завершенности демографического перехода в экономически развитых странах в конце XX в. не оправдались, – масштабные изменения затрагивают все новые грани социального и демографического порядка, выражаясь в продолжающейся перестройке режима воспроизводства населения, масштабных миграциях, эпидемиях и войнах². В этих условиях большое значение приобретают исследования демографических преобразований в прошлом. Снижение смертности грудных детей, которое повсеместно было первой и важнейшей стадией эпидемиологического перехода, в т. ч. в Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в., можно считать одним из главных эпизодов подобных преобразований.

Во-вторых, важной представляется индикативная роль младенческой смертности, которая косвенно отражает развитие таких сфер как женское образование (влиявшего на смертность младенцев благодаря росту санитарной грамотности); право (охрана прав матери и ребенка); экономика (строительство больниц и яслей) и специфичное технологическое развитие (медицинское оборудование, лекарства и детское питание). Именно поэтому индекс младенческой смертности, легко вычисляемый и интерпретируемый, с

¹ Каткова И. П. Младенческая смертность // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 255–256; Perez-Patron M., DeSalvo B. Infant Mortality // Handbook of Population. Cham, 2019. P. 343–354.

² Бирюкова С. С., Козлов В. А. Демографические исследования в современном контексте: долгосрочные тренды развития и влияние внешних шоков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 3–10.

XIX в. стал одним из ключевых и самых популярных индикаторов для сравнения стран и регионов; эта практика сохраняется и по сей день³. Изучение младенческой смертности в Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в. позволяет дополнить демографическую историю региона; создать как нарративную, так и количественную опору для исследований населения XX–XXI вв., реконструировать демографический контекст местной социальной, экономической и политической истории, тесно связанных со смертностью населения.

Наконец, большое значение имеет изучение традиционной культуры сквозь призму младенческой смертности. Мировоззренческие установки и бытовые практики, составляющие часть этнической или религиозной культуры, оказывали и продолжают оказывать немалое влияние на демографические процессы. В настоящее время происходит как определенное восстановление роли традиционных норм в воспроизводстве населения, в первую очередь рождаемости, так и рост исследовательского интереса к этому феномену⁴. Это актуализирует изучение аналогичных механизмов в прошлом страны и региона, в т. ч. смертности грудных детей, которая в традиционном обществе была тесно связана с этнически и религиозно ассоциированными практиками.

Степень разработанности темы. Тема настоящего исследования связана с универсальным общемировым демографическим феноменом, имевшим значительную национальную специфику и уникальное локальное воплощение. Сообразно с этим, историография распадается на три части: зарубежную, российскую и уральскую.

³ См., например: Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад. М., 2022. С. 228–245.

⁴ См., например: Захарова С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40. № 4. С. 77–104; Пруцкова Е. В., Павлюткин И. В., Борисова О. Н. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 103–126; Жегусов Ю. И., Корякина З. И., Бессонова О. Г. Этнические особенности алкоголизации в Республике Саха (Якутия): модели потребления // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 100–107; Чертенков К. О. Межэтнические различия в разводимости на Северном Кавказе // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 2. С. 41–62.

Исследование младенческой смертности за рубежом – в первую очередь в Европе и колониях – началось уже в раннее Новое время, а именно с работы английского исследователя Дж. Граунта «Естественные и политические наблюдения над списками умерших» («Natural and Political Observations Made upon the Bills of Mortality»)⁵, где он впервые рассчитал коэффициенты младенческой смертности на примере населения Лондона. Однако до XIX в. подобные исследования имели локальный и несистематический характер. Во второй половине XIX в., благодаря становлению государственных статистических служб и восприятию демографического развития как поля для соперничества национальных государств, регулярное измерение и борьба за снижение младенческой смертности стали нормой в Европе. Но и в этот период смертность грудных детей привлекала внимание главным образом «практиков» – врачей, законодателей, благотворителей, журналистов; случаи демографического анализа имели практико-ориентированный и изолированный в историографическом смысле характер.

По-настоящему современный, *историко-демографический* вид тематическая историография начала приобретать с середины XX в., когда европейские исследователи, стремясь объяснить трансформацию режима воспроизводства населения своих государств, обратились к накопленным за века статистическим рядам⁶. Обнаруженное и отрефлексированное валовое снижение смертности от экзогенных инфекционных заболеваний в Европе XIX в. получило название эпидемиологического перехода, а его часть, ответственная за спад младенческой смертности – младенческого эпидемиологического перехода (infant mortality transition)⁷. Старт дискуссии о причинах этого явления положил британский врач Т. Маккьен, в 1955 г. опубликовавший свою первую статью, в которой он в качестве главной причины снижения смертности называл повышение уровня жизни и

⁵ Шелестов Д. К. Граунт Джон // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 100.

⁶ Campbell C. Historical Demography // California Center for Population Research. On-Line Working Paper Series. June 2012. P. 3.

⁷ Frisbie W. P. Infant Mortality // Handbook of Population. N. Y., 2005. P. 259–260.

улучшение питания⁸. В дискуссии с Маккьюном фактически сформировались как современные классики тогдашние молодые исследователи (например, Э. ван де Валле, С. Шретер, Р. Вудс, С. Престон и др.). Главным содержанием их полемики был поиск фактора, определившего фундаментальное снижение смертности грудных детей. Такую роль отводили развитию медицины, созданию акушерской и социальной служб, изобретению лекарств, росту образованности матерей, эволюции кормления младенцев и многому другому. По мере накопления географически разнообразных результатов исследований стало очевидно, что большинство факторов, в том или ином виде присутствуя везде, в разных странах и регионах имели зачастую уникальное соотношение, которое и определяло уровень, механизм и темп снижения смертности грудных детей. Сообразно с этим итогом всей дискуссии стало установление плюралистического подхода: снижение младенческой смертности – многовекторный процесс, который в разных регионах мира протекал в уникальных условиях, но всегда приводил к универсальному результату⁹.

Таким образом, в настоящее время мировая историография младенческой смертности допромышленных и переходных обществ сосредоточилась на описании и анализе конкретных региональных картин развития младенческого эпидемиологического перехода и влиявших на него условий. К числу самых крупных факторных групп можно отнести биодемографические (пол новорожденного, промежуток времени между рождениями и др.)¹⁰; связанные с окружающей средой (климат, сезонность и др.)¹¹; социально-экономические факторы (социальный статус,

⁸ McKeown T., Brown R. G. Medical evidence related to English population changes in the eighteenth century. *Population Studies*. 1955. No 9 (2). P. 119–141.

⁹ Подробней историю дебатов см.: Preston S. H. *Population Studies of Mortality* // *Population Studies*. 1996. Vol. 50. No 3. P. 525–536; Pozzi L., Rarimo Farinas D. *Infant and child mortality in the past* // *Annales de demographie historique*. 2015. No 1. P. 55–75.

¹⁰ См., например: McQuillan K. *Culture, religion, and demographic behaviour: Catholics and Lutherans in Alsace, 1750-1870*. [Liverpool]; Montreal, 1999. P. 144–150.

¹¹ См., например: Kytir J., Kock C., Munz R. *Historical regional patterns of infant mortality in Austria* // *European Journal of Population*. 1995. Vol. 11. No 3. P. 252–254.

благополучие, состав семьи, тип населенного пункта и др.)¹²; культурные (религия, этничность, бытовые практики и др.)¹³.

Отечественная историография изучения младенческой смертности началась в середине XVIII в. с работы М. В. Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа», где он в описательном ключе затронул проблему смертности грудных детей и предложил меры к ее снижению¹⁴. После этого в России стали нечасто, но регулярно появляться тематические исследования, как правило, выполненные на материалах Санкт-Петербурга и Москвы; главными из них были работы акад. Л. Ю. Крафта и профессора Московского университета С. Г. Зыбелина. Содержание исследований XVIII – начала XIX в. сводилось к первым попыткам количественно оценить масштабы младенческой смертности в России; выявлению причин основывавшемуся главным образом на наблюдениях; и рекомендациям по снижению смертности грудных детей вдохновленным популярным в те годы меркантилизмом¹⁵.

К середине XIX в. интерес к проблематике постепенно рос, что было связано с улучшением качества источников, увеличением численности интеллигенции, гуманизацией общества. Также можно предположить, что свою роль сыграла постепенно нараставшая в стране напряженность

¹² См., например: Abade A. Birth, marriage and death in illegitimacy: a study in northern Portugal // *Journal of Biosocial Science*. 1995. No 27. P. 443–455; Blaikie A. Infant survival chances, unmarried motherhood and domestic arrangements in rural Scotland, 1845–1945 // *Local Population Studies*. 1998. No 60. C. 34–46; Gardarsdóttir Ó. The implications of illegitimacy in late-nineteenth-century Iceland: the relationship between infant mortality and the household position of mothers giving birth to illegitimate children // *Continuity and Change*. 2000. Vol. 15. No 3. P. 435–461; Budnik A., Liczbińska G. Urban and rural differences in mortality and causes of death in historical Poland // *American Journal of Physical Anthropology*. 2006. Vol. 129, No 2. P. 294–304; Van Poppel F., Van Gaalen R. The Presence of Parents and Childhood Survival: The Passage of Social Time and Differences by Social Class // *Kinship and demographic behavior in the past*. Berlin, 2009. P. 105–134; Thorvaldsen G. Infant Mortality Now and Then: The Dual Role of Economic Resources. *Transylvanian Review*. 2018. 27 (2). P. 104–121; Debiasi E., M. Rosenbaum-Feldbrügge, B. Eriksson. The long-term consequences of parental death in childhood on mortality and the role of socioeconomic status: evidence from Sweden at the turn of the 20th century // *The History of the Family*. 2021. Vol. 26. No 4. P. 657–681.

¹³ См., например: Fildes V. Infant feeding practices and infant mortality in England, 1900–1919 // *Continuity and Change*. 1998. Vol. 13. No 2. P. 251–280; McQuillan K. Culture, religion, and demographic behaviour: Catholics and Lutherans in Alsace, 1750–1870. P. 132–162; Rosenberg M. Breast-feeding and infant mortality in Norway 1860–1930 // *Journal of Biosocial Science*. 1989. Vol. 21, № 3. P. 335–348.

¹⁴ Ломоносов М. В. [О сохранении и размножении российского народа] // *Сочинения*. М.; Л., 1961. С. 470–471.

¹⁵ Егорышева И. В. Проблема детской смертности в России в трудах русских врачей и ученых (XVIII – начало XX века) // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2012. № 4. С. 53–56.

относительно решения «крестьянского вопроса», когда государственные органы несколько раз инвестировали в масштабные исследования крестьянского населения, выясняя его численность, состав и особенности воспроизводства, тем самым создавая и обновляя все более широкую источниковую базу и демографическую историографию. Показательно, что интерес к теме проявили два главных аффилированных с государством интеллектуальных центра – Вольное экономическое общество (ВЭО) и Русское географическое общество (РГО). ВЭО в 1833 г. запустило долговременный конкурс на лучшую работу по теме «О великой смертности в младенческом возрасте и о средствах к ее предупреждению»¹⁶, а РГО в 1847 г. учредило Жуковскую премию для работ по статистике России, которую в 1861 г. вместе с малой золотой медалью получило сочинение протоиерея Ф. В. Гиляровского «Исследования о рождении и смертности детей в Новгородской губернии»¹⁷. Конкурсное финансирование, а также все более активное внимание к проблеме государственных и общественных организаций, в т. ч. Русской православной церкви, значительно расширили ряды исследователей: если ранее они в основном включали «штатных» специалистов, в первую очередь столичную профессуру и членов Академии наук, то ближе к середине XIX в. проблематикой уже занималось большое число энтузиастов из провинции, значительную часть из которых составляло образованное и близко соприкасавшееся с крестьянами духовенство. Именно священники к середине XIX в. начали выполнять все больше демографических исследований, прямо или косвенно касавшихся смертности грудных детей¹⁸. В концептуальном

¹⁶ Ходнев А. И. История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. 316, 427–428; подробнее см.: Егорышева И. В., Гончарова С. Г. Вклад Вольного экономического общества в изучение проблемы детской смертности // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 4. С. 47–48.

¹⁷ Семенов-Тянь-Шанский П. П., Достоевский А. А. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. Ч. 1, Отд. I–III. СПб., 1896. С. 162–164, 413.

¹⁸ См., например: Луканин А. М. О движении народонаселения по Соликамскому уезду за десятилетие, 1841–1850 г. [СПб.], 1855. 58, 3 с.; Он же. О движении народонаселения в Чердынском уезде в десятилетие 1841–1850 г. (Статья первая) // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. № 26. С. II. Исследования и материалы. С. 1–28; Налимов А. О движении народонаселения по Ново-Ладожскому уезду за десятилетие 1846–1855 // Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. № 30. II. Исследования и материалы. С. 97–114.

плане к достижениям этого периода историографии можно отнести расширение географии исследований, более профессионально рассчитанные показатели смертности младенцев и первые попытки факторного анализа. Также особенностью этой волны исследователей было изменение источниковой базы: если до этого специалисты работали преимущественно с неопубликованной агрегированной статистикой, то начиная с середины XIX в. исследователи начали все больше ориентироваться на первичные источники – метрические книги, которые были в прямом доступе у представителей духовенства; сообразно с этим также происходил постепенный дрейф территориальных рамок от общенациональных к региональным и локальным.

С началом Великих реформ количество работ, посвященных изучению смертности грудных младенцев, выросло кратно. Этому способствовало создание разветвленной системы земской медицины, рост качества и регулярная публикация сведений о естественном движении населения, появление новых интеллектуальных центров, в т. ч. региональных. На этом этапе развития историографии большую часть исследователей составили земские врачи, многочисленные, образованные и обеспеченные, в значительной мере вдохновленные народническими идеями и имевшие возможность непосредственного наблюдения за крестьянской жизнью. Профессиональная однородность сообщества и единое информационное пространство, координировавшееся научной периодической печатью и конференциями, позволили вывести историографию на новый уровень, включавший как подробные локальные исследования феномена¹⁹, так и обобщающие весь национальный опыт²⁰.

¹⁹ См., например: Пантюхов И. В. Статистические заметки о детской смертности в Киеве. [Киев], 1874. 8 с.; Щербаков А. С. О чрезмерной детской смертности в г. Ростове-на-Дону. СПб., 1891; Куркин П. И. Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг.: с приложением очерка о детской смертности в волостных районах в 1896–1900 гг. М., 1902. XLIV, 294 с.; Делекторский Н. И. Смертность детей за границы, в России и в Томске, и «Капля молока». Томск, 1910. [4], 24 с.; Вигдорчик Н. А. Детская смертность среди петербургских рабочих: (По данным анкеты). М., 1914. [2], 43 с.

²⁰ См., например: Соколов Д. А., Гребенщиков В. И. Смертность в России и борьба с ней: доклад в соединенном собрании Общества русских врачей. СПб., 1901. 76, [3] с.; Гундобин Н. П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею. СПб., 1906. 31 с.; Куркин П. И. Смертность малых детей: Статистика дет. смертности. М., 1911. [1], 34 с.; Медовиков П. С. Причины детской смертности. Петроград: Гос. тип., 1916. IV, 41 с.

Постепенно начал развиваться и к 1890-х гг. окончательно оформился главный российский центр изучения младенческой смертности – кафедра детских болезней Императорской Военно-медицинской академии²¹. Мощная интенсификация исследований проблем смертности грудных детей пришлась на период, когда кафедру в 1897 г. возглавил Н. П. Гундобин – основоположник российской и советской педиатрии. Только за первые восемь лет его руководства на кафедре были защищены более 100 докторских диссертаций²²; их львиная доля, конечно, была посвящена проблемам детской анатомии и клинической педиатрии, но значительная часть рассматривала младенческую смертность в демографическом разрезе²³.

Главными теоретическими достижениями этого периода стали масштабная квантификация исследований младенческой смертности и оформление систематического подхода к ее изучению. Это подразумевало, во-первых, использование больших по объему авторских источниковых баз, часто основанных на материалах первичного учета. Во-вторых, произошло серьезное расширение исследовательских инструментов, когда помимо коэффициента смертности детей в возрасте до года стали регулярно рассчитываться такие показатели как: коэффициенты смертности детей в возрастах, исчислявшихся несколькими месяцами; доли младенческой смертности от общей смертности; коэффициенты сезонности. Стали выполняться декомпозиции младенческой смертности по этнорелигиозному, сословному и семейному статусу, месту проживания и типу занятости. Для тематических работ стали нормой компаративные разделы, посвященные

²¹ Шабалов Н. П., Арсентьев В. Г. 150 лет старейшей в России кафедре детских болезней Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова // Педиатрия. 2015. Т. 94. № 3. С. 213–216.

²² Шабалов Н. П. Профессор Н. П. Гундобин как педиатр и гражданин России (к 150-летию со дня рождения) // Педиатрия. 2010. Т. 89. № 6. С. 149–151.

²³ См., например: Филиппов Д. М. Смертность детей в возрасте 0–15 лет в С.-Петербурге за 1881–1890 гг.: Дис. на степ. д-ра мед. СПб., 1894. [2], 194, 49 с.; Никитенко В. П. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 год. Дис. на степ. д-ра мед. СПб., 1901. 2, 265 с.; Одляницкий-Почобут В. С. Смертность грудных детей в С.-Петербурге в зависимости от времени их рождения по месяцам и временам года в 1896–1900 гг. Дис. на степ. д-ра мед. СПб., 1903. 170 с.; Матусевич И. О. Детская смертность в зависимости от густоты и скученности населения по участкам гор. С.-Петербурга. Дис. на степ. д-ра мед. СПб., 1904. 95 с.; Селюгин С. А. Внебрачная рождаемость и смертность внебрачных детей в С.-Петербурге. СПб., 1906. 4, 103 с.;

классификации и группировке губерний и стран по уровню младенческой смертности.

В то же время работы пореформенного периода имели определенные недостатки, например, нередкую приверженность миазматической теории, преувеличение климатического фактора и, что было издержкой профессиональной принадлежности большинства авторов, частое смешение конкретных причин смерти и факторов смертности.

В советский период интерес к историко-демографическим исследованиям смертности грудных детей существенно снизился. В раннесоветское время традиция еще продолжала поддерживаться специалистами «старой школы» – по большей части, уже процитированными выше исследователями, но в конце 1930-х гг. многие советские демографы подверглись репрессиям вследствие недовольства руководства СССР результатами переписи населения 1937 г., что снизило количество и качество демографических исследований в стране в целом. Далее уже послевоенный СССР начал отставать от капиталистических стран по темпам снижения младенческой смертности, что практически остановило ее изучение, в т. ч. историческое, уже по идеологическим причинам²⁴.

Современная российская историко-демографическая традиция изучения младенческой смертности в России второй половины XIX – начала XX в. в основном представлена работами исследователей, рассматривающих феномен на национальном уровне²⁵. Но большая их часть, по сути, является либо исторической преамбулой к исследованию советского и современного состояния феномена, либо рецепцией трудов специалистов дореволюционного периода, выполненных на новой методической основе. В качестве результатов

²⁴ Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография. Сборник статей. М., 2008. С. 49–50.

²⁵ См., например: Кваша Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–75; Баранов А. А., Альбицкий В. Ю. Младенческая смертность: уроки истории и перспективы снижения // Казанский медицинский журнал. 2011. Т. 92. № 5. С. 690–694; Натхов Т. В., Василенок Н. А. Младенческая смертность в пореформенной России: динамика, региональные различия и роль традиционных норм // Историческая информатика. 2020. № 3. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33356 (дата обращения: 07.05.2021)

работ этого типа можно отметить некоторое упорядочивание вековой историографии, популяризацию тематики и ее встраивание в более широкий исторический и демографический контекст. Лишь некоторые исследователи вводят в оборот результаты обработки первичных и иных оригинальных источников и обращаются к принципиально новым объектам исследования локально-регионального уровня, пытаясь следовать мировой практике²⁶; однако развитие этого направления требует масштабных временных и финансовых инвестиций, что затрудняет его быстрое развитие.

Региональная уральская историография исследований младенческой смертности в целом следовала общероссийским тенденциям XIX–XXI вв. Впервые обстоятельно младенческая смертность в Пермской губернии была измерена и проанализирована в пореформенный период земскими специалистами, в частности екатеринбургским врачом Н. А. Русских, по инициативе которого был основан Всероссийский союз для борьбы с детской смертностью и его Уральское отделение²⁷. Целый ряд практикующих врачей оставили после себя обстоятельные обзоры феномена смертности в различных местностях и населенных пунктах Урала: первый русский санитарный врач И. И. Моллесон, старший врач лазарета Ижевского завода И. Андржеевский, земские врачи М. М. Чашницкий, П. Н. Серебрянников, Д. П. Никольский, Г. Хлопин, Н. Л. Золотавин, М. Керстен, А. М. Шагов и др.²⁸

²⁶ См., например: Сарафанов Д. Е. Смертность населения в Барнауле в XIX веке // Демоскоп Weekly. 2007. № 301–302. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0301/analit03.php> (дата обращения: 30.04.2018); Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.). Барнаул, 2013. 114 с.; Кащенко С. Г., Маркова М. А. Население уездов столичной губернии в XVIII - первой половине XIX в.: историко-демографические очерки. СПб., 2013. 200 с.; 2014 Машаринова А. Х. Детская смертность у коми-зырян нижнего Притобоя в конце XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 133–137; Жиров Н. А. Микродемографический анализ крестьянской смертности в Орловской деревне в начале XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 16–21; Троицкая И. А., Авдеев А. А. Первая российская номенклатура болезней и диагностика причин смерти в XIX в.: частный случай // Население и экономика. 2018. № 2(4). С. 1–46; Сарафанов Д. Е. Сезонность младенческой смертности в Барнауле во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам метрических книг) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 59–78;

²⁷ См.: Русских Н. А. К вопросу о кормлении детей до 1 года // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. I год. Пермь, 1891. С. 75–84; Дело жизни – борьба с детской смертностью // Медицина и здоровье. 2007. № 7 (15). С. 31.

²⁸ См., например: Шагов М. А. Кисловская волость Екатеринбургского уезда (Санитарно-бытовое описание) // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 9. С. 479–521; Никольский Д. Заметки о санитарном состоянии России и в частности городского населения Пермской губернии // Екатеринбургская Неделя. 1886. № 16. С. 258–259; Серебрянников П. Н. К вопросу о смертности детей на первом году жизни, в

Советские исследователи практически не уделяли внимания уральскому региону в контексте проблемы исторической младенческой смертности. Традиция возобновилась лишь в постсоветский период, но и она ограничивается достаточно узким кругом работ. В первую очередь, это труды С. В. Голиковой, которые сосредоточены на историографии и источниковедении дореволюционной младенческой смертности²⁹. Также данная проблема поднималась в работах Г. Е. Корнилова и В. А. Журавлевой, где дореволюционная ситуация выполняет роль преамбулы для советского времени³⁰. Современные авторы, как правило, в исследованиях опираются на наиболее доступные выборочные фрагменты опубликованной статистики и работы дореволюционных исследователей. Исключение составляет исследование П. Р. Смертина, сопоставившего результаты археологического анализа останков, датированных XVIII в., с данными метрических книг³¹. Пристальное внимание к проблеме с позиций современной исторической демографии с привлечением данных первичных источников уделяется в работах сотрудников лаборатории «Международный центр демографических исследований» Уральского федерального университета – Е. М. Главацкой³² и Ю. В. Боровик³³.

Пермской губернии: (сообщение д-ра П. Н. Серебrenникова в экономическом обществе 14 декабря [1894 г.]). Пермь, 1894. 10 с.

²⁹ См., например: Голикова С. В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методологический аспекты. Екатеринбург, 2012. 176 с.; Она же. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001. 195 с.

³⁰ Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. № 3 (44). 2014. С. 80–89; Журавлева В. А. Младенческая смертность в уральских городах и меры по ее снижению в 1920-е гг. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3. С. 96–102.

³¹ Смертин П. Р. Сопоставление показателей детской смертности в Перми в XVIII веке по данным метрических книг и палеоантропологических исследований // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2023. № 2 (61). С. 162–171.

³² Bakharev D., Glavatskaya E. Chapter 11. Infant mortality in the late 19th and early 20th century Urals: macro and micro analyses // *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West: monograph*. Ekaterinburg, 2019. P. 202–219; Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Причины детской смертности в Екатеринбурге на рубеже XIX–XX вв.: опыт классификации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 79–96; Они же. Младенческая смертность в русском позднеймперском городе: уральский контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 5–14.

³³ Glavatskaya E., Borovik J., Thorvaldsen G. Urban infant mortality and religion at the end of the nineteenth and in the early twentieth century: the case of Ekaterinburg, Russia // *The History of the Family*. 2018. Vol. 23. No 1. P. 135–153; Боровик Ю. В. Проблемы анализа младенческой и детской смертности у старообрядцев уральского города // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 1(196). С. 127–140; Она же. Смертность от оспы в уральском городе (на примере Екатеринбурга начала XX в.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2021. Т. 23. № 4. С. 246–267.

Объект исследования – младенческая смертность в Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Для наиболее емкого описания объекта исследования в конкретных исторических обстоятельствах в рамках работы предложен термин «режим младенческой смертности», по которым мы подразумеваем совокупность количественных и качественных характеристик младенческой смертности в определенных географических и хронологических границах. К количественным компонентам режима относятся такие характеристики как непосредственно уровень младенческой смертности, территориальная и социальная дифференциация, сезонность, доля в общей смертности, и др. К качественным компонентам относятся факторы младенческой смертности и комплекс ее конкретных причин. В демографии используются сходные по структуре и смыслу, но отличные по содержанию понятия «режим воспроизводства населения», включающий количественные характеристики воспроизводства³⁴; и «режим миграции», который представляет собой набор качественных ограничительных факторов миграции³⁵.

Предмет исследования – факторы младенческой смертности в Пермской губернии второй половины XIX – начале XX в. Факторы можно условно разделить на две группы: первая, дореформенная, определяла базовый на середину XIX в. уровень выживаемости новорожденных и состояла из традиционных норм, религиозных предписаний и специальных режимов управления этноконфессиональными группами; вторая отвечала за трансформации режима младенческой смертности во конце XIX – начале XX в. и включала главным образом урбанизационно-модернизационные процессы³⁶. Вместе они определяли общий уровень младенческой смертности

³⁴ Вишневецкий А. Г. Режим воспроизводства населения // Большая российская энциклопедия. 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/rezhim-vosproizvodstva-naseleniia-5d93a6> (дата обращения: 23.04.2024).

³⁵ Горбачев О. В. Российские мигранты и миграционная политика в XX веке // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2021 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР» (ПермГАСПИ. 30 ноября – 1 декабря 2021 г.): Сборник материалов. Пермь, 2022. С. 228–229.

³⁶ Термины «дореформенные» и «пореформенные» имеют условный характер и представляют собой определенный компромисс. Модернизация и урбанизация влияли на демографический порядок Пермской губернии и до Великих реформ, а традиционные установки и этноориентированное управление продолжали во

в губернии, его отличие от общенациональных и европейских показателей, внутреннюю региональную дифференциацию.

Цель исследования – выявление факторов младенческой смертности в Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- дать характеристику региональному режиму воспроизводства населения в середине XIX в.;
- реконструировать количественную динамику младенческой смертности, с дифференциацией на город и село;
- рассмотреть дореформенные факторы выживаемости новорожденных, главные из которых – этнорелигиозные установки и специальные режимы управления;
- изучить пореформенные факторы выживаемости новорожденных, а именно модернизацию и миграционный обмен «город-деревня»;
- построить модель влияния исследованных факторов на младенческую смертность.

Хронологические рамки исследования включают период с 1860-х по 1914 гг. Эти границы охватывают период истории России, в демографическом смысле значительно отличавшийся как от предыдущего, крепостнического, так и от грядущего, советского. Также эти границы заданы однородной источниковой базой: регулярная публикация дифференцированной демографической статистики Европейской России – одного из основных источников исследования – началась только в 1860-е гг. и прекратилась вместе с Революцией 1917 г.³⁷

Территориальные рамки исследования охватывают Пермскую губернию Российской империи в границах, сформировавшихся к началу

многим определять младенческую смертность и после 1861 г. Предложенное деление имеет хронологическое и символическое значение: если до середины XIX в. традиционные нормы и управленческие режимы были главными факторами формирования режима младенческой смертности в регионе, то со второй половины века их роль, по-прежнему большая, свелась к реактивным изменениям под напором модернизации и урбанизации.

³⁷ Данные о движении населения собирались, обрабатывались и публиковались статистическими органами с лагом в два–три года, поэтому для Российской империи последний год, для которого есть опубликованные данные – 1914, для разных регионов это могут быть 1915–1916 гг.

Великих реформ. При рассмотрении факторов младенческой смертности, формирование которых началось ранее исследуемого периода – в XVII–XVIII в. – и таким образом развивалось в других границах, применяется более широкий термин «Урал». Для уточнения влияния глобальных процессов и сравнительного анализа привлекаются данные сопредельных регионов, всей России и некоторых европейских стран. При рассмотрении факторов младенческой смертности, связанных с деятельностью горных заводов, мы используем термин «горнозаводской Урал», который подразумевает лишь территорию, исторически связанную с уральской горнозаводской промышленностью; территория горнозаводского Урала во многом совпадает с территорией Пермской губернии, хотя и не идентична ей. В части исследования, посвященной изучению феномена младенческой смертности в городской среде, территориальные рамки сужаются до двенадцати главных городов Пермской губернии (без заштатных), отдельное внимание уделяется Екатеринбургу – экономической столице и одному из двух крупнейших городов Пермской губернии, вмещавшем четверть городского населения региона.

Методология и методы исследования. Историческая младенческая смертность, изучаемая в работе, сильно отличалась по уровням в разных странах мира, регионах Российской империи и субрегионах Пермской губернии, и демонстрировала динамику, различавшуюся по направлениям и темпам. Практически невозможно было бы объяснить эволюцию сотен индикаторов смертности грудных детей, руководствуясь какой-либо одной методологией. Оптимальным путем стало конструирование комплексной теоретической базы, объединяющей непротиворечивые элементы различных теорий, подходов и методов. Она включает элементы трех уровней: 1) общую описательную модель режима воспроизводства населения пореформенной Пермской губернии, базирующуюся на теориях современной демографической науки о развитии мирового народонаселения; 2) конкретную факторную модель младенческой смертности в Пермской губернии,

состоящую из подходов смежных наук к изучению избранных в качестве факторов явлений; 3) практический инструментарий измерения младенческой смертности, других демографических и социально-экономических показателей и оценки их взаимовлияния.

1) Современная отечественная демографическая историография, с некоторыми инновациями воспроизводящая идеи главных мировых научных центров, предлагает две основных интерпретации демографической истории. Первая стоит на классических позициях теории демографического перехода: существует единый для всех обществ путь демографической эволюции, состоящий из трех универсальных типов воспроизводства населения (архетип, традиционный, современный); для перехода к следующему этапу обществу необходимо пройти через такое же универсальное преобразование демографического порядка (революцию, переход). Это движение однонаправленно, линейно и глобально, хоть и допускает временные отклонения от генеральной линии и локальные специфические паттерны воспроизводства населения, также, однако, имеющие малое значение в общемировом контексте. Целью эволюции системы воспроизводства является достижение человечеством как биологическим видом демографического равновесия, которое нарушается социально-экономическими сдвигами, что провоцирует переход к следующему типу воспроизводства³⁸.

Альтернативой является институциональный подход, включающий анализ политико-демографических систем. Это теория «среднего уровня», т. е. не претендующая на объяснение демографического развития всего человечества в течение всей истории; в ее рамках предлагается выделять и изучать отдельные регионы мира, каждый из которых обладает собственными уникальными институтами – культурными, социальными, экономическими и политическими, сформированными обществами как практики адаптации к

³⁸ См.: Вишнеvский А. Г. Это ключ от другого замка // Обществeнные науки и современность. 2005. № 2. С. 150–155; Он же. Есть ли альтернативы у безальтернативного? // Обществeнные науки и современность. 2012. № 2. С. 78–91; Он же. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М., 2019. С. 35–39.

географическим условиям и ответы на исторические вызовы. Именно институты оказывают определяющее влияние на демографию, а не видовые биологические инстинкты. Данный подход во многом построен на критике теории демографического перехода и имеет более «тактический» характер³⁹.

Оба подхода обладают известными недостатками, однако мы полагаем, что при их разумном сочетании, без стремления ревностно следовать какому-либо из них, можно выстроить эффективную теорию микроуровня, объясняющую демографическое развитие отдельного исторического региона, в нашем случае – Пермской губернии Российской империи рубежа XIX – XX вв. Итак, развитие каждого общества подчиненно интересам его физического выживания. Для его обеспечения социум, существуя на определенной территории с неотъемлемыми природно-географическими особенностями и отвечая в ходе своего существования на определенные исторические вызовы, формирует пул таких инструментов как экономические, политические и культурные институты. Они выступают факторами эволюции всех сфер общества, в т. ч. демографических отношений – специфических социальных отношений, направленных на обновление поколений, и, как итог, воспроизводство населения. С течением времени вместе с накоплением эффекта демографический порядок сам начинает влиять на другие сферы жизни, также становясь фактором, т. е. формируется «петля обратной связи». Имея множество локальных и временных вариаций, глобальное направление эволюции демографических отношений, будучи подчиненно интересам выживания общества, в конечном счете располагает ограниченным количеством исходов, которые связаны как минимум с переходом к пониженной смертности, а как максимум к интенсивному воспроизводству как более оправданным паттернам с рациональной экономической, персональной психологической и видовой биологической позиций. В итоге формируется

³⁹ См.: Клупт М. А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 139–149; Он же. Региональные альтернативы глобального демографического развития // *Общественные науки и современность*. 2012. № 2. С. 66–77; Он же. Парадигмы и оппозиции современной демографии // *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1. № 1. С. 34–56; Он же. Демография на политической арене XX и XXI столетий. СПб., 2020. С. 275–281.

территориальный тип воспроизводства населения, в общих чертах вписывающийся в один из нескольких аналитических типов по своим финальным статистическим характеристикам и направлению эволюции, но в то же время уникальный по структуре, механике и темпам развития.

2) Практическим следствием этого вывода является положение о том, что изолированное рассмотрение какого-либо «особого» демографического феномена, в т. ч. младенческой смертности, будет иметь ограниченный результат, т. к. по-настоящему особым, по всей видимости, является территориальный паттерн воспроизводства населения, органичной частью которого является младенческая смертность. Применительно к Пермской губернии рубежа XIX–XX вв. это можно трактовать как необходимость не просто наблюдать историческую динамику сверхвысокой младенческой смертности как некий атипичный феномен, время от времени пытаясь «подставить» к ней какой-либо объяснительный тезис, а пытаться взглянуть на нее как на логичное продолжение господствовавших в регионе демографических отношений, которые в свою очередь вместе с местной экономикой, культурными и политическими институтами составляли комплекс взаимовлиявших факторов. Последние можно разделить на следующие группы:

- Этнорелигиозные установки, в т. ч. нормы традиционной этнической культуры и религиозные предписания, касавшиеся гигиены, медицины и ухода за детьми. Этот сегмент нашей методологической базы происходит из этнодемографической платформы⁴⁰.
- Специальные режимы управления этноконфессиональными группами, сложившиеся в результате сочетания природных условий, экономической конъюнктуры и характера русской колонизации. В общих чертах эти положения заимствованы из

⁴⁰ Казьмина О. Е., Пучков П. И. Основы этнодемографии. М., 1994. С. 49–54; Алферова Е. Ю. и др. Этнодемографическое развитие Урала в XIX – XX вв. (историко-социологический подход). Екатеринбург, 2000. С. 6-19

современной социальной истории⁴¹, исторической геоэкологии⁴² и позднесоветской формационной школы⁴³.

- Урбанизация и модернизация. Для интерпретации этих процессов были адаптированы, во-первых, теория регион-ориентированной модернизации, гибкой и адаптивной, допускающей разнородную географию и календарь⁴⁴, и, во-вторых, теория трех стадий миграционного процесса⁴⁵.

3) Что касается практической оснастки исследования, то наш главный принцип при ее формировании состоит в сочетании количественных и качественных инструментов. Главным методом мы избрали качественный факторный анализ, т. е. исследование взаимосвязи группы переменных, построенное не на статистической, а на описательной основе⁴⁶. Структура метода подразумевает максимально широкое использование, насколько это позволяет источник, количественных инструментов, в числе которых демографические коэффициенты (рождаемости, брачности, смертности и младенческой смертности), статистические методы (группировки, меры вариации и корреляционный анализ) и графические методы (графики, гистограммы, картографирование)⁴⁷. Качественный анализ позволил

⁴¹ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860-1940. М., 2010. 336 с.; Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017. 640 с.

⁴² Трапезникова О. Н. Парадоксы северного земледелия: история и география агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины. М., 2019. 256 с.

⁴³ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX века // История СССР. 1966. № 4. С. 55–80; Шепукова Н. М. Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России (XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 1959. № 12. С. 123–136; Яровой Г. В. Государственные крестьяне в законодательстве первой половины XIX века // Вопросы истории Урала. Вып. 7. Свердловск, 1967. С. 165–174; Яровой Г. В. Денежные и натуральные повинности государственных крестьян Урала в дореформенный период // Вопросы истории Урала: сб. статей. Вып. 14. Свердловск: УрГУ, 1976. С. 83–105.

⁴⁴ Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. 313 с.

⁴⁵ Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. М., 2019. 218 с.

⁴⁶ См. описание методики: Мазур Л. Моделирование как метод аналитической истории: опыт разработки исторических моделей человеческого потенциала // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4. № 4. С. 133–164.

⁴⁷ Подробно об использованных методах см.: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. 606 с.; Миронов Б. Н. История в цифрах: математика в исторических исследованиях. Л., 1991. 165, [2] с.; Alter G.C. et al. Introduction: Longitudinal Analysis of Historical-Demographic Data // The Journal of Interdisciplinary History. 2012. Vol. 42. No 4. P. 503–517; Willigan J. D., Lynch K. A. Sources and methods of historical demography. N.Y., 1982. 505 p.

построить модель формирования уровня младенческой смертности в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в., учтя не только сами факторы младенческой смертности, но и механизмы их влияния⁴⁸.

Главным компонентом **источниковой базы** диссертационного исследования стала опубликованная демографическая статистика. Под статистическими источниками мы понимаем документы, содержащие данные, которые целенаправленно собирались для выработки управленческих решений⁴⁹. Создателями подобных источников были в первую очередь государственные и региональные статистические организации. Главным органом государственной статистики, чьи публикации были использованы в рамках исследования, был Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел (ЦСК МВД). С 1866 по 1890 гг. ЦСК выпускал периодическое издание «Статистический временник Российской империи», в котором публиковались таблицы агрегированных числовых сведений по движению населения, в т. ч. младенческой смертности, губерний Европейской России⁵⁰. Затем он был заменен периодическим изданием «Статистика Российской империи» с входящей в него серией «Движение населения в Европейской России», издаваемой с 1890 по 1916 гг.⁵¹ Кроме того, ЦСК обработал и издал результаты Первой всеобщей переписи 1897 г. по Пермской губернии, которые широко использовались в исследовании⁵², а также общеимперский Список населенных мест за 1869 г.⁵³ и важный картографический источник – атлас «Волости и гмины» 1890 г.⁵⁴

К органам региональной статистики, чьи опубликованные данные были использованы в рамках работы, относились пермский губернский

⁴⁸ Вариации подобного, ориентированного на качественное описание факторов, метода имеют широкое распространение, см., например: Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. 1. С древнейших времен до Великой Смуты. М., 2010. С. 7–81.

⁴⁹ Источниковедение: учеб. пособие / под ред. М. Ф. Румянцевой. М., 2015. С. 311.

⁵⁰ Статистический временник Российской империи. СПб., 1866–1890.

⁵¹ Движение населения в Европейской России за ... [по годам]. СПб., 1890–1916.

⁵² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. [4], XII, 301 с.

⁵³ Список населенных мест по сведениям 1869 года. Вып. 31: Пермская губерния. СПб., 1875. 4, CDLX, 3, 443 с.

⁵⁴ Волости и гмины 1890 г. Т. 31. Пермская губерния. СПб., 1890. [2], 28, [1] с.

статистический комитет (ГСК), статистические подразделения пермского губернского земства, а также уездных и городских органов местного самоуправления. Силами ГСК ежегодно готовились и издавались «Памятные книжки Пермской губернии»⁵⁵, в которых публиковалась информация о численности, составе и движении населения губернии, уездов и городов⁵⁶. Также ГСК ежегодно подготавливал «Обзоры Пермской губернии», бывшие приложением к Всеподданнейшему отчёту губернатора и содержавшие в т. ч. сведения о численности, составе и движении населения губернии⁵⁷. Губернское земство, в свою очередь, издало серию сборников демографической статистики «Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г.»⁵⁸, а с 1896 по 1916 гг. выпускало «Санитарные обзоры Пермской губернии»⁵⁹, включавшие сведения о младенческой смертности; также статистические органы губернского земства подготовили и опубликовали Списки населенных мест Пермской губернии за 1897, 1904 и 1908 гг.⁶⁰ с информацией о численности и составе населения поселений региона. Статистические органы уездов и городов иногда самостоятельно, без участия губернского начальства, организовывали учетные мероприятия и издавали их результаты, в первую очередь это касается локальных переписей населения⁶¹ и сборников сведений о движении населения⁶². В нескольких случаях мы привлекли неопубликованные статистические источники, созданные по заказу екатеринбургской городской управы⁶³.

⁵⁵ Значительная часть содержания «Памятных книжек» – адрес-календарь – относится к категории справочных источников, однако, учитывая, что в рамках представленного исследования этот сегмент издания практически не привлекался, мы отнесли этот источник к статистическим.

⁵⁶ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на ... [по годам]. Пермь, 1862–1917.

⁵⁷ Обзор Пермской губернии за ... [по годам]. Пермь, 1870–1916.

⁵⁸ Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 1–12: [по уездам]. Пермь, 1903–1906.

⁵⁹ Санитарный обзор Пермской губернии за ... [по годам]. Пермь, 1896–1916.

⁶⁰ Список населенных мест Пермской губернии. Ч. 1–12: [по уездам]. Пермь, 1897–1898; Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905; Список населенных мест Пермской губернии: [по уездам]. Пермь, 1908–1909.

⁶¹ Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Екатеринбург, 1891. [1093] с.; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912. 21, 158 с.; Город Екатеринбург. Екатеринбург, 2007. [1051] с.

⁶² См., например: Движение населения по Шадринскому уезду. 1912 г. Шадринск, 1913. 36 с.

⁶³ ГАСО. Ф. 62. Екатеринбургская городская управа, г. Екатеринбург Пермской губернии (1870–1918).

Второй по величине сегмент источниковой базы исследования целиком состоит из материалов церковного учета населения, а именно метрических книг. Метрификация в Российской империи выполняла роль государственной регистрации актов гражданского состояния (рождения, брака и смерти в виде соответствующих церковных обрядов — крещения, венчания, отпевания). Целью привлечения этого вида источника было изучение урбанизационно-модернизационных факторов эволюции младенческой смертности в Пермской губернии второй половины XIX — начала XX в. Работа с первичными источниками крайне трудоемка, поэтому для исследования был отобран ограниченный корпус метрик, включающий главным образом книги православного Градо-Екатеринбургского Вознесенского прихода. Выбор Екатеринбурга был обусловлен его размером — в конце XIX в. он вмещал около 25 % городского населения губернии — и статусом экономической столицы региона. Православные составляли подавляющее большинство населения города и губернии, никогда не опуская свою долю ниже 90 %, а Вознесенский приход был одной из старейших общин города, крупной и разнородной. В ходе исследования были использованы 34 метрические книги Вознесенской церкви, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), за период 1880–1919 гг. Кроме того, для изучения влияния институциональных факторов на городскую младенческую смертность были дополнительно использованы две метрические книги Архангело-Михайловской тюремной церкви Екатеринбурга за 1870–1872 гг.⁶⁴ Сведения о смертях из книг Вознесенской церкви были транскрибированы и оформлены в базу данных⁶⁵. Последняя включила 2 629 записей о смертях (отпеваниях) младенцев 1889–1916 гг.⁶⁶ Для анализа причин смерти были дополнительно привлечены базы

⁶⁴ ГАСО. Ф. 6. Екатеринбургская духовная консистория, г. Екатеринбург Пермской губернии (1738–1918).

⁶⁵ Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Метрические книги православной Вознесенской церкви Екатеринбурга за 1880–1919 гг.: раздел об умерших». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 19.02.2019. Режим доступа: на договорной основе. База данных создана при поддержке РНФ, проект № 16-18-10105 «Этнорелигиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX — начале XX вв. на примере Урала и Скандинавии».

⁶⁶ Метрические книги за 1885–1888 и 1904 гг. были утрачены, для книг за период 1917–1919 гг. можно констатировать значительное ухудшение качества данных, вынудившее нас исключить их из выборки.

данных, созданные на основе метрических книг других приходов. Первая база включила информацию об умерших из метрик Градо-Екатеринбургского Богоявленского прихода за 1880–1919 гг., всего 4 283 записи⁶⁷. Вторую составили сведения о смертях из метрических книг православного прихода села Кисловского Екатеринбургского уезда Пермской губернии за 1908–1917 гг., всего 1 977 записей⁶⁸ (см. фрагменты баз данных в Приложении 1).

Третья часть источниковой базы состоит из опубликованной делопроизводственной документации органов местного самоуправления и общественных организаций Пермской губернии конца XIX – начала XX в. К их числу относятся протоколы и журналы заседаний Пермского губернского земского собрания⁶⁹ и Пермской городской думы⁷⁰, медицинские отчеты земских врачей⁷¹, отчеты Екатеринбургского родильного дома Екатеринбургскому уездному земскому собранию⁷², отчеты по Детской больнице Общества Красного Креста в г. Екатеринбурге⁷³.

Значимой частью источниковой базы стала периодическая печать. Нами была привлечена местная хроника, посвященная подкидыванию младенцев в городах Пермской губернии, из таких региональных газет как

⁶⁷ Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Метрические книги Богоявленского прихода г. Екатеринбурга 1880–1919 гг.: раздел о смертях». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 08.12.2020. Режим доступа: на договорной основе. База данных создана при поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области, проект № 20-49-660013 р_а «Городские элиты Екатеринбурга конца XVIII – начала XX века: 250 лет социальной и демографической эволюции».

⁶⁸ Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Православный приход села Кисловское Екатеринбургского уезда Пермской губернии: умершие в 1908–1917 гг.». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 21.03.2022. Режим доступа: на договорной основе. База данных создана при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00292\19 «Пространственный анализ детской смертности на Урале в конце XIX – начале XX в.: этно-религиозные и социально-экономические факторы».

⁶⁹ Журналы Пермского губернского земского собрания 40-й очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1910. XVIII, 440 с.; Журналы Пермского губернского земского собрания 43-й очередной сессии и доклады комиссий. Пермь: Электро-тип. губ. зем., 1913. XV, 272 с.

⁷⁰ Журнал очередного собрания Пермской городской думы. 14-го октября 1909 года. № 8-й // Журналы Пермской Городской Думы за 1909 год. Пермь, 1910. С. 368–380; Доклад Городской управы «Об участии Городского управления в содержании приюта для подкидышей» // Журналы Пермской городской думы за 1913 год. Пермь, 1914. С. 1–3.

⁷¹ Падарин М. А. Годичный отчет земского врача Падарина и некоторые общие соображения по устройству медицинской части в Осинском уезде // Сборник Пермского земства. 1872. Сентябрь-октябрь. Пермь, 1872. С. 78–103.

⁷² См. список источников и литературы.

⁷³ Хири́н Д. Медицинский отчет по Детской больнице Общества Красного Креста в г. Екатеринбурге за 1912 год. Екатеринбург, 1913. 29 с.; Он же. Медицинский отчет по Детской больнице Общества Красного Креста в г. Екатеринбурге за 1913 год. Екатеринбург, 1914. 26 с.

«Екатеринбургская неделя», «Пермские губернские ведомости», «Уральская жизнь».

Наконец, последней группой источников диссертационного исследования, являются повествовательные источники – публицистические очерки⁷⁴, мемуары⁷⁵, духовная литература⁷⁶ и научные труды. В число последних вошли лишь те, которые были использованы нами не как историография проблематики, а как вторичный исторический источник. В первую очередь это труды современников по демографии⁷⁷, антропологии⁷⁸, экономике⁷⁹, истории медицины⁸⁰ и общественных организаций⁸¹. Также были задействованы поздние научные издания агрегированной статистики XIX – начала XX в.⁸²

⁷⁴ Ерогин П. М. О призрении крестьянских сирот // Вестник благотворительности. 1898. № 5. С. 16–24; Шестаков И. Насущные нужды инвентских инородцев - Пермь Соликамского уезда. Пермь, 1898. 6 с.

⁷⁵ Радзиловская Ф. Н., Орестова Л. П. Мальцевская женская каторга // На женской каторге: сборник воспоминаний. М., 1930. С. 18–53.

⁷⁶ Коран. М., 2007. 686 с.; [Михаил, иером.]. О крещении через погружение и обливание // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1855. Кн. 4. Ч. 14. С. 432–471.

⁷⁷ Гедройц-Юрага В. Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска: (1878–1887). Омск, 1890. С. 117–180; Ефимов А. И. Православное население Томской губернии по данным 1870–1880 годов: демографический очерк. СПб., 1890. 43, [7] с.; Талько-Грынцевич Ю. Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основании записей смертности в одиннадцати приходах за двадцать три года 1869–1891. М., 1898. 2, 18 с.

⁷⁸ Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России: материалы для мед.-антропол. исслед. М., 1884. [2], 380, IV с.; Малиев Н. М. Антропологический очерк племени пермяков: Материалы для сравн. анатомии фин. народностей. Казань, 1887. 69 с.; Ершов С. М. Материалы для санитарной статистики Свияжского уезда: Опыт сравн. демографии рус. и татар. народностей: Дис. на степ. д-ра мед. СПб., 1888. [4], II, 197 с.; Тезяков Н. Вотьяки Больше-Гондырской волости. Чернигов, 1892. 2, 87 с.; Янович В. М. Пермяки: этнографический очерк. СПб., 1903. 122 с.; Сухарев А. А. Казанские татары: (Уезд Казанский): Опыт этногр. и мед.-антропол. исслед.: Дис. на степ. д-ра мед. СПб., 1904. 195 с.

⁷⁹ Красноперов Е. И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем, императором Александром II. Пермь, 1886. 205 с.; Гулин В. С. Уральская горнозаводская промышленность в цифрах за 50 лет и дальнейшие пути ее развития. М., 1930. 83 с.

⁸⁰ Сто лет деятельности Императорского Клинического повивального института: (1797 г. – 1897 г.): Ист.-мед. очерк. СПб., 1898. [1281] с.; Калачников В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеича Петрова: к 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915. 59 с.; Левенсон Б. М. Медико-санитарный обзор Сиротско-Воспитательного Дома имени С. А. Петрова 1893–1914 гг. // Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеича Петрова: к 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915. С. 55–59.; Успенский В. П. Москва: краткий очерк развития и современного состояния городской врачебно-санитарной организации. М., 1911. VI, 131 с.

⁸¹ Ходнев А. И. История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. IX, 667 с.; Семенов-Тянь-Шанский П. П., Достоевский А. А. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. Ч. 1, Отд. I–III. СПб., 1896. [XXX], 468 с.

⁸² Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. М., 1928. II, 224 с.; Mitchell B. R. International Historical Statistics, Europe: 1750–1993, 4th edition. Indianapolis, 1998. 1113 p.; Младенческая смертность по субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=0 (дата обращения: 07.03.2022).

Положения, выносимые на защиту:

1. Младенческая смертность в Российской империи определялась в первую очередь традиционными нормами и религиозными предписаниями православных русских крестьян, которые включали высокие трудовые требования к женщинам, в том числе беременным и кормящим, а также раннее погружное крещение. Можно предположить, что подобные традиции сформировались в результате концентрации и эксплуатации крестьян силами центральной власти и аристократии. Свою роль также играла непрекращающаяся колонизация, отдалявшая колонистов все дальше от городских центров модернизации, и таким образом консервировавшая и даже архаизировавшая демографический порядок восточных губерний даже без крепостного права.

2. В Пермской губернии помимо этнорелигиозных установок православных русских на младенческую смертность большое влияние оказывали горные заводы. В заводских поселках существовала система социального обеспечения, которая значительно повышала выживаемость грудных детей. В то же время залогом функционирования горнозаводской промышленности была экстраординарная трудовая нагрузка на неза заводское население губернии, что провоцировало сверхвысокую младенческую смертность за пределами заводов.

3. Этноконфессиональные меньшинства Пермской губернии также имели специфичные паттерны младенческой смертности, которые, помимо традиционных норм и религиозных предписаний, определялись специальными режимами управления. Например, старообрядцы были непропорционально своей доле в общем населении региона сконцентрированы на горных заводах и испытывали положительное заводское влияние на младенцев гораздо шире, чем православные русские. Большая часть крепостных крестьян в Пермской губернии были коми-пермяками, что серьезно повышало их младенческую смертность. Почти все башкиры были вотчинниками, т. е. собственниками земли, что ставило их в выгодное

экономическое положение и увеличивало шансы башкирских новорожденных на выживание.

4. К концу XIX в. в Пермской губернии помимо сельского сформировался пореформенный городской демографический порядок, более экономный и интенсивный, с меньшей рождаемостью и смертностью, в т. ч. младенческой. Его источником была модернизация, обусловленная принципиально другим типом занятости городского населения по сравнению с сельским, растущим уровнем грамотности и развитием социальной инфраструктуры. Младенческая смертность в сельской местности ощущала гораздо меньший эффект от модернизации, т. к. земская медицина была направлена в первую очередь на лечение взрослых.

5. После отмены крепостного права в 1861 г. миграционный обмен между городом и селом в Пермской губернии многократно интенсифицировался, что создало условия для взаимодействия двух региональных режимов воспроизводства населения – сельского и городского. Главным каналом этого взаимодействия стала урбанизация. Миграция в город условно делилась на экономически, социокультурно и институционально мотивированную. Все они оказывали негативное влияние на младенческую смертность в городе через импорт сельского паттерна (миграция крестьянских семей), импорт неблагополучной рождаемости (миграция беременных женщин) и импорт смертности (миграция женщин с детьми или подкидывание). Таким образом, уровень младенческой смертности в городах Пермской губернии конца XIX – начала XX в. формировался как сочетание уровней старожилов (модернизированных горожан), новоселов (в основном немодернизированных мигрантов) и городского модернизационного ресурса для преобразования последних в первых. В то же время, вероятно, сельская младенческая смертность испытывала умеренный положительный эффект от миграционного обмена с городом за счет экспорта туда неблагополучной рождаемости и чистой смертности.

6. Младенческая смертность всей Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. постепенно снижалась за счет роста городского населения и медленной модернизации села, однако оставалась чрезвычайно высокой даже по российским меркам, находясь по большей части под влиянием этнорелигиозных установок русского населения.

Научная новизна исследования обусловлена оригинальной постановкой проблемы, источниковой базой и методической оснасткой. Младенческая смертность в Пермской губернии ранее изучалась специалистами преимущественно на примере сельско-заводской местности или всей недифференцированной губернии; зачастую исследователи лишь перерабатывали работы дореволюционных специалистов. Настоящее исследование впервые рассматривает феномен в масштабах всей губернии, с дифференциацией на городскую и сельскую местность и выделением отдельных значимых районов и поселений. Источниковая база опирается не на переработанную статистику из научных публикаций современников, как это часто делается в тематических работах, а имеет диверсифицированный характер, включая длинные, самостоятельно построенные автором ряды из опубликованной государственной и местной статистики, а также большой корпус данных из первичных источников – метрических книг. Методы также подразумевают не типичное для историографии изолированное рассмотрение феномена, а комплексное моделирование механизма младенческой смертности для демографически модернизирующегося общества, в контексте всего режима воспроизводства населения и с учетом влияния экономических и социальных факторов.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования имеют значение для исследования как феномена младенческой смертности, так и комплексной эволюции демографического порядка Урала и России второй половины XIX – начала XX в. Кроме того, выполненная работа обладает ценностью для специалистов по истории сфер, определенных в диссертации в качестве

факторов: региональных и страновых особенностей процесса модернизации; религии и этничности; экономики и культуры; миграций. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы для прогнозирования развития народонаселения и создания программ демографической политики органами власти. Часть сведений, представленных в тексте диссертации, может быть применена для разработки научно-просветительских продуктов, подготовки общих и специальных исторических курсов высшей школы, написания школьных учебников, создания тематических музейных выставок. Большое значение имеет ввод в научный оборот большого числа статистических источников, в т. ч. первичных, сведения которых наряду с исследовательскими результатами могут быть востребованы в коммерческой и некоммерческой генеалогии.

Степень достоверности исследования. Достоверность результатов исследования обусловлена разнообразием источников и методов. Информация источников о населении подвергалась источниковедческому анализу, а именно изучалась история создания источников, демографические данные проверялись путем сравнения с синхронными рядами другого происхождения, оценивалась их биологическая и историческая правдоподобность, проверялась их соответствие смежным демографическим показателям и всему режиму воспроизводства населения. Для получения конкретно-исторических результатов использовались качественные и количественные методы, которые на разных этапах исследования дублировали и верифицировали друг друга. Кроме того, для оценки достоверности результатов широко привлекалась отечественная и зарубежная историография.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были представлены на 22 международных и всероссийских конференциях и семинарах⁸³. Положения диссертации также изложены в 17

⁸³ V конференция «Церковь. Богословие. История» 2–4 февраля 2017 г., Екатеринбург, Екатеринбургская духовная семинария, УрФУ; Международная научная конференция «Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования», 16–18 мая 2017 года, ПГНИУ, Пермь, Россия; VIII Уральский демографический форум, 8–9 июня 2017 года, Екатеринбург, Россия; Social Science History Association Conference, November 04, 2017, Montreal, Canada; VI Всероссийская научно-богословская конференция «Церковь. Богословие.

научных публикациях (общий объем – 12,7 п. л., авторский вклад – 8,8 п. л.), из которых 8 (общий объем – 9,3 п. л., авторский вклад – 5,9 п. л.), опубликованы в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, 8 из них в изданиях, входящих в международные базы цитирования Scopus и Web of Science⁸⁴.

История», 10–12 февраля 2018 г., Екатеринбург, Россия; Второй международный молодёжный конвент «Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии», 29–31 марта 2018 года, Екатеринбург, Россия; IX Уральский демографический форум «Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития», 8–9 июня 2018 г., Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия; Nominative data for demographic research in the East and the West, 6–10 September 2018, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; Всероссийская молодежная научная школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых», 27–29 сентября 2018 г., Институт истории СО РАН, НГУ, Новосибирск, Россия; Studying the history of Health in Port cities (SHiP) research network workshop, April 12–14 2019, Barcelona, Spain; X Уральский демографический форум, 10–11 июня 2019 г., Екатеринбург, Институт экономики УрО РАН, Россия; III European Society of Historical Demography, June 26–29 2019, Pecs, Hungary; Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых», 19–21 сентября 2019 г., Новосибирск, НГУ, Институт истории СО РАН, Россия; VIII Всероссийская научно-богословская конференция «Церковь. Богословие. История», 6–9 февраля 2020 г., Екатеринбургская духовная семинария, Екатеринбург, Россия; 11th Demographic Conference of Young Demographers «Actual Demographic Research of Young Demographers (not only) in Europe», 5–7 February 2020, Prague, Charles University, Czech Republic; Уральский историко-архивный форум, 11–12 сентября 2020 г., Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; Международная молодежная научная школа-конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых», 12–14 октября 2020 г., Новосибирск, Институт истории СО РАН, Россия; Международная научная конференция «Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии» (XVII конференция Ассоциации «История и компьютер»), 4–6 декабря 2020 г., Москва, Россия; Международная научная конференция IV Научные чтения Юрия Александровича Полякова (к 100-летию со дня рождения) «Население России: вектор демографического развития IX–XXI вв.», 18–19 октября 2021 г., Москва, Институт российской истории РАН; EADH2021 «Interdisciplinary Perspectives on Data» (Конференция Европейской ассоциации цифровой гуманитаристики-2021 «Междисциплинарный анализ данных»), 21–25 сентября 2021 г., Красноярск, Россия; Международная научно-практическая конференция «Парадигмы и модели демографического развития»: XII Уральский демографический форум, 3–4 июня 2021 г., Екатеринбург, Институт экономики УрО РАН, Россия; XVIII международная научная конференция Ассоциации «История и компьютер», 11–13 ноября 2022 г., Москва, Россия.

⁸⁴ Бахарев Д. С., Заболотных Е. А. Еще до войны: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 889–904; Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Причины детской смертности в Екатеринбурге на рубеже XIX–XX вв.: опыт классификации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 79–96. Бахарев Д. С. Этнический ландшафт Пермской губернии в начале XX в.: картография контактных зон // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 4. С. 688–698; Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Социальные элиты поздней имперской Екатеринбурга: программа историко-демографического исследования // Уральский исторический вестник. 2021. № 3 (72). С. 169–179; Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Младенческая смертность в русском поздней имперской городе: уральский контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 5–14; Glavatskaya E., Zabolotnykh E., Bobitsky A., Bakharev D. From Birth to Marriage: Sex Ratios in the Late Imperial and Early Soviet Urals // Quaestio Rossica. 2022. Vol. 10. No 5. P. 1770–1787; Бахарев Д. С. Модернизационные факторы снижения младенческой смертности в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 59–76; Бахарев Д. С. Переписи городов Пермской губернии 1860-х–1918 гг.: опыт описания и каталогизации // Уральский исторический вестник. 2023. Т. 79. № 2. С. 6–15.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, в каждой из которых по три параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

Глава 1. Дореформенные факторы младенческой смертности

Смертность младенцев на первом году жизни в современном мире измеряется в десятках промилле (редко превышая 30 ‰ даже в развивающихся странах), а ее уровень часто сильно зависит от отдельных статистических нюансов вроде стандарта живорождения, принятого в стране. Главными причинами смертности детей до года являются перинатальная заболеваемость и врожденные пороки, а основным фактором – система здравоохранения. Однако еще сто лет назад ситуация была кардинально другой. Люди относятся к видам, чье потомство на старте своей жизни чрезвычайно уязвимо из-за неразвитости органов и систем и, как следствие, необходимости продолжительного родительского ухода⁸⁵; в естественных условиях, вероятно, это видовое свойство, выразившееся в значительном вымирании новорожденных, выполняло функцию регулирования численности популяции⁸⁶. На протяжении большей части истории человечества смертность детей в первый год жизни исчислялась в сотнях промилле, иногда превышая 500 ‰. Кроме того, в отличие от современной историческая младенческая смертность почти полностью состояла из резких колебаний, завися от большого количества самых разных, зачастую уникальных для определенной территории и исторического контекста факторов (сравни Рис. 1а и Рис. 1б). Чтобы преодолеть природное ограничение в виде высокой младенческой смертности, человек уже на заре своей эволюции начал формировать социальную систему, направленную на ее предупреждение; в донаучную эпоху она состояла по большей части из традиционных норм и религиозных предписаний. Социальные системы, создаваемые разными обществами, работали с разной эффективностью. Это было связано, на наш взгляд, во-первых, с ограниченностью ресурсов, когда общество приносило в жертву этот аспект демографического развития, в попытке ответить на другие, более важные вызовы. Во-вторых, свою роль играло запаздывание трансформации

⁸⁵ Безруких М. М., Сонькин В. Д., Фарбер Д. А. Возрастная физиология: физиология развития ребенка. М., 2003. С. 323-331.

⁸⁶ Гиляров А. М. Популяционная экология. М., 1990. С. 70-74.

культурных норм, когда на определенном этапе они не успевали за демографическими и экономическими изменениями.

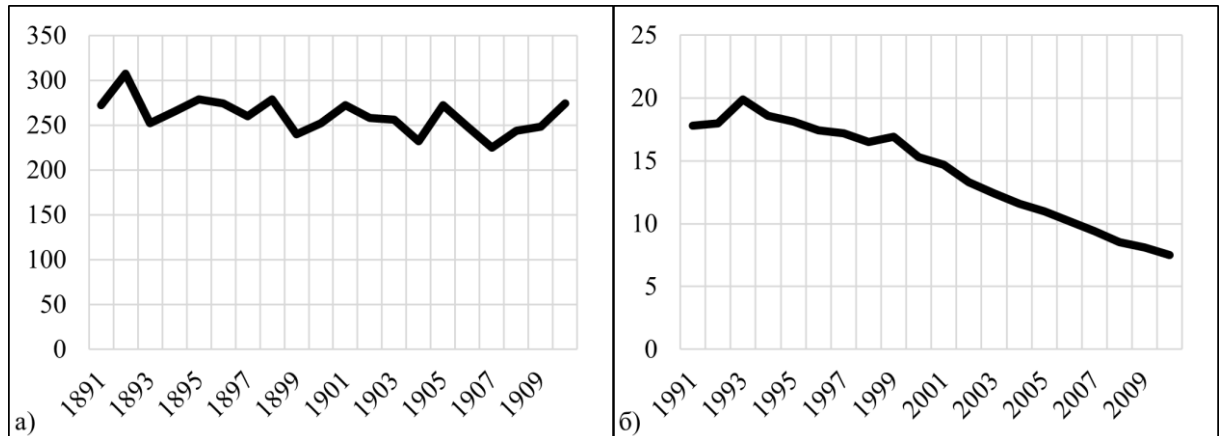


Рисунок 1. Младенческая смертность в России на рубежах XIX–XX (а) и XX–XXI (б) вв., ‰⁸⁷

С началом Нового времени к уже сформированной среди обществ этнически и религиозно ассоциированной дифференциации младенческой смертности добавилась дифференциация интеллектуальная и экономическая: более успешные в капиталистической гонке страны начали внедрять в свои социальные системы элементы научного знания, включавшие как нематериальные просветительские и образовательные инструменты (пропаганда гигиены, обучение акушерству и педиатрии), так и капитальные инфраструктурные объекты (больницы, роддома и детдома). Также свою роль сыграло постепенное повышение уровня жизни населения передовых стран. Таким образом, к концу XIX в. даже в границах Европы наблюдалась чрезвычайно пестрая картина младенческой смертности, с разбегом в 150 ‰ (Табл. 1).

Россия в этом рейтинге занимала худшие позиции с начала ведения международной статистики. При этом если еще в 1870-е гг. она входила в целый блок государств, имевших сопоставимые показатели

⁸⁷ Сост. по: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств. Ч. 2 / под ред. д-ра мед. П. Н. Булатова. Петроград, 1916. С. 65; Младенческая смертность по субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_reg_imr.php (дата обращения: 07.03.2022).

(преимущественно германоязычных и католических стран), а Германии даже уступала, то в начале XX в. стала безоговорочным аутсайдером.

Таблица 1. Младенческая смертность в Европе и России во второй половине XIX – начале XX в., ‰⁸⁸

Страна	1870	1885	1900	1912
Россия ⁸⁹	248	270	252	241
Румыния	159	170	197	216
Австрия ⁹⁰	253	255	231	181
Германия ⁹¹	298	226	229	147
Испания ⁹²	203	192	204	138
Италия	230	194	174	128
Бельгия	145	150	172	120
Финляндия	137	162	153	109
Франция ⁹³	201	161	160	105
Шотландия	123	121	128	105
Англия и Уэльс	160	138	154	95
Дания	131	128	128	94
Швейцария	222	173	150	94
Нидерланды	211	169	155	87
Ирландия	95	95	109	86
Швеция	132	114	99	71
Норвегия	101	93	91	67

Высокий уровень вымирания младенцев, с которым Россия вошла во вторую половину XIX в., согласно многочисленным свидетельствам современников, был следствием специфических традиционных норм православных русских, которые значительно отличались по этому показателю от инославных и иноверных жителей империи (Табл. 2). Уже в наше время исследователи Т. В. Натхов и Н. А. Василенок подтвердили сильную статистическую связь между долей русского («великорусского») населения и

⁸⁸ Сост. по: Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1912 году в Европейской России // Статистика Российской империи. 1918. № 95. С. I; Mitchell B. R. International Historical Statistics, Europe: 1750–1993. Indianapolis, 1998. P. 120–127.

⁸⁹ 50 губерний Европейской России.

⁹⁰ Цислейтания без Ломбардии и Венето.

⁹¹ За 1870 г. – Бавария и Саксония, за 1885 и 1900 гг. – Бавария, Саксония, Баден, Вюртемберг и Пруссия, за 1912 г. – Германская империя.

⁹² Без Канарских островов.

⁹³ Без Эльзаса и Лотарингии.

уровнем младенческой смертности в губерниях и уездах Российской империи⁹⁴.

Таблица 2. Младенческая смертность в России
по религиозной и этнической принадлежности в конце XIX в.⁹⁵

КМС ⁹⁶ в 1896–1897 гг., ‰			КМС в 1897 г., ‰		
Религия	м	ж	Этнос	м	ж
Православные	301	264	Русские	461	388
Лютеране	193	163	Чуваши	330	292
Мусульмане	176	156	Татары	312	268
Католики	163	135	Украинцы	272	221
Иудеи	138	120	Башкиры	271	236
			Белорусы	261	212
			Евреи	257	184
			Литовцы	233	187
			Эстонцы	214	171
			Латыши	207	166
			Молдаване	199	174

1.1. Истоки режима младенческой смертности русского населения

Главной составляющей русских традиций, ведущих к высочайшей младенческой смертности, обыкновенно считается очень ранний прикорм, подрывавший иммунитет и пищеварительную систему младенца, часто со смертельным исходом. Это технически верное суждение, однако, оставляет за скобками причину появления именно у русских такой практики и создает у читателя сомнительное представление об изначальной заданности или бессмысленности этой традиции. Для воссоздания картины неразрывной территориальной и хронологической эволюции населения Урала представляется полезным выдвинуть краткую описательную гипотезу о происхождении этой практики.

Встроенные в традиционную этническую культуру практики ухода за детьми, реализуемые носителями культуры веками, нельзя считать ни

⁹⁴ Натхов Т. В., Василенок Н. А. Младенческая смертность в пореформенной России: динамика, региональные различия и роль традиционных норм // Историческая информатика. 2020. № 3.

⁹⁵ Сост по: Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств. Ч. 2. Петроград, 1916. С. 60.; Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960. С. 247, 253.

⁹⁶ Коэффициент младенческой смертности (КМС) = $\frac{\text{количество умерших детей в возрасте до года за год}}{\text{количество рожденных детей за год}} \times 1\,000$.

случайностью, ни предопределенностью. Высокая младенческая смертность, бывшая органичной частью режима воспроизводства русских и обеспечивавшаяся традиционными нормами в течение столетий, по всей видимости, отвечала каким-то общественным интересам. Можно предположить, что эти «интересы» имели социально-экономические корни и были связаны с 1) суровыми природными условиями, 2) общинным землевладением и 3) широким использованием внеэкономического принуждения в экономике Московского и Российского государства.

Нечерноземная часть Восточно-Европейской равнины, составлявшая историческое ядро российского государства, характеризуется довольно суровыми природными условиями, в первую очередь недостатком тепла, невысокой плодородностью почв, краткостью вегетативного периода растений и резкими погодными изменениями. Для наиболее эффективного использования ресурсов этой местности русские крестьяне вплоть до раннего Нового времени предпочитали жить дисперсно, малодворными поселениями с преимущественно семейным землепользованием. Однако в середине XVI в. Россия вступила в комплексный социально-экономический кризис, связанный с аграрным перенаселением, последствиями опричнины Ивана Грозного, политической нестабильностью, тяжелыми войнами и, в начале XVII в., пиком «малого ледникового периода»⁹⁷. Падение урожайности приводило к массовому вымиранию крестьян из-за голода и эпидемий; выжившие бежали на юг и север Руси. Центральная власть и крупные землевладельцы, которые из-за запустения земель лишались большей части ренты, ответили на этот процесс масштабными мерами по закреплению и концентрации крестьян. В результате после Смутного времени система расселения центральной России претерпела коренные изменения. Они выразились в первую очередь в значительном укрупнении крестьянских поселений, переходе к многодворной

⁹⁷ Дулов А. В. Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. М., 1983. С. 17–18; Трапезникова О. Н. Парадоксы северного земледелия: история и география агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины. М., 2019. С.89–91.

соседской общине и, как следствие, общинному землепользованию⁹⁸. Важными последствиями последних стали: становление барщины как главной формы феодальной ренты, повсеместная чересполосица, регулярные переделы, отдаленность обрабатываемых полей и интенсивная помещичья эксплуатация; в сумме это значительно увеличивало временные затраты крестьян на обработку полей и создавало необходимость привлечения всех возможных рабочих рук, в т. ч. женских⁹⁹.

Таким образом, традиционные нормы русских, регулировавшие жизнь беременных и новорожденных, включали три важнейших элемента, которые мы перечисляем в порядке их появления в жизни матери и ребенка: 1) *высокие трудовые требования к женщинам, включая беременных*, (следствие – частые преждевременные роды и родовые повреждения); 2) *обоснованный страх за душу новорожденного* (следствие – экстремально раннее погружное крещение); и 3) *высокие трудовые требования к кормящим женщинам* (следствие – краткое грудное вскармливание). Каждый из трех заслуживает детального освещения.

1) *Высокие трудовые требования к беременным женщинам*. Педиатр Д. А. Соколов, основатель кафедры детских болезней Санкт-Петербургского Женского медицинского института, описывал быт беременных крестьянок на рубеже XIX–XX вв. следующим образом:

«У русского же народа взгляд на беременную женщину не отличается от обычного взгляда на женщину, как на постоянную и бессменную работницу днем и ночью. Русская крестьянка во время беременности работает так же, как и во всякое другое время, при чем на самое тяжелое время беременности, именно на последнее время ее, выпадает обыкновенно и самая тяжелая работа. Известно, что в России самая большая рождаемость летом, в зависимости от осенних зачатий, которые в свою очередь зависят от наибольшего

⁹⁸ Трапезникова О. Н. Парадоксы северного земледелия: история и география агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины. М., 2019. С. 91–97.

⁹⁹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 202, 233, 237.

благосостояния крестьян в осеннее время, наибольшей свободы их от усиленных трудов, и поэтому от наибольшего числа браков, наряду с частыми осенними ярмарками ... Что касается до самого акта родов, то, так как женщина работает до последних моментов, этот акт зачастую происходит вне дома, в поле, в огороде, в лесу, в хлеву, или же роженицу помещают нарочно в баню и там ее подвергают различным насилиям, якобы с целью ускорения родов, как-то: подвешиванию, встряхиванию, перетягиванию и т. п. И, наконец, после родов женщина часто уже на 3–4-й день встает и принимается снова за работу или даже отправляется в поле»¹⁰⁰.

В данном описании, читанном в виде доклада на соединенном собрании Общества русских врачей и Общества детских врачей, безусловно, несколько сгущены краски с целью поразить слушателя – большинство крестьянок успешно рожали здоровых детей и выживали сами, иначе ни о каком воспроизводстве и росте численности русских не шло бы и речи. Однако сам факт высоких трудовых требований к беременным подтверждается многочисленными упоминаниями в литературе¹⁰¹. Вероятно, следствием этого положения были частые преждевременные и паталогические роды, а также родовые повреждения. Их главным прокси-показателем должна была бы быть мертворождаемость, однако, судя по всему, ее изучение по наиболее популярным количественным источникам, как агрегированным, так и первичным, имеет мало смысла. Традиционное мировоззрение русских включало представление об ужасной участи детской души в случае смерти без крещения¹⁰², из-за чего родители любой ценой стремились окрестить ребенка даже без участия священника, даже мертворожденного. Сравнение мертворождаемости Европейской России с образцовыми показателями

¹⁰⁰ Соколов Д. А., Гребенщиков В. И. Смертность в России и борьба с ней: доклад в соединенном собрании Общества русских врачей. СПб., 1901. С. 32–33.

¹⁰¹ См., например: Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России: материалы для мед.-антропол. исслед. М., 1884. С. 22; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб., 2004. С. 44, 318, 434; Семенова-Тян-Шанская О. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М., 2010. С. 31–32.

¹⁰² Кабакова Г. И. Дети некрещенные // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М., 1995. С. 86–88.

Императорского клинического повивального института в Петербурге, в стенах которого разрешались в среднем около 1 000 рождений каждый год, укрепляет исследователя в этом мнении (Рис. 2).

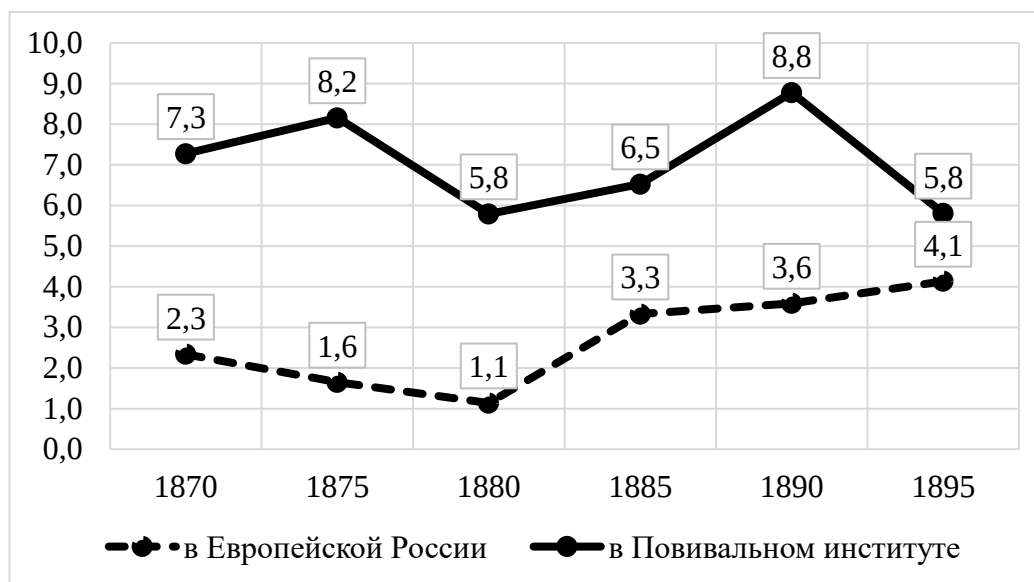


Рисунок 2. Мертворождаемость в Европейской России в конце XIX – начале XX в.¹⁰³

Конечно, нельзя забывать, что Повивальный институт, как любое другое родильное учреждение, концентрировал осложненные роды. Но это могло успешно компенсироваться расположением в столице – с грамотным населением, большой долей привилегированных и состоятельных жителей, неаграрной занятостью матерей. Типичное русское село, с загруженными полевым трудом крестьянками, рожавшими вне дома без квалифицированной помощи, вряд ли могло похвастаться лучшими показателями. На наш взгляд, мертворождаемость могла вполне успешно «прятаться» в смертности младенцев в возрасте нескольких суток, благодаря возможности крестить (т. е.

¹⁰³ Сост. по: Сто лет деятельности Императорского Клинического повивального института: (1797–1897): Ист.-мед. очерк / под ред. проф. Дм. Отта. СПб., 1898. С. 652–653; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 14. Движение населения в Европейской России за 1870 год. СПб., 1879. С. 17-19; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 22. Движение населения в Европейской России за 1875 год. СПб., 1883. С. 30-31; Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 7. Движение населения в Европейской России за 1880 год СПб., 1887. С. 28-29; Движение населения в Европейской России за 1885 год. СПб., 1890. С. 15, 53; Движение населения в Европейской России за 1890 год. СПб., 1895. С. 15, 53; Движение населения в Европейской России за 1895 год. СПб., 1899. С. 15, 53; Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб., 1906. С. 15, 53; Движение населения в Европейской России за 1905 год. СПб., 1914. С. 15, 53; Движение населения в Европейской России за 1910 год. СПб., 1914. С. 15, 54. Для Повивального института с 1885 г. и далее год начинается 1 сентября.

сообщать священнику о демографическом событии) спустя несколько дней после родов; в условиях же Повивального института и любого другого официального учреждения этот люфт был исключен.

Другим источником сведений о преждевременных родах как результате высоких трудовых требований к беременным русским женщинам стали базы данных на основе метрических книг православных приходов Пермской губернии начала XX в. Мы отсортировали все записи о смертях младенцев с «недоношенностью»¹⁰⁴ в качестве причины смерти, разделили по приходам и посчитали их долю от всей младенческой смертности (Табл. 3).

Таблица 3. Младенческая смертность вследствие недоношенности в Екатеринбурге и Екатеринбургском уезде в начале XX в.¹⁰⁵

годы	Богоявленский приход			Вознесенский приход			Кисловский приход		
	смерти до 1 года, абс	«недоносы»		смерти до 1 года, абс	«недоносы»		смерти до 1 года, абс	«недоносы»	
		абс	%		абс	%		абс	%
1908–1910	56	0	0,0	316	11	3,5	346	44	12,7
1911–1913	55	0	0,0	287	15	5,2	343	29	8,5
1914–1916	70	1	1,4	234	13	5,6	293	31	10,6

Из трех исследованных приходов Богоявленский — полностью городской, расположенный в самом респектабельном районе Екатеринбурга и населенный тогдашней элитой города; Вознесенский — смешанный сельско-городской, включавший в свой состав два близлежащих к Екатеринбургскому села, в своей городской части более «простонародный» по сравнению с Богоявленским; Кисловский — отдаленный сельский приход, населенный исключительно крестьянами, занятыми в сельском хозяйстве. Получившуюся в результате графикацию можно интерпретировать как подтверждающую гипотезу о большой роли недоношенности как причины младенческой

¹⁰⁴ Также использовались такие термины как «недонос», «недоносок», «преждевременные роды».

¹⁰⁵ Сост. по: Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Метрические книги Богоявленского прихода г. Екатеринбурга 1880–1919 гг.: раздел о смертях». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 08.12.2020. Режим доступа: на договорной основе; Они же. База данных «Метрические книги православной Вознесенской церкви Екатеринбурга за 1880–1919 гг.: раздел об умерших». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 19.02.2019. Режим доступа: на договорной основе; Они же. База данных «Православный приход села Кисловское Екатеринбургского уезда Пермской губернии: умершие в 1908–1917 гг.». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 21.03.2022. Режим доступа: на договорной основе.

смертности на селе, хотя, разумеется, в силу небольших чисел она не может претендовать на репрезентативность.

Аномальные роды другого характера не имели четких определений в словаре священников, которые записывали причины смерти в метрическую книгу. Вероятно, все слабо поддающиеся классификации случаи попадали в категорию т. н. «народных» диагнозов; в дореволюционном Екатеринбурге, например, в их число входили в первую очередь «родимец» и «слабость»¹⁰⁶. Традиционно эта часть исторической младенческой смертности интерпретируется нынешними специалистами как некоторый нераспределенный сегмент неясной современникам этиологии. Между тем, в 1905–1910 гг. врачи петербургского Повивального института специально провели вскрытие 123 младенцев, умерших с диагнозом «врожденная слабость»; все смерти произошли в стенах Института, при этом чисто внешне причину смерти нельзя было определить (Табл. 4).

Таблица 4. Причины смерти младенцев с «врожденной слабостью» по результатам вскрытия в Повивальном институте, 1905–1910 гг.¹⁰⁷

Причина смерти	Количество
Кровотечения	41 (из них 33 – внутричерепные)
Асфиксия	16
Легочные поражения (пневмония, ателектаз)	15
Врожденная слабость	11
Септицемия	8
Врожденный сифилис	5
Острый энтероколит	4
Врожденные аномалии	4
Гнойное воспаление спинного и головного мозга	3
Острое малокровие	3
Резкая гиперемия и отек мозга (при клинич. явлениях эклампсии)	2
Острый менингит	3
Прочие	8

¹⁰⁶ Подробнее см.: Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Причины детской смертности в Екатеринбурге на рубеже XIX–XX вв.: опыт классификации // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 79–96.

¹⁰⁷ Владыкин А. Л. Новорожденные: пол, размеры, мертворождаемость, смертность, заболевания. СПб., 1912. С. 41–42.

В подавляющем большинстве случаев удалось установить совершенно четкую причину смерти, половина из которых пришлась на родовые повреждения (кровотечения, асфиксии, септицемии). Диагноз «врожденная слабость» оставили неизменным лишь в 11 случаях, которые медицинская наука начала XX в. еще не могла истолковать. Таким образом, даже в стенах Повивального института новорожденные регулярно получали внутренние повреждения во время родов, и в трудных случаях для их определения использовалась «народная» терминология.

Логично предположить, что в условиях домашних или даже полевых родов русские крестьянки и мещанки гораздо чаще сталкивались с родовыми повреждениями, и именно последствия таких родов был в первую очередь призван обозначать «народный» диагностический комплекс. Между тем, масштаб его использования даже в Екатеринбурге – крупном городском центре рубежа XIX–XX вв. – позволяет предполагать широкую долю именно родовых повреждений во всей младенческой смертности (Табл. 5).

Таблица 5. Младенческая смертность
по причинам смерти в Вознесенском и Богоявленском
приходах Екатеринбурга, 1881–1916 гг.¹⁰⁸

	абс.	%
инфекционные	2 644	55,6
«народные»	1 710	36,0
неинфекционные	396	8,3
от внешних причин	5	0,1
всего	4 755	100,0

2) *Обоснованный страх за душу новорожденного.* Другим элементом русских этнорелигиозных норм, регулировавших уход за младенцами, было экстремально раннее, непереносимое даже зимой, погружное православное крещение. Его необходимость, по всей видимости, была зашита в народно-религиозных представлениях вследствие высокой мертворождаемости из-за

¹⁰⁸ Сост. по: Бахареv, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Метрические книги Богоявленского прихода г. Екатеринбургa 1880–1919 гг.: раздел о смертях». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 08.12.2020. Режим доступа: на договорной основе.

высоких трудовых требований к беременным. В стремлении обеспечить загробную жизнь мертворожденных или живых, но уже обреченных детей, русские крестьяне создали практику экстремально раннего крещения в любых условиях, которая, будучи применяемой к вполне здоровым младенцам, часто оказывала катастрофическое влияние на их здоровье.

Этой практике способствовали консервативное отношение Русской православной церкви к ритуалу, предписывавшее обязательность погружного крещения. В середине XIX в. иеромонах Михаил (Лузин) (будущий епископ Курский и Белгородский и ректор Московской духовной академии) в своей магистерской диссертации «О крещении чрез погружение и обливание» резюмировал отношение Русской церкви к возможным вариантам ритуала следующим образом:

«Но признавая, что обливание при совершении крещения не уничтожает силы таинства, православная Церковь не вводит однако ж сего способа крещения во всеобщее употребление, как Церковь западная. И в этом православная Церковь точно следует примеру древней Церкви вселенской, в которой, хотя употреблялось в известных случаях и обливание; но обыкновенным и общеупотребительным способом крещения было и строго правильным признавалось погружение, как выше доказано нами. Имея в виду те обстоятельства, в которых первенствующая Церковь разрешала отступать от общеупотребительного способа крещения и заменять его обливанием, православная Церковь и ныне допускает обливание при совершении крещения только в случаях нужды, по примеру древней Церкви, – почитая в других случаях необходимым крестить посредством погружения»¹⁰⁹.

Одним из первых в литературе обратил внимание на возможную связь этой традиции с младенческой смертностью М. В. Ломоносов в своем знаменитом письме графу И. И. Шувалову:

¹⁰⁹ [Михаил, иером.]. О крещении через погружение и обливание // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1855. Кн. 4. Ч. 14. С. 471.

«Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавится, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, она смертоносная болезнь удобнее возобновится»¹¹⁰.

Можно было бы списать эту мысль на присущий культурной среде российского просветителя дух сциентизма и секуляризма, однако через 120 лет ему вторит директор московской Детской больницы на Малой Бронной, педиатр Е. А. Покровский:

«Москва, как известно, отличается прославленной преданностью старине. Относительно крещения даже некоторых собственных детей здесь мне не раз приходилось вести горячие споры со священниками, особенно пожилыми, видевшими в крещении негретой водой наиболее согласия с уставами церковными. Вследствие таких воззрений иных московских отцов, мне самому не раз приходилось здесь видеть у детей, вслед за крещением в холодной воде, лихорадочное состояние, бронхиты и катарры желудочно-кишечного канала»¹¹¹.

Уже в наши дни итальянские демографы, полагаясь на достоверные базы номинативных исторических данных и изощренный статистический аппарат, подтвердили для Италии XIX в. несомненную связь между датой крещения и датой смерти: слишком раннее крещение через погружение в холодную воду сказывалось на перспективах выживания младенца самым плачевным образом, особенно зимой¹¹². Логично предположить, что такая закономерность в холодной России должна была проявляться еще сильнее, чем в южной

¹¹⁰ Ломоносов М. В. [О сохранении и размножении российского народа] // Сочинения. М.; Л., 1961. С. 471.

¹¹¹ Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России: материалы для мед.-антропол. исслед. М., 1884. С. 99–100.

¹¹² Minello A., Dalla-Zuanna G., Alfani G. First signs of transition: The parallel decline of early baptism and early mortality in the province of Padua (northeast Italy), 1816–1870 // Demographic Research. 2017. Vol. 36. P. 759–802.

Италии. Чтобы статистически оценить этот фактор, нами был проведен квартильный анализ корпуса детских смертей из базы данных на основе метрических книг православного Вознесенского прихода Екатеринбурга: для 7 814 записей о крещениях, зафиксированных в метрических книгах с 1889 по 1917 г., был вычислен родильно-крестильный интервал; полученная выборка математическим алгоритмом разделена на квартили (четверти)¹¹³ в соответствии с вычисленным интервалом; среди 2 720 младенческих смертей, зафиксированных в приходе, определены окрещенные тут же младенцы (2 266); эти сведения связаны с крестильными записями; для каждой из четвертей посчитан коэффициент младенческой смертности (Табл. 6).

Таблица 6. Младенческая смертность в приходе православной Вознесенской церкви Екатеринбурга в зависимости от сроков крещения за 1889–1917 гг., по квартилям¹¹⁴

Младенческая смертность	Родильно-крестильный интервал, дни			
	1	2	3–6	>6
Умерло на 1 000 родившихся	317	232	191	138

Следует отметить, что показатель для детей, крещенных в первый день своей жизни, несколько завышен – как было описано ранее, такое быстрое крещение, судя по всему, частью выполнялось для мертворожденных, которых из-за культурных стереотипов старались записать крещеными, либо для очень слабых младенцев, которые по мнению современников не должны были прожить долго. Однако даже при учете этого факта градация индексов в последующих трех квартилях очевидно указывает на вероятную сильную связь между очень ранним крещением и уровнем младенческой смертности, когда неокрепший детский организм подвергался экстремальному охлаждению и риску заражения инфекциями.

¹¹³ Из-за крайне низкой дисперсии интервалов между рождением и крещением размер квартилей, которые теоретически должны были быть равными, довольно сильно различался, однако оставался достаточным для репрезентативности: первый квартиль – 1 496, второй квартиль – 2 604, третий квартиль – 1 860, четвертый квартиль – 1 666 записей.

¹¹⁴ Сост. по: ГАСО. Ф. 62. Оп. 9. Д. 782, 790, 797, 804, 840, 847, 856, 866, 871, 878, 886, 896, 904, 911, 917, 923, 928, 931, 933; ГАСО. Ф. 62. Оп. 13. Д. 50, 60, 76, 99, 121, 143, 158, 188, 212, 232, 261, 292, 311, 339; Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Метрические книги православной Вознесенской церкви Екатеринбурга за 1880–1919 гг.: раздел об умерших». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 19.02.2019. Режим доступа: на договорной основе.

3) *Высокие трудовые требования к кормящим женщинам.* Самой очевидной уже для современников конкретной причиной смертности новорожденных было распространенное у русских короткое грудное вскармливание и прикорм уже в первые месяцы жизни. Известный уральский врач и организатор здравоохранения В. Ф. Предтеченский, заведующий медико-статистическим бюро Пермской губернской земской управы, описывал влияние грудного кормления на младенческую смертность в Пермской губернии следующим образом:

«Совершенное некармливание грудью и чрезвычайно раннее прикармливание детей православного крестьянского населения коровьим молоком, хлебным мякишем, всевозможными кашками и т. п. слишком общеизвестны, чтобы стоило над этим долго останавливаться. Такое кормление создает самую благоприятную почву для желудочно-кишечных заболеваний, свирепствующих летом повсеместно, но берущих жертв в тех слоях населения, дети которого наиболее ослаблены предшествовавшим заболеванием неправильным питанием. То же неправильное питание, то же раннее прикармливание мы видим и в городах и заводах среди рабочего населения, особенно там, где матери также вынуждены работать и оставлять грудных детей дома. В городах это явление существует почти целый год, но в меньших размерах, у меньшего числа жителей. Но в деревнях мать часто вынуждена, из-за необходимости работать в поле, бросить кормление ребенка именно в то «страднее» время лета, когда наиболее распространены желудочно-кишечные заболевания, когда, поэтому, наиболее необходимо рациональное вскармливание, и когда ребенок, частью по неимению хороших, подходящих суррогатов материнского молока (обыкновенно скисшее или жирное – топленое коровье молоко, или соска из жеванного мякиша), частью по незнанию, невежеству, кормится крайне нецелесообразно»¹¹⁵.

¹¹⁵ Предтеченский В. Некоторые цифровые данные о детской смертности в Пермской губернии // Труды VI Съезда врачей Пермской губернии 1–11 ноября 1895 года. Пермь, 1896. С. 204–205.

Это мнение современников регулярно подтверждается нынешними исследованиями младенческой смертности России XIX в.¹¹⁶. Пагубное влияние раннего прикорма на выживаемость грудных детей также верно и для Пермской губернии рубежа XIX–XX вв. В Вознесенском приходе Екатеринбурга из 3 145 смертей детей в возрасте до 1 года 1 075, т. е. более 34 %, пришлось именно на причины смерти, которые однозначно интерпретируются как кишечные инфекции: «понос» «катарр», «воспаление кишок» и пр.¹¹⁷

Таким образом, в рамках нашей гипотезы в нечерноземной полосе России раннего Нового времени под воздействием природных условий, экономики и политики сформировался специфический комплекс предписаний, регулировавших поведение беременных женщин и уход за младенцами. Его важнейшими компонентами были *высокие трудовые требования к беременным и кормящим женщинам и обоснованный страх за душу новорожденного*, которые выражались в частых родовых повреждениях, экстремально раннем погружном крещении и коротком периоде грудного вскармливания. Этот традиционный паттерн стал главным фактором русской младенческой смертности. Высокий уровень последней компенсировался высочайшей рождаемостью; таким образом крестьянское общество отвечало на интенсивную трудовую эксплуатацию, экстенсифицируя этот сегмент своего режима воспроизводства ради выживания более взрослых когорт населения. Также свою лепту вносили общая бедность, низкая грамотность, антисанитария и пр., которые, однако, были присущи многим другим народам и странам. В пользу этой версии говорят значительно меньшие коэффициенты

¹¹⁶ См., например: Машаринова А. Х. Детская смертность у коми-зырян нижнего Притоболья в конце XIX начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. Т. 24. № 1. С. 133–137; Хабарова О. В. Анализ основных аспектов смертности населения г. Севастополя в XIX в. при помощи базы данных (по материалам метрических книг) // Круг идей: Междисциплинарные подходы в исторической информатике. Труды X конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2008. С. 115–133; Троицкая И. А., Авдеев А. А. Первая российская номенклатура болезней и диагностика причин смерти в XIX в.: частный случай // Население и экономика. 2018. № 2(4). С. 1–46.

¹¹⁷ Подсчитано по: Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Метрические книги православной Вознесенской церкви Екатеринбурга за 1880–1919 гг.: раздел об умерших». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 19.02.2019. Режим доступа: на договорной основе.

младенческой смертности на Русском Севере и в Области Войска Донского, не знавших крепостного права; в южнорусских степях с их гораздо более благоприятными природными условиями; в белорусских губерниях, где было очень мало распространено общинное землепользование; в украинских губерниях, совмещавших мягкий климат и семейное землепользование (Рис. 3).

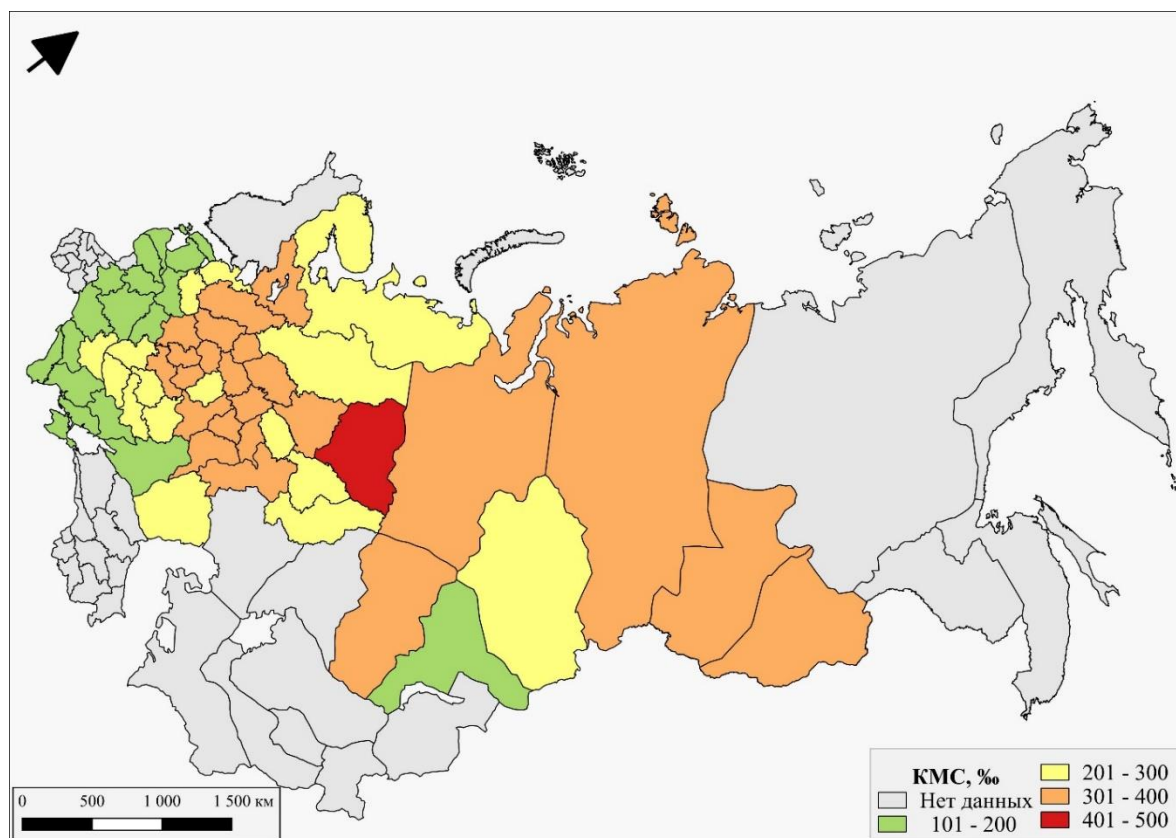


Рисунок 3. Младенческая смертность в России в 1886–1897 гг.¹¹⁸¹¹⁹

¹¹⁸ Сост. по: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М., 1956. С. 195–196; Ефимов А. И. Православное население Томской губернии по данным 1870–1880 годов: демографический очерк // Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1890. Вып. 17. С. 3–4, 9; Движение населения в Европейской России, в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской и Семипалатинской области за 1903 год. СПб., 1909. Вып. 70. С. 252, 258; Движение населения в Европейской России, и в двух губерниях Сибири: Иркутской и Енисейской за 1904 год. СПб., 1911. Вып. 74. С. 250–258; Кокоулин К. К. Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губернии (брачность, рождаемость, смертность). Статистические материалы за 25 лет, 1873–1897 // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1903. Т. 34. № 2. С. 142, 144; Талько-Грынцевич Ю. Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основании записей смертности в одиннадцати приходах за двадцать три года 1869–1891. М., 1898. С. 6, 10; Гедройц-Юрага В. Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска: (1878–1887). Омск, 1890. С. 153.

¹¹⁹ Для Тобольской губернии – за 1903 г., Томской – за 1870–1880 гг., Енисейской – за 1903–1904 гг., Иркутской – Киренский уезд за 1873–1897 гг., Забайкальской – 11 приходов за 1869–1891 гг., Семипалатинской области – за 1903 г., Акмолинской – Петропавловский уезд за 1878–1887 гг.

Сибирские губернии империи также не знали крепостного права, однако имели схожие с нечерноземной Россией показатели младенческой смертности. Причиной этого могла быть известная деградация жизненного уклада, происходившая с колонистами в отдаленных от крупных модернизационных центров-городов (в т. ч. сибирских) территориях. Переселяясь в Сибирь, русские крестьяне несли неизбежные потери в деньгах, часто теряли членов семьи в ходе долгого переезда, проходили через трудный период адаптации к новым условиям – природным, экономическим, социальным¹²⁰. По всей видимости, та жертва, которую они приносили для выживания, это экстенсификация режима воспроизводства населения. Переселенцы в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. в демографическом отношении значительно отличались от населения места исхода и сибирских старожилов большей людностью семьи, большим количеством мужчин и меньшим – стариков, высокой рождаемостью и смертностью¹²¹. Нет оснований полагать, что для более ранних переселенцев – XVIII и первой половины XIX в. – ситуация была более благоприятная; скорее наоборот, без государственной поддержки, появившейся только в 1880-е гг., она была еще суровее. Наблюдаемый тогдашними исследователями постепенный дрейф режима воспроизводства старожилов от экстенсивности к интенсивности нивелировался непрекращающимся потоком переселенцев.

1.2. Младенческая смертность русского населения

Пермская губерния выбивалась из описанной концепции, т. к. не зная в своей массе классического помещичьего крепостного права, имела экстраординарную младенческую смертность, превышавшую во второй половине XIX в. показатели как европейских, так и сибирских губерний империи (Табл. 7).

¹²⁰ Татарникова А. И. Повседневная жизнь крестьян в экстремальных условиях переселения в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 9. С. 1–13.

¹²¹ Зверев В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск, 2014. С. 158–173.

Чтобы объяснить этот демографический феномен, необходимо обратить внимание на внутреннюю структуру региона: как экономическую и этнорелигиозную, так и непосредственно самой младенческой смертности. Местная экономика сочетала сельское хозяйство, старую горнозаводскую и молодую фабричную промышленность, сферу услуг и финансово-юридический сектор крупных городов, кустарные и отхожие промыслы¹²².

Таблица 7. Губернии Европейской России с самой высокой младенческой смертностью в конце XIX – начале XX в., ‰¹²³

Губерния	1867–1881	1886–1897	1908–1910
Пермская	438	437	320
Московская	406	366	299
Нижегородская	397	410	340
Владимирская	388	363	305
Вятская	383	371	325
Ярославская	349	306	280
Костромская	349	341	314
Петербургская	345	341	267
Олонецкая	344	321	321
Тверская	340	328	307
Европейская Россия	271	274	253

В этнорелигиозном плане губерния помимо доминирующих православных русских включала многочисленных старообрядцев и единоверцев; большую долю тюркоязычных мусульман – башкир, татар и мишарей; финно-угорское население, в т. ч. большой коми-пермяцкий анклав, уральских марийцев, а также сравнительно небольшое число удмуртов и манси¹²⁴ (Рис. 4). Кроме этого, на горнозаводском Урале традиционно присутствовали западноевропейские специалисты – в большинстве своем немцы-лютеране, во второй половине XIX в. также сформировались польское и еврейское сообщества; однако все три группы составляли чрезвычайно

¹²² Вейнберг Л. Б. Пермская губерния // ЭСБЕ. Т. XXIII. 1898 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D1%8F&oldid=2308959 (дата обращения: 10.05.2020).

¹²³ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М., 1956. С. 195.

¹²⁴ Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XXI вв. Екатеринбург, 2014. С. 28–32.

малый процент от всего населения края и практически не влияли на его совокупный демографический портрет.

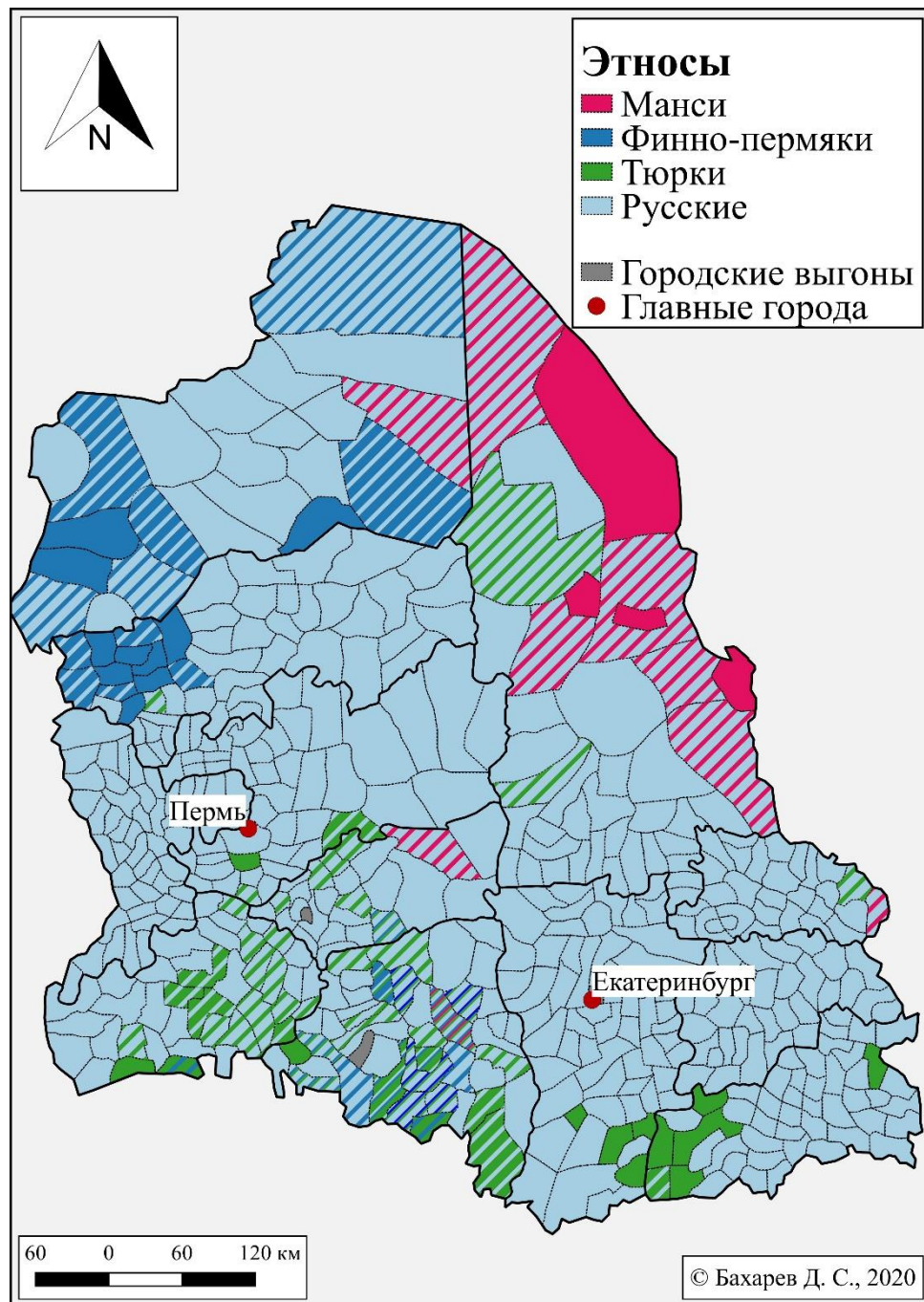


Рисунок 4. Этническая карта Пермской губернии в начале XX в.¹²⁵

Описанная социально-экономическая сложность устройства пореформенной Пермской губернии не могла не оказывать влияния на его демографический порядок. Источниками этого влияния в равной мере были

¹²⁵ Ист.: Бахарев Д. С. Этнический ландшафт Пермской губернии в начале XX в.: картография контактных зон // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 4. С. 688–698.

экономические, политические и традиционные факторы, однако из-за того, что имперское правительство во многом управляло нерусскими народами посредством опоры на их традиционные этноконфессиональные институты¹²⁶, именно они аккумулировали эффекты от других общественных сфер.

Результатами такого управления были уникальные режимы управления этноконфессиональными группами, т. е. политические и экономические факторы демографического порядка также приобрели этнорелигиозную ассоциированность. Управление православными русскими осуществлялось посредством унифицированных административных инструментов, но в окружении этноконфессиональных групп, управляемых с помощью специальных режимов, этот «унифицированный» режим управления сам становился уникальным, присущим только русским.

Таким образом, ко второй половине XIX в. в Пермской губернии сформировался режим воспроизводства населения, состоящий из нескольких этнорелигиозных компонентов; в полной мере это касалось и младенческой смертности. Последняя демонстрировала выраженные различия между религиозными деноминациями, с ярко выраженным первенством православных, которые были по большей части русскими (Рис. 5).

Очевидно, именно православные русские вносили главную лепту в высочайший уровень младенческой смертности Пермской губернии. Вероятно, изначально суровый режим воспроизводства русского населения после миграции его носителей на Урал экстенсифицировался еще больше. Основной период формирования этого регионального демографического режима должен был прийти, на наш взгляд, на конец XVII – начало XIX в.

Режим воспроизводства уральского крестьянства, превосходящий по своей экстенсивности европейский и сибирский аналоги, был, вероятно, связан с двумя причинами. Первая – ранняя колонизация края, основной период которой завершился уже в первой половине XVIII в.¹²⁷ При этом в

¹²⁶ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 17–29; Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017. С. 140–184.

¹²⁷ Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XXI вв. Екатеринбург, 2014. С. 20–27.

XVI–XVII вв. основная масса колонистов прибывала на Урал с Русского Севера, где, в рамках нашей гипотезы, в силу немногочисленности частновладельческих крепостных крестьян были распространены менее суровые практики обращения с детьми, и уровень младенческой смертности был ниже.

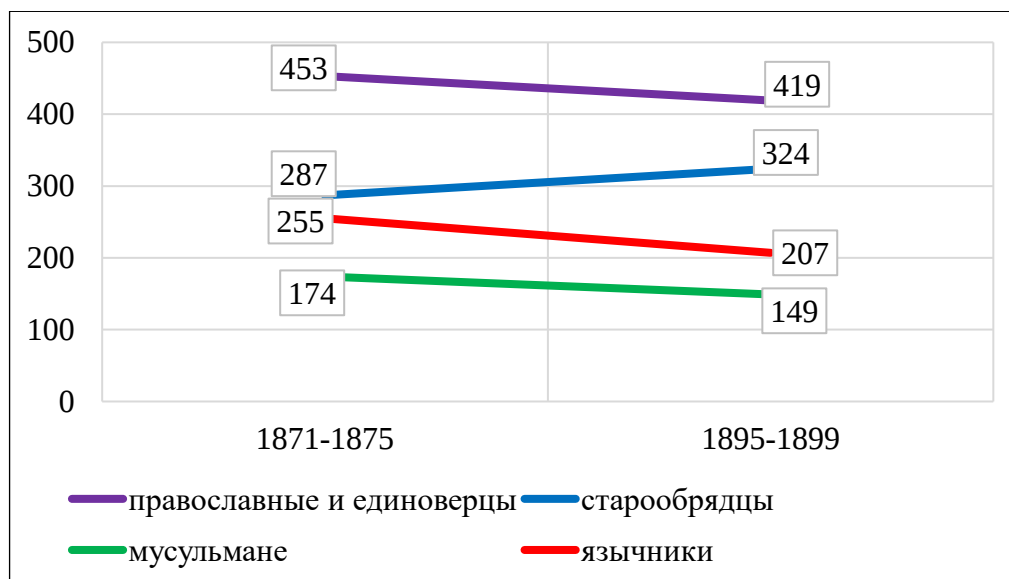


Рисунок 5. Младенческая смертность в Пермской губернии в конце XIX в. по деноминациям, ‰¹²⁸

Выходцы с Русского Севера заселяли в первую очередь Северный Урал. В XVIII в. главным источником переселенцев на Урал стало среднерусское население нечерноземных регионов Европейской России, заселявшее остальную территорию будущей Пермской губернии. Обширные площади с редкими центрами модернизации надолго законсервировали и даже архаизировали традиционные паттерны ухода за детьми, характерные именно для XVII–XVIII вв. Младенческая смертность в Пермской губернии конца XIX

¹²⁸ Сост. по: Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 17. Движение населения в Европейской России за 1871 год. СПб., 1881. С. 20–21, 146–219; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 18. СПб., 1882. С. 18–19, 144–217; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 20. Движение населения в Европейской России за 1873 год. СПб., 1882. С. 18–19, 144–217; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 21. Движение населения в Европейской России за 1874 год. СПб., 1882. С. 18–19, 144–217. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 22. Движение населения в Европейской России за 1875 год. СПб., 1883. С. 18–19, 144–217; Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. Пермь, 1896. Ведомость. С. 4–18; Санитарный обзор Пермской губернии за 1896 год. Пермь, 1898. С. 42, 54; Санитарный обзор Пермской губернии за 1897 год. Пермь, 1899. С. 46, 58; Санитарный обзор Пермской губернии за 1898 год. Пермь, 1900. С. 56, 68; Санитарный обзор Пермской губернии за 1899 год. Пермь, 1901. С. 60, 72.

в. продолжала иметь специфическое географическое распределение, согласующееся с миграционной историей региона: на Северном Урале грудные дети выживали гораздо чаще (Рис. 6).

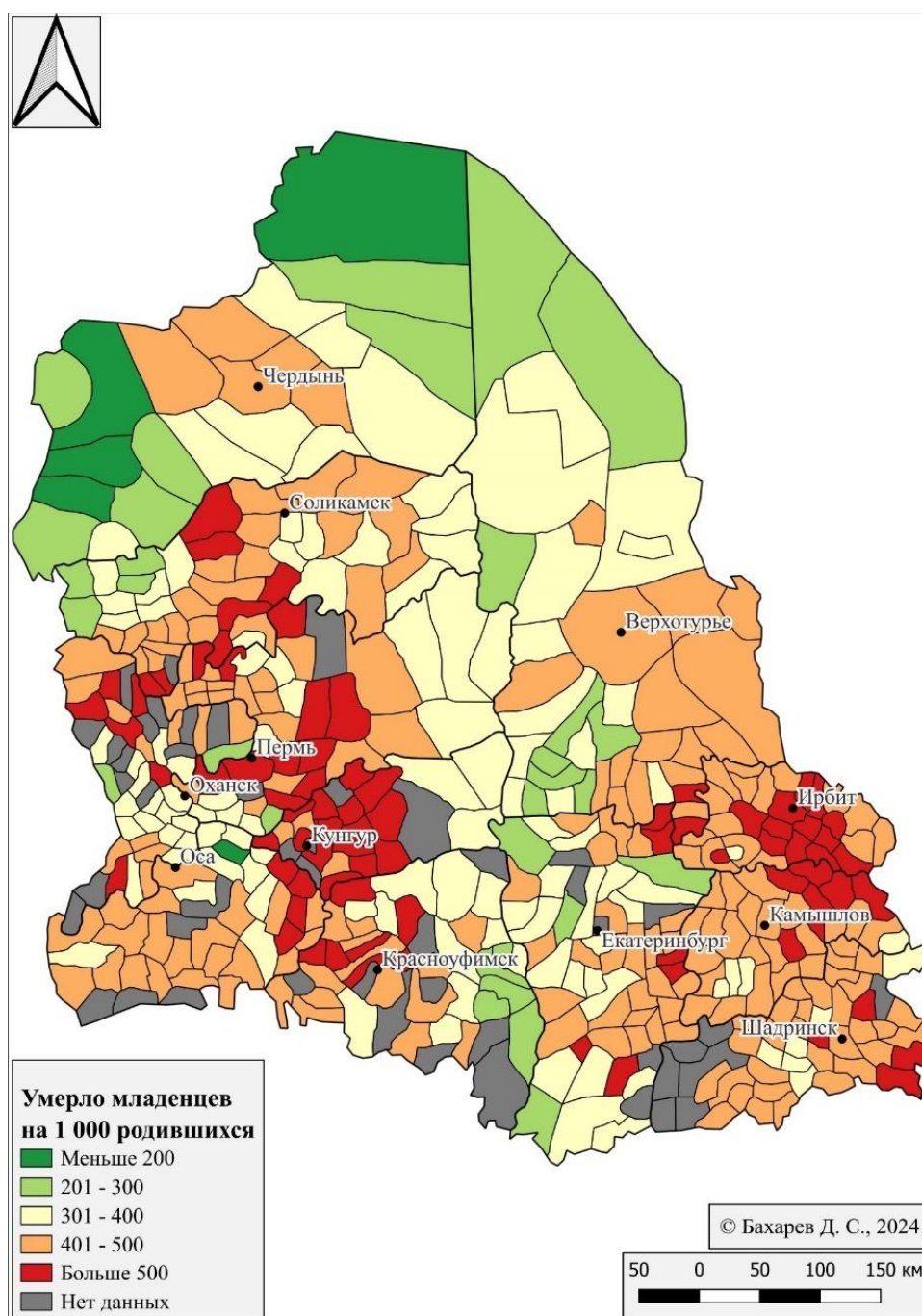


Рисунок 6. Младенческая смертность в Пермской губернии в 1891–1900 гг.¹²⁹¹³⁰

¹²⁹ На карте не отражены уровни младенческой смертности в полностью старообрядческих и мусульманских волостях.

¹³⁰ Сост. по: Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 1. Шадринский уезд. Пермь, 1903. С. 45–46; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 2. Екатеринбургский уезд. Пермь, 1906. С. 48–49; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 3. Ирбитский уезд. Пермь, 1906. С. 49–40; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 4. Пермский уезд. Пермь, 1906. С. 40–41; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 5. Чердынский уезд. Пермь, 1906. С. 40; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 6: Верхотурский уезд. Пермь, 1906. С. 42–43; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 7. Камышловский уезд. Пермь, 1906. С. 40–41; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 8. Соликамский уезд. Пермь, 1906. С.

Сибирские регионы империи находились в примерно такой же ситуации, однако их основное население формировалось уже в XIX в., т. е. консервировались более прогрессивные практики. Кроме того, имел значение состав переселенцев: большую долю мигрантов в Сибирь составляли жители южнорусских и украинских губерний, имевшие гораздо более интенсивный режим воспроизводства по сравнению с северно- и среднерусскими крестьянами, формировавшими основной миграционный поток на Урал.

Второй важной предпосылкой специфического характера воспроизводства русских колонистов Урала была местная промышленность. В XVIII в. на горнозаводском Урале была построена масштабная система горнодобывающих и металлургических предприятий, которая во многом стала определяющим фактором всех сторон жизни региона. На младенческую смертность она оказывала двойное влияние. С одной стороны, на уральских заводах была создана, возможно, первая в России система социальной поддержки уязвимых групп населения. Промышленное освоение Урала в XVIII в. сформировало в регионе беспрецедентно большую для традиционного общества группу аграрно непроизводительного населения. Мастерские уральских заводов, полностью посвящая себя промышленному труду, были не в состоянии обеспечивать себя продовольствием, как крестьяне, поэтому снабжение рабочего населения взяли на себя заводоуправления и заводовладельцы. На казенных заводах мастера ежемесячно кроме жалованья получали провиант в зависимости от размера семьи. В случае болезни рабочего ему обязательно оказывалась медицинская помощь с выплатой на время болезни половинного жалованья, а семья продолжала получать провиант на прежних условиях. При отставке рабочего по старости, болезни или увечью ему назначалась пенсия, а в случае его смерти

41–42; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 9. Оханский уезд. Пермь, 1906. С. 39–40; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 10, 11. Кунгурский и Красноуфимский уезды. Пермь, 1906. С. 69–70; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 12. Осинский уезд. Пермь, 1906. С. 39–40.

– вдове или детям¹³¹. Более вариативная, но схожая система социальной поддержки существовала на частных заводах¹³². Также на заводах в первой половине XIX в. в соответствии с Проектом горного положения 1806 г. и Уставом горным была сформирована разветвленная система медучреждений, не имевшая аналогов в Российской империи: с конца XVIII до середины XIX в. число госпиталей на казенных заводах Урала выросло с 3 до 19, на частных заводах – с 8 до 70¹³³. Кроме того, уральский завод, огражденный законами, с его экономической спецификой и невиданными социальными новшествами, во многом разложил русскую крестьянскую традицию своих жителей, создав внутри крестьянского сословия новую подгруппу и социальный тип – уральского мастерового, более грамотного, рационального, модернизированного по сравнению с крестьянином¹³⁴.

С другой стороны, директивное искусственное создание целой отрасли индустриальных предприятий в аграрной крепостнической стране имело свои издержки. В условиях малоэффективного экстенсивного сельского хозяйства и низкой плотности населения горнозаводской Урал имел чрезвычайно узкий рынок труда, и местные заводы либо не могли быть укомплектованы вольнонаемными работниками, либо это ставило под вопрос их рентабельность. Впервые столкнувшись с этой проблемой в начале XVIII в., правительство нашло выход в принудительном труде, в первую очередь уральских крестьян-земледельцев. Из последних, по большей части государственных, была сформирована новая категория крепостных – приписных крестьян, которые вместо выполнения государственных повинностей и выплаты налогов были обязаны работать на казенных и

¹³¹ См.: Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Система социальной помощи горнозаводскому населению Урала в конце XVIII - середине XIX в. // Экономическая история России XVII – XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда: сборник статей памяти Л. В. Сапоговской. Екатеринбург, 2008. С. 255–256.

¹³² Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Система социальной помощи горнозаводскому населению Урала в конце XVIII - середине XIX в. // Экономическая история России XVII – XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда: сборник статей памяти Л. В. Сапоговской. Екатеринбург, 2008. С. 257–261.

¹³³ Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы. Дис. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Екатеринбург, 2016. С. 412–413.

¹³⁴ См.: Голикова С. В. Формирование горнозаводского населения Урала как социокультурной общности (XVIII-XIX вв.) // Уральский исторический вестник. 2015. № 2(47). С. 118–124.

частных заводах; к началу XIX в. более 80% населения государственной деревни Пермской губернии отрабатывали подати на заводах (частновладельческие крестьяне-земледельцы, привлекавшиеся к отработке повинностей на заводах («подзаводские»), находились еще в более суровых условиях, фактически во власти произвола заводчика)¹³⁵. Среди видов эксплуатации можно отметить следующие: 1) привлечение к строительству заводов, которое активно шло весь XVIII в., и при форсировании вело к большим жертвам среди строителей¹³⁶; 2) рекрутирование в состав заводских мастеровых, что увеличивало трудовую нагрузку на земледельцев из-за учета повинностей по ревизским душам¹³⁷; 3) отработка повинностей – добыча и транспортировка руды, лесозаготовки, углежжение и др.¹³⁸ Тяжесть и продолжительность многих повинностей, их несовместимость с аграрным календарем (особенно в условиях больших уральских расстояний, когда крестьянин тратил много дней на дорогу до завода) приводили к частому отсутствию мужчин в собственном доме, невозможности обрабатывать землю¹³⁹, что нередко провоцировало конфликты приписных крестьян и заводской администрации, в т. ч. вооруженные¹⁴⁰. В самом невыгодном положении оказывались крестьянские селения, максимально отдаленные от заводов: их жители преодолевали иногда сотни верст до места отработки повинностей, отсутствуя в собственном хозяйстве неделями и в результате разоряясь¹⁴¹.

В начале XIX в. институт приписки был отменен, в 1861 г. освобождены крепостные, в т. ч. частновладельческие мастеровые и подзаводские крестьяне. В русле Великих реформ социальная инфраструктура уральских заводов была передана земскому самоуправлению, а местные крестьяне

¹³⁵ Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000. С. 117.

¹³⁶ Там же. С. 9–11, 112.

¹³⁷ Там же. С. 23–24.

¹³⁸ Там же. С. 29, 40–46, 54–71, 74–75.

¹³⁹ Там же. С. 88–90.

¹⁴⁰ Там же. С. 195–251.

¹⁴¹ Там же. С. 125.

получили к ней свободный доступ. Однако накопленные за полтора века традиционные и инфраструктурные различия между сельским и заводским мирами продолжали оказывать мощное влияние на оба демографических порядка: даже в конце XIX в. младенческая смертность земледельческих волостей оставалась на 100 % больше заводской (Табл. 8).

Таблица 8. Младенческая смертность в волостях Екатеринбургского уезда Пермской губернии в 1891–1900 гг.¹⁴²¹⁴³

Волости	Родилось	Умерло в возрасте до 1 года	Умерло на 1 000 родившихся
Сельские	102 784	48 293	470
Заводские	76 344	27 806	364

Таким образом, на наш взгляд, режим воспроизводства русских крестьян-земледельцев Пермской губернии рубежа XIX–XX вв. был сформирован в результате сначала консервации режима воспроизводства, характерного, в первую очередь, для среднерусских переселенцев раннего Нового времени, а затем – его экстенсификации за счет экстраординарных трудовых нагрузок на женщин, в т. ч. беременных и недавно родивших, вынужденных выполнять полевую работу за отсутствующих мужей.

1.3. Младенческая смертность этнорелигиозных меньшинств

Как было показано выше, младенческая смертность в пореформенной Пермской губернии четко дифференцировалась по этнорелигиозным группам. Часть этих групп, хоть и имела уникальные, этнически и религиозно ассоциированные режимы воспроизводства, но составляла крошечный процент населения и не оказывала значимого влияния на демографический

¹⁴² Без учета полностью старообрядческих и мусульманских волостей.

¹⁴³ Сост. по: Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 2. Екатеринбургский уезд. Пермь, 1906. С. 47–53. Подробнее см.: Бахарев Д. С. Географическая дифференциация младенческой смертности в Екатеринбургском уезде в конце XIX — начале XX вв. // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. ст. IX Уральского демографического форума: в 2-х томах. Т. 2. Екатеринбург, 2018. С. 38–43.

порядок региона, например, немцы-лютеране, поляки-католики и евреи¹⁴⁴. К крупным меньшинствам относились три группы: русские старообрядцы; православные коми-пермяки; турки-мусульмане. Все они имели более умеренные показатели младенческой смертности по сравнению с православными русскими, что было обусловлено как 1) традиционными нормами и религиозными предписаниями, так и 2) специальными этно- и религиозно ориентированными режимами управления.

1) Каждое этнорелигиозное меньшинство имело уникальный комплекс норм и предписаний касательно ухода за детьми. К числу установок, бытовавших у некоторых меньшинств Пермской губернии и снижавших их младенческую смертность по сравнению с православными русскими, было продолжительное грудное кормление; щадящий обряд инициации (крещение, имянаречение); купирование рисков внебрачного статуса.

Традиционные нормы православных русских, как уже было упомянуто, включала довольно суровое обращение с новорожденным – непременно погружное крещение холодной водой и минимальный период грудного кормления. В то же время этнорелигиозные установки местных тюркских и финно-угорских народов диктовали более бережное обращение с младенцем. Мусульмане и адепты этнических религий, представленные марийцами, удмуртами и манси, практиковали обязательное продолжительное грудное кормление¹⁴⁵. Обряды имянаречения башкир и марийцев, аналогичные христианскому крещению, включали совершенно иной набор действий, не предполагавший погружения в воду, более того, ритуальные действия обычно отправлялись лишь спустя три дня после рождения¹⁴⁶. Даже крестившиеся финно-угорские народы адаптировали христианские традиции под себя:

¹⁴⁴ См. работу про связь младенческой смертности и религии в пореформенном Екатеринбурге: Glavatskaya E., Borovik J., Thorvaldsen G. Urban infant mortality and religion at the end of the nineteenth and in the early twentieth century: the case of Ekaterinburg, Russia // *The History of the Family*. 2018. Vol. 23. No 1. P. 135–153.

¹⁴⁵ Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 271; Христолюбова Л. С. Женщина в удмуртском обществе, XVIII – начало XXI в. Ижевск, 2006. С. 27; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 247.

¹⁴⁶ Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 270; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 246.

марийцы часто сначала проводили собственный «языческий» ритуал имянаречения и лишь спустя одну–две недели – крещение в православной церкви; коми-старообрядцы также выжидали несколько дней после рождения, при этом само крещение младенца выполнялось больше как предохранительная мера на случай смерти ребенка и воспринималось как несколько неправильный, компромиссный поступок, т. к. истинная вера должна приниматься сознательно в зрелом возрасте¹⁴⁷.

Наконец, русские старообрядцы, судя по всему, также практиковали крещение, отличное от православного ритуала XIX в. По наблюдениям специалистов Института этнографии АН СССР, проводивших в 1978–1984 гг. исследование русского старожильческого населения севера Пермской области РСФСР (в XIX в. эти территории составляли Чердынский, Соликамский и Пермский уезды Пермской губернии), старообрядцы Северного Урала, поповцы и беспоповцы, даже в XX в. продолжали соблюдать дониконовский вариант обряда крещения. Его особенности многократно повторяются в последнем дониконовском Требнике Патриарха Иосифа 1651 г., см. например:

- «Изложение святых богоносных отец, о рождении человечеством, мужеска полу и женска; и како быти женам чистым по рождении младенца; и о наречении имени младенцу, *во осмыи день* святого, или како прилучится»¹⁴⁸;
- «Молитва, знаменати младенца, приемлюща имя *во осмыи день* рожения его»¹⁴⁹;
- «Аще случится младенца два или три крестити, и множае, то глаголем молитвы общие всем, и все воспоследование святого крещения. Точию имя в молитвах глаголем комуждо свое. *А во единой купели не крестити, но изменяти воду от купели, комуждо вода своя.* Последеже

¹⁴⁷ Власова В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар, 2010. С. 85–86.

¹⁴⁸ Требник. М., 1651. Гл. 14. Л. 87.

¹⁴⁹ Там же. Гл. 14. Л. 88.

воследования крещающагося, вода от купели изливати под помост церковный или под помост притворный»¹⁵⁰.

Таким образом, дореформенный обряд крещения подразумевал, во-первых, перемену воды после каждого окрещаемого, и, во-вторых, крещение младенца только спустя неделю после рождения, т. е. на восьмой день. В то же время православные XIX–XX в. практиковали крещение на третий день или даже раньше и в одной воде¹⁵¹.

Универсальным для всех стран и эпох негативным фактором младенческой смертности является рождение вне закона. Фатальное влияние незаконнорожденности на выживание младенцев очевидным образом должно было повышать общий уровень детской смертности, особенно в случае высокой внебрачной рождаемости. Именно такой она была в Пермской губернии, почти в два раза превышая среднероссийскую (Табл. 9).

Таблица 9. Внебрачная рождаемость в Европейской России и Пермской губернии, 1900–1904 гг.¹⁵²

	Рождений, абс	Внебрачных, абс	Внебрачных, %
Европейская Россия (православные)	—	—	2,4
Пермская губерния	918 717	43 597	4,7

При этом подавляющая часть внебрачных рождений в регионе приходилась именно на русских. Главными категориями женщин, производивших рождения вне брака в конце XIX в., были девицы и вдовы. Девическая внебрачная рождаемость у русских провоцировалась большой долей городского и заводского населения с модернизированными

¹⁵⁰ Требник. М., 1651. Гл. 14. Л. 92–92 об.

¹⁵¹ На путях из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. М., 1989. С. 258–269.

¹⁵² Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств. Ч. 2. Петроград, 1916. С. 51; Обзор Пермской губернии за 1900 год. Пермь, 1901. С. 103–103; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1904 год. Пермь, 1904. С. 76–77; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1905 год. Пермь, 1905. С. 112–113; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 год. Пермь, 1907. [Раздел] Памятная книжка, с. 81.

социальными установками¹⁵³. Кроме того, русские имели повышенную долю вдов по сравнению с другими этническими группами по причине высокой мужской смертности на горных заводах, главным поставщиком кадров для которых было в первую очередь русское население; и более масштабного призыва русских мужчин в имперскую армию (Рис. 7).

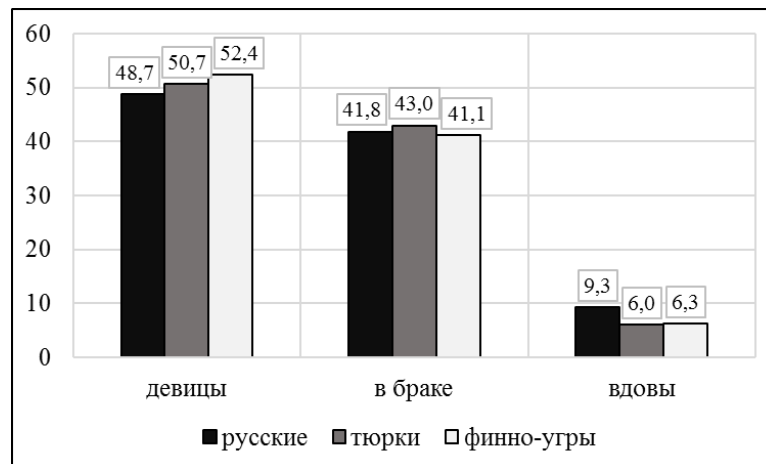


Рисунок 7. Семейное состояние женского населения Пермской губернии в 1897 г. по языку, %¹⁵⁴

Помимо количества вдов детородного возраста большое значение имели мировоззренческие и правовые практики относительно них. В русской среде браки вдов были затруднены из-за ограниченного брачного предложения и настороженного отношения Русской церкви к повторным бракам, что само собой создавало ситуацию, когда овдовевшие женщины детородного возраста, продолжавшие сексуальную жизнь, производили внебрачные рождения¹⁵⁵.

В то же время в тюркском укладе ситуация разительно отличалась. Внебрачная рождаемость у мусульман, судя по всему, встречалась крайне редко и имела больше казусный характер. Авторитетный дореволюционный демограф С. А. Новосельский, суммируя данные о внебрачной рождаемости в России в начале XX в., замечал, что «Цифры для магометан (0,2 %) и для

¹⁵³ Голикова С. В. Факторы увеличения числа незаконнорожденных детей на Урале XIX – начала XX в. // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2015. С. 43–50.

¹⁵⁴ Сост. по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 158–159.

¹⁵⁵ Подробнее об этом феномене в среде православных русских см. в Главе 3.

евреев (0,4 %) внушают сильные сомнения в их достоверности»¹⁵⁶. Однако подобные показатели вполне могли быть недалеко от истины. Мусульманская среда Пермской губернии рубежа XIX–XX вв. оставалась по большей части сельской, без заводского и городского компонентов, с устойчивыми институтами традиционного общества, в т. ч. жестким родительским матримониальным контролем; это могло купировать девическую внебрачную рождаемость. Также имели значение относительная легкость развода и отсутствие стигматизации вдовства в исламе: вдовы и разведенные без проблем возвращались на брачный рынок благодаря развитой практике повторных браков. Например, в Екатеринбурге начала XX в. только 3 % женщин, венчавшихся в православном Екатерининском соборе, вступали в повторный брак, в то время как у екатеринбургских мусульман почти в 60 % случаев хотя бы для одного супруга заключаемый брак был повторный¹⁵⁷. Также снижению числа вдов мог способствовать существовавший у уральских башкир институт левирата – обычай жениться на жене старшего брата в случае его смерти¹⁵⁸; эта практика, даже будучи распространена в ограниченных масштабах, очевидно снижала количество вдов и потенциальных внебрачных детей.

Финно-угорский мир также решал проблему внебрачной рождаемости, хоть и другим путем. Финские народы Урала, достаточно сильно различаясь в частных брачных традициях, судя по всему, в целом практиковали более свободные сексуальные отношения. Этот тезис применим к ним даже при условии недопонимания очевидцами бытового контекста, предубежденности

¹⁵⁶ Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств. Ч. 2. Петроград, 1916. С. 51.

¹⁵⁷ Вишневская А. В. Брачность православного населения Екатеринбурга в начале XX века (по материалам метрических книг Екатерининского собора) // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума: в 2-х т. Екатеринбург, 2019. С. 65; Бобицкий А. В. Брачность мусульман Екатеринбурга в начале XX века по материалам метрических книг // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Исторического факультета Уральского федерального университета. Екатеринбург, 16-18 ноября 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 287.

¹⁵⁸ Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) // Археология и этнография башкир. Уфа, 1962. С. 254–255.

и известного преувеличения; описание менее формализованных, чем у русских, и проще заключаемых/расторгаемых брачных уз встречаются как в отношении удмуртов-«язычников»¹⁵⁹, так и строгих коми-старообрядцев¹⁶⁰. Свою роль также играл левират, практикуемый, например, марийцами¹⁶¹. Однако главным социальным механизмом, нивелирующим повышенную смертность внебрачных детей, по всей видимости, было как таковое отсутствие сниженного статуса у незаконнорожденных детей. Рождение ребенка вне брака (и особенно до брака) не воспринималось в качестве греха, такие дети и их матери не подвергались остракизму, как в русской крестьянской среде, и соответственно не страдали от дефицита материальных и социальных ресурсов; упоминания о подобном отношении к добрачной рождаемости и незаконнорожденным детям встречаются, например, у пермяков и удмуртов¹⁶². В сумме все описанные нормы и практики, вероятно, помогали снизить как численность рожденных до/вне брака детей, так и их смертность.

2) К числу специальных режимов управления этноконфессиональными группами в Пермской губернии, которые, вероятно, влияли на младенческую смертность меньшинств, можно отнести заводское старообрядчество/единовение, башкирское вотчинное право и крепостной статус коми-пермяков.

Общегубернские опубликованные агрегированные данные однозначно показывают, что старообрядцы имели значительно меньшие показатели младенческой смертности по сравнению с православными. Помимо упомянутого более позднего по сравнению с православными крещения это могло быть связано со специфическим режимом управления. На протяжении большей части имперского периода центральная власть крайне нетерпимо

¹⁵⁹ Тезяков Н. Вотяки Больше-Гондырской волости. Чернигов, 1892. С. 49–52.

¹⁶⁰ Власова В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар, 2010. С. 68–74.

¹⁶¹ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 219–223.

¹⁶² Тезяков Н. Вотяки Больше-Гондырской волости. Чернигов, 1892. С. 20; Янович В. М. Пермяки: этнографический очерк. СПб., 1903. С. 20.

относилась к старообрядчеству, системно преследуя и репрессирывая его представителей, однако в отдельных случаях, нуждаясь в содействии староверов, была склонна к компромиссу¹⁶³. Одним из таких случаев стал резкий дефицит рабочей силы на интенсивно осваиваемом горнозаводском Урале в XVIII в. Испытывая острую потребность в продуктах горной добычи и металлургии и принимая во внимание нехватку рабочих рук на предприятиях отрасли, имперское правительство сознательно допускало переселение старообрядцев на уральские заводы, где они не подвергались преследованиям и пользовались известной свободой. Это обусловило гораздо больший процент заводчан среди старообрядцев, чем среди православных, т. е. описанные выше преимущества заводской социальной системы оказывали большее влияние на старообрядцев.

Другим меньшинством, имевшим режим младенческой смертности, отличный от бытовавшего у православных русских, были коми-пермяки. Их показатели вымирания младенцев были значительно ниже: индекс младенческой смертности в коми-пермяцких волостях Пермской губернии за 1891–1900 гг. составил 286 ‰, т. е. примерно на 150 ‰ ниже среднего по региону, что создавало район низкой и умеренной младенческой смертности на северо-западе губернии. Помимо уже описанных норм этнической традиции, важным фактором младенческой смертности у коми-пермяков было специфическое управление.

Специальный режим управления коми-пермяками, на наш взгляд, был следствием обстоятельств их вхождения в Российское государство: малочисленность и невоинственность, давняя (с XII в.) зависимость пермских земель от русских княжеств, раннее принятие христианства (к XVI в.), по всей видимости, уже к позднему Средневековью привели к обрусеванию местной элиты, после чего последняя была заменена сначала на наместников центральной власти, а затем – на семейство Строгановых на вотчинных

¹⁶³ Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016. С. 39–50.

правах. Последний шаг был сделан в третьей четверти XVI в., в условиях хозяйственного кризиса и тяжелой Ливонской войны, когда органы центральной власти испытывали значительные трудности в управлении такими отдаленными территориями; вотчина Строгановых стала компромиссным инструментом санкционированной частной колонизации Урала и аванпостом для колонизации Сибири. Более, однако, российское правительство не прибегало к закреплению «инородцев» русской аристократией в таких масштабах, предпочитая ставить их в зависимость либо от собственной этнической элиты, инкорпорированной в имперскую, либо напрямую от центральной власти. В географических реалиях XIX в. майорат Строгановых располагался в Соликамском и частично в Оханском уезде – т. н. Инвеньский край – и был единственным крупным помещичьим владением на всем Урале. Таким образом большинство коми-пермяков Российской империи (ок. 62%) и Пермской губернии (ок. 70%) оказались частновладельческими крепостными, а почти все частновладельческие крепостные в Пермской губернии были коми-пермяками. Исключение составляла лишь группа северных коми-пермяков (ок. 30%), живших в Чердынском уезде и имевших статус государственных крестьян.

Существование этой группы позволяет взглянуть на демографические последствия разделения одного народа политическими и экономическими инструментами. Соликамские пермяки, изначально находившиеся в более худшем положении как владельческие крестьяне, после отмены крепостного права несли все тяготы временнообязанного статуса и имели исключительно невыгодные условия выкупа¹⁶⁴. Инвеньский край – единственное в Пермской губернии место, где Манифест 1861 г. вызвал настоящий бунт¹⁶⁵.

Итогом стало, по отзывам современников, фактическое формирование на западе Соликамского уезда пермяцкого анклава, слабо интегрированного в

¹⁶⁴ Красноперов Е. И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем, императором Александром II. Пермь, 1886. С. 122; Шустов С. Г. Завершение выкупной операции в Пермской губернии (1881–1906 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. Т. 166. № 28. С. 72–80.

¹⁶⁵ Свирская В. Караванный бунт // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 118–123.

общеуездные земские программы развития и значительно отстававшего от русской части уезда в экономическом и образовательном отношении¹⁶⁶. В то же время северные пермяки, изначально не отягощенные владельческим статусом, были наравне с русскими органичной частью экономики Чердынского уезда, где помимо сельского хозяйства были широко развиты сторонние промыслы и заработки – лесозаготовки, торговый извоз, баржестроительство, рыболовство, работы на заводах и др., на которых в сумме были заняты почти 73 % хозяйств уезда¹⁶⁷. Итогом таких сильных, углублявшихся в течение многих десятилетий социально-экономических различий между соседними группами одного народа стала в т. ч. почти двукратная разница в уровнях младенческой смертности (Табл. 10).

Таблица 10. Младенческая смертность
у коми-пермяков Пермской губернии, 1891–1900 гг.¹⁶⁸

	Родилось	Умерло до 1 года	КМС, ‰
Чердынский уезд (бывшие государственные крестьяне)	16 160	2 761	171
Соликамский уезд (бывшие крестьяне Строгановых)	41 890	13 827	330
Все коми-пермяки	58 050	16 588	286

Эта ситуация не была уникальной: например, в Канаде середины XIX в. точно такие же различия между населенными, существующими в рамках феодального и свободного землевладения, привели к серьезным различиям младенческой смертности¹⁶⁹. Можно предположить, что демографический порядок соликамских коми-пермяков под влиянием интенсивной

¹⁶⁶ Шестаков И. Насущные нужды инвентских инородцев – Пермяков Соликамского уезда. Пермь, 1898. 6 с.

¹⁶⁷ Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду, Пермской губернии. Пермь, 1889. С. 27–86.

¹⁶⁸ Сост. по: Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905. С. 290–373; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 5. Чердынский уезд. Пермь, 1906. С. 40; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 8. Соликамский уезд. Пермь, 1906. С. 41–42. Для подсчетов выбраны волости с подавляющим коми-пермяцким населением: Архангельская, Белоевская, Верх-Инвентская, Верх-Нердвинская, Верх-Юсьвинская, Егвинская, Кувинская, Кудымкорская, Купросская, Ошибская, Тиминская и Юсьвинская волости Соликамского уезда и Верх-Язьвинская, Гаинская, Косинская, Кочевская и Юксеевская Чердынского уезда.

¹⁶⁹ См.: Arsenaull Morin A., Geloso V., Kufenko V. Infant mortality and the role of seigneurial tenure in Canada East, 1851: Schriftenreihe des Promotionsschwerpunkts Globalisierung und Beschäftigung, No. 47/2015. Stuttgart: Universität Hohenheim, 2015. 23 p.

эксплуатации вступил на путь той же экстенсификации, через которую прошел русский демографический порядок в XVI–XVIII в. Однако в силу гораздо меньшего периода трансформация не зашла так же далеко. Помещичья эксплуатация хоть во многом и нивелировала преимущества коми-пермяцких этнических установок, однако не смогла полностью их обнулить: инерция изменений традиционных норм позволила даже в худших экономических условиях сохранить значительно более низкую младенческую смертность по сравнению с русскими.

Последним примером специального режима управления, который оказывал серьезное влияние на младенческую смертность в Пермской губернии, были башкиры-вотчинники. Мусульмане Российской империи имели значительно меньшие показатели вымирания грудных детей по сравнению с православными, в т. ч. в Пермской губернии (Рис. 8 и Табл. 11).

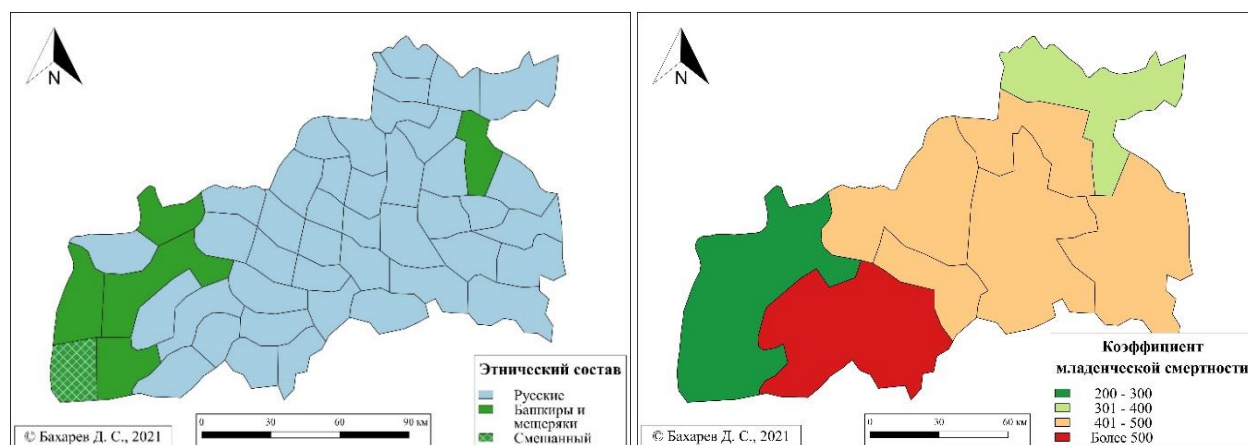


Рисунок 8. Карты этнического состава (1904 г.) и младенческой смертности (1912 г.) Шадринского уезда в начале XX в.¹⁷⁰

Таблица 11. Младенческая смертность сельского населения Шадринского уезда, 1912 г., по этнической принадлежности¹⁷¹

	Рождений, абс	Смертей до года, абс	КМС, ‰
Русские	14 932	6 643	445
Тюрки	2 216	416	196

¹⁷⁰ Ист.: Бахарев Д. С. Младенческая смертность в Шадринском уезде начала XX в.: роль религиозных факторов // Парадигмы и модели демографического развития: сб. ст. XII Уральского демографического форума. Екатеринбург, 2021. С. 14–21.

¹⁷¹ Сост. по: Материалы к оценке земель Пермской губернии: Т. 5. Шадринский уезд. Вып. 2. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1904. С 2–241; Движение населения по Шадринскому уезду. 1912 г. Шадринск, 1913.

Главной причиной низкой младенческой смертности среди мусульман современники справедливо считали религиозные предписания. Важность долгого грудного вскармливания и заботы о беременной и кормящей женщине действительно множество раз подчеркивается в Коране; в качестве примера можно привести аят из суры «Аль-Бакара» («Корова») (Коран, 2:233):

«Матери должны кормить своих детей грудью два полных года, если они хотят довести кормление грудью до конца. А тот, у кого родился ребенок, должен обеспечивать питание и одежду матери на разумных условиях. Ни на одного человека не возлагается сверх его возможностей. Нельзя причинять вред матери за ее ребенка, а также отцу за его ребенка. Такие же обязанности возлагаются на наследника отца. Если они пожелают отнять ребенка от груди по взаимному согласию и совету, то не совершат греха. И если вы пожелаете нанять кормилицу для ваших детей, то не совершите греха, если вы заплатите ей на разумных условиях. Бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах видит то, что вы совершаете»¹⁷².

Однако именно неоспоримая значимость этого религиозного предписания создала в историографии ситуацию, когда это объяснение использовалось по умолчанию, а экономические факторы мусульманской среды оказались отодвинуты на второй план. Уже в конце XIX в. доктор медицины С. М. Ершов, описывая младенческую смертность в Свияжском уезде Казанской губернии в 1870–1880-е гг. замечал: «Столь различная для татарской и русской народностей, живущих рядом при одних и тех же внешних физических условиях, сила детской смертности должна иметь свои определенные причины. Что они не кроются в экономической обеспеченности населения – это ясно из того, что татарская часть населения с наибольшей жизненностью, с наибольшим числом выживающих детей, с наименьшей

¹⁷² Коран. М., 2007. С. 51.

детской смертностью есть в то же время наименее обеспеченная часть населения, вернее сказать наиболее разорившаяся»¹⁷³.

Однако такое суждение об экономическом положении тюрков-мусульман, по всей видимости, было далеко не универсально. Мусульмане Пермской губернии, включавшие главным образом башкир, татар и мишарей («мещеряков»), почти полностью составляли изолированные от русских сословные группы вотчинников и припущенников¹⁷⁴. Местные башкиры были пионерами земледелия в башкирской среде и, хоть подобно другим тюркским народам с немалыми потерями пережили ломку скотоводческого уклада, уже с середины XIX в. успешно практиковали в т. ч. товарное земледелие¹⁷⁵. Изучение экономической обеспеченности крестьянских хозяйств Шадринского уезда Пермской губернии на рубеже XIX–XX в. дало непростую картину благосостояния мусульман, которую, однако, трудно интерпретировать как «разорение» (Табл. 12).

Таблица 12. Благосостояние сельского населения Шадринского уезда в 1900 г. по сословно-этнической принадлежности¹⁷⁶

	Наличного населения	Условного КРС ¹⁷⁷ , на 1 000 нас.	Удобной земли, дес. на душу нас.	Окладных платежей, руб. на душу нас.
Бывшие государственные крестьяне (русские)	272 573	1 091	3,7	4,2
Вотчинники и припущенники (башкиры)	11 722	995	7,2	2,4
Собственники (мещеряки)	18 834	601	2,2	0,9
Собственники (татары)	5 847	630	3,7	1,3
Все тюрки	36 403	733	4,0	1,4

¹⁷³ Ершов С. М. Материалы для санитарной статистики Свяжского уезда: Опыт сравн. демографии рус. и татар. народностей: Дис. на степ. д-ра мед. СПб., 1888. С. 113.

¹⁷⁴ Небольшая часть мусульман, в первую очередь татар, были бывшими государственными крестьянами и городскими мещанами и купцами; также в состав припущенников входила меньшая часть марийцев и удмуртов, исповедовавших собственную этническую религию.

¹⁷⁵ Бикбулатов Н. В., Мурзабулатов М. В. Земледелие зауральских башкир в XIX - начале XX в. // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 97–117.

¹⁷⁶ Материалы к оценке земель Пермской губернии: Т. 5. Шадринский уезд. Вып. 2. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1904. С. 296–321.

¹⁷⁷ Перевод в единицы условного крупного скота был произведен по следующим нормам: лошади взрослые, рабочие и нерабочие – 1,0; быки и коровы взрослые – 0,8; телята старше года – 0,5; жеребята старше года – 0,5; жеребята до года – 0,25; телята до года – 0,2; овцы и козы – 0,15. свиньи – 0,15.

Самый широкий слой тюркского населения – мещеры-собственники – действительно был обеспечен скотом и землей хуже всех в уезде, на 40 % по сравнению с русскими. В то же время самый привилегированный слой в смысле земельной обеспеченности составляли башкиры–вотчинники, имевшие сравнимое с русскими количество скота и почти в два раза больше удобной земли на душу населения. Кроме того, важный и редко упоминаемый фактор составляла налоговая нагрузка, которая была в разы меньше для местного тюркского населения. Все категории тюрок, принадлежа к сословным группам, которые не находились ни в одном из видов крепостной зависимости, не платили выкупных платежей. Последние для русских крестьян Шадринского уезда в 1900 г. даже после многолетних выплат, нескольких снижений размера и прощений недоимок лежали на крестьянском хозяйстве серьезным бременем и составляли почти 64 % от общей суммы платежей в пользу государства и местного самоуправления¹⁷⁸. Другими словами, русский земледелец, имея в своем распоряжении приблизительно такой же надел и большее количество скота, тратил этот небольшой бонус на платежи в пользу государства. Тюркское хозяйство, в свою очередь, платило государству на 60 % меньше и даже эти деньги часто добывало не непосредственно сельскохозяйственным трудом, а сдачей русским крестьянам земли в аренду, которая была обусловлена избыточностью наделов и их гораздо более высоким качеством – например, в Шадринском уезде тюркский анклав полностью занимал западный, единственный 100-процентно черноземный район¹⁷⁹. Даже при известном отставании башкирской аграрной техники от русской и заниженных арендных и поденных платежей зауральские турки-мусульмане оказывались в выигрыше если не в денежном, то во временном и трудовом измерениях; можно предположить, что такое высвобождение в первую очередь женского труда могло способствовать более

¹⁷⁸ См.: Материалы к оценке земель Пермской губернии: Т. 5. Шадринский уезд. Вып. 2. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1904. С. 321.

¹⁷⁹ Там же. С. 49, 54, 408.

качественному уходу за младенцами и усиливать эффект от мусульманских религиозных предписаний.

Таким образом, в Главе 1 мы рассмотрели факторы, которые привели к таким глубоким различиям режимов младенческой смертности россиян и европейцев, а также разных этноконфессиональных групп внутри Российской империи и Пермской губернии. Главную роль в процессе дифференциации, на наш взгляд, играли традиционные нормы и религиозные предписания, регулировавшие поведение беременных женщин и обращение с грудными детьми; и специальные режимы управления, контролировавшие статус, занятость и благосостояние представителей отдельных этноконфессиональных групп, улучшая или ухудшая эффект этнорелигиозных установок.

Глава 2. Модернизация и формирование пореформенного городского режима младенческой смертности

Демографическая экстенсивность Пермской губернии была в полной мере характерна и для городского населения. Городской паттерн воспроизводства населения в Пермской губернии накануне отмены крепостного права, также как и в Европе (до начала XIX в.) и России в целом (до середины XIX в.), имел крайне расточительный характер по причине огромной смертности из-за антисанитарных условий, промышленного загрязнения, насилия и институциональной концентрации смертей в городах¹⁸⁰. Однако все изменилось с началом Великих реформ Александра II: введение местного самоуправления, развитие экономики, культуры и медицины запустили в Пермской губернии процесс демографической модернизации, которая коренным образом трансформировала режим воспроизводства городского населения. В результате уже к концу XIX в. последний радикально обновился, став более рациональным и экономным по сравнению с сельским (Табл. 13).

Таблица 13. Демографические характеристики населения
Пермской губернии во второй половине XIX в.¹⁸¹

	1858		1885		1897	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Численность, абс. ¹⁸²¹⁾	86 825	1 959 747	134 201	2 515 372	179 339	2 814 963
Браков на 1 000 нас. ¹⁸³²⁾	11,7	10,3	8,9	8,7	8,2	10,1
Рождений на 1 000 нас.	63,8	52,4	50,8	54,8	42,9	58,0
Смертей на 1 000 нас.	64,3	45,7	51,3	44,2	37,2	43,6

¹⁸⁰ Pounds N. J. G. An historical geography of Europe. Cambridge [England]; New York, 1990. P. 371–378; Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Т. 1. СПб., 2014. С. 835–841.

¹⁸¹ Сост. по: Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. Ч. 1. СПб., 1864. С. 298–315; Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. С. 182; Сборник сведений по России за 1884–1885 г. СПб., 1887. С. 6; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 1; Календарь Пермской губернии на 1886 год. Год четвертый. Пермь, 1885. С. 42–43; Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1888 год. Пермь, 1887. С. 42–43; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1898 год. Пермь, 1898. Отдел III. С. 2–3; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. С. 128–129; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 год. Пермь, 1900. Отдел III. С. 4–5; Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за 1885 год. СПб., 1890. С. 8, 36–37, 144.

¹⁸² Данные о численности населения взяты из результатов административно-полицейских обследований 1858–1859 и 1884–1885 гг. и переписи населения 1897 г.

¹⁸³ При расчете всех коэффициентов в качестве абсолютного числа браков, рождений и смертей взята скользящая средняя по трем значениям с центрированием по середине интервала.

Одним из важных результатов эволюции городского режима воспроизводства населения на Урале стало появление заметного естественного прироста: так, если в 1880-е гг. в городах Пермской губернии ежегодно рождалось в среднем 6,6 тыс. детей и умирало 6,5 тыс. жителей, то в 1910-е гг. рождалось уже около 12,8 тыс. и умирало 10,5 тыс. каждый год (Рис. 9). В Екатеринбурге, втором городе губернии, за 23 года с 1870 по 1892 гг. население имело естественную убыль 1 694 чел., а за такой же период 1893–1915 гг. – уже естественный прирост в 7 700 чел.

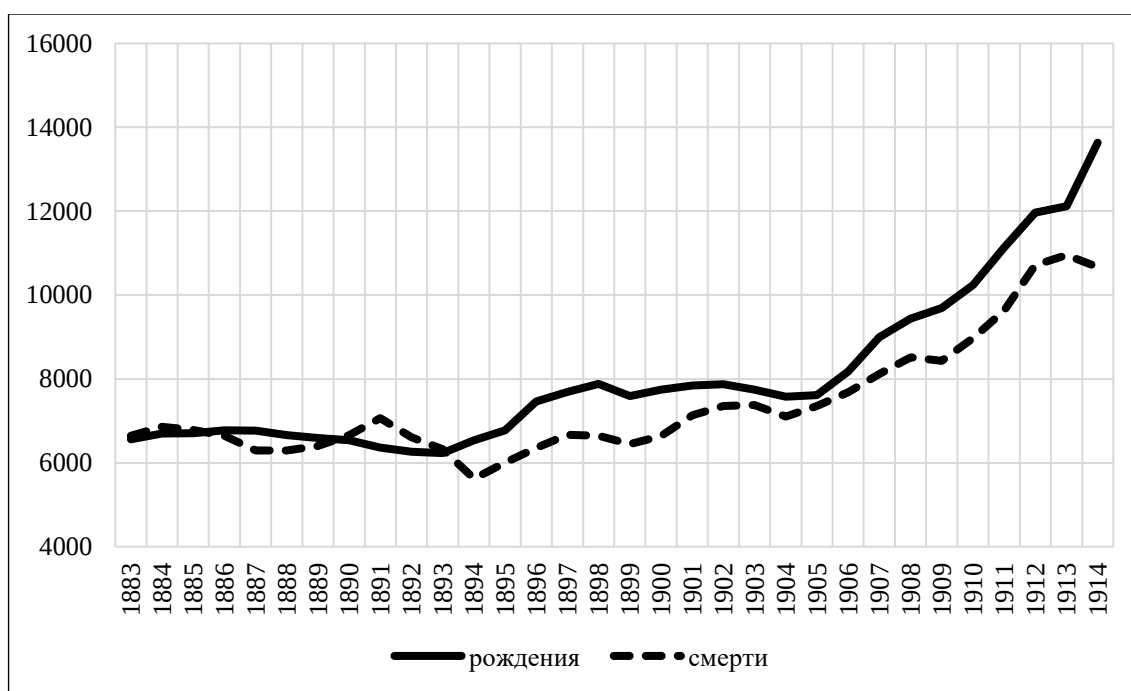


Рисунок 9. Рождения и смерти в городах Пермской губернии, средняя скользящая, 1883–1914 гг., абс.¹⁸⁴

¹⁸⁴ Сост. по: Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 1. Шадринский уезд. Пермь, 1903. С. 66–68; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 2. Екатеринбургский уезд. Пермь, 1906. С. 66–68.; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 3. Ирбитский уезд. Пермь, 1906. С. 49–50; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 4. Пермский уезд. Пермь, 1906. С. 52; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 5. Чердынский уезд. Пермь, 1906. С. 51–52; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 6. Верхотурский уезд. Пермь, 1906. С. 56–57; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 7. Камышловский уезд. Пермь, 1906. С. 56–58; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 8. Соликамский уезд. Пермь, 1906. С. 55–56; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 9. Оханский уезд. Пермь, 1906. С. 52; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 10, 11. Кунгурский и Красноуфимский уезды. Пермь, 1906. С. 86, 97–98; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 12. Осинский уезд. Пермь, 1906. С. 51–52; Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь, 1915. С. 52–65; Санитарный обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1916. С. 28–33; Санитарный обзор Пермской губернии за 1913 год. Пермь, 1916. С. 26–29; Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1916. С. 27–29; Санитарный обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь, 1918. С. 30–33. Взята средняя скользящая за три года с центрированием посередине интервала, 1882 и 1915 гг., для которых имеются данные, по этой причине опущены.

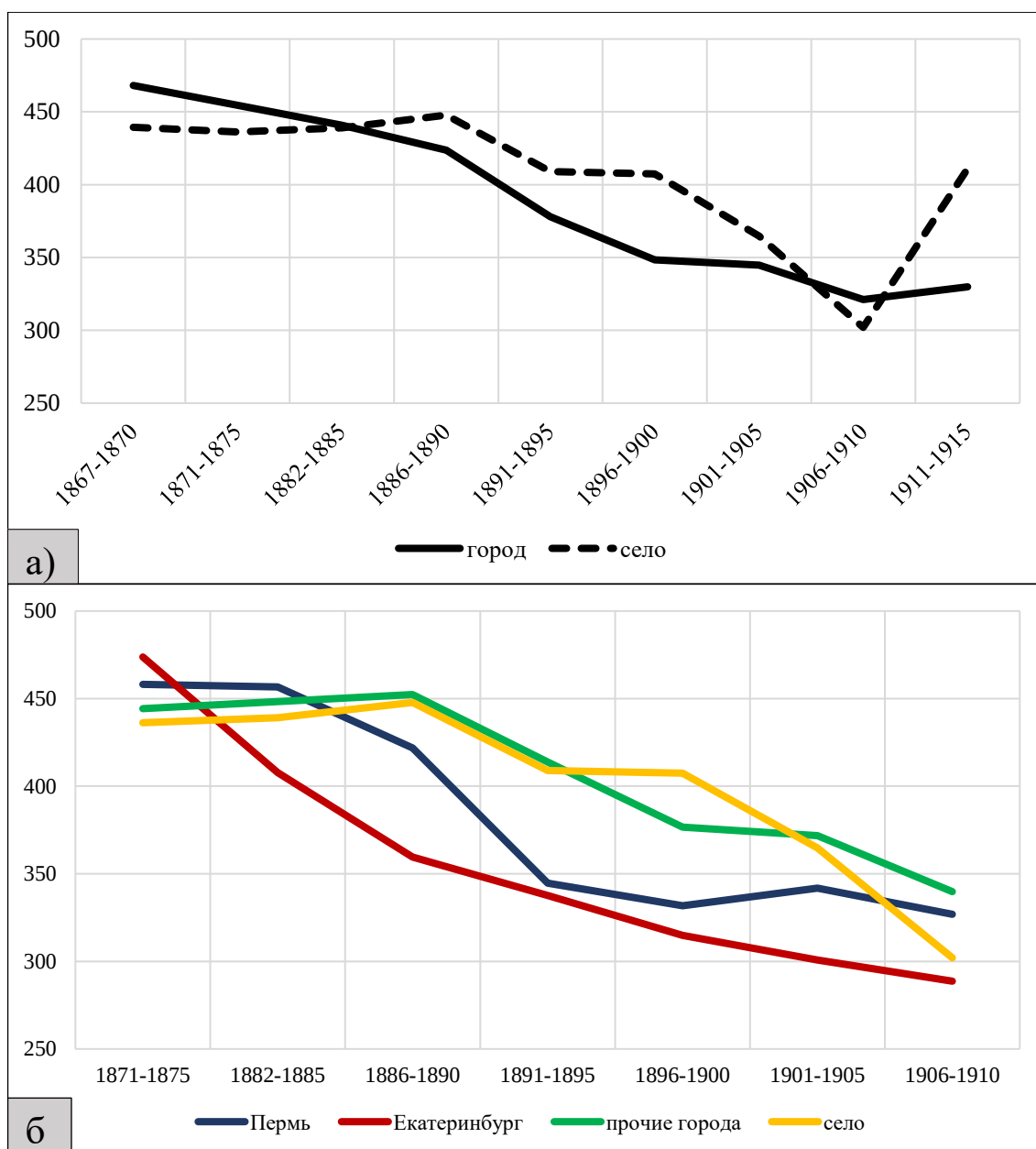


Рисунок 10. Младенческая смертность в Пермской губернии, ‰¹⁸⁵¹⁸⁶

¹⁸⁵ Для а) данные за 1876–1881 гг. отсутствуют.

¹⁸⁶ Сост. по: Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 8. Движение населения в Европейской России за 1867 год. СПб., 1872. С. 46, 54, 234, 266; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 12. Движение населения в Европейской России за 1868 год. СПб., 1877. С. 20, 24, 216, 248; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 13. Движение населения в Европейской России за 1869 год. СПб., С. 20, 24, 216, 248; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 14. Движение населения в Европейской России за 1870 год. СПб., 1879. С. 20, 24, 216, 248; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 17. Движение населения в Европейской России за 1871 год. СПб., 1881. С. 34, 38, 40, 242, 274; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 18. СПб., 1882. С. 32, 36, 38, 240, 272; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 20. Движение населения в Европейской России за 1873 год. СПб., 1882. С. 52, 53, 58, 59, 240, 272, 288; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 21. Движение населения в Европейской России за 1874 год. СПб., 1882. С. 32-33, 36-38, 240, 272, 288; Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 22. Движение населения в Европейской России за 1875 год. СПб., 1883. С. 52-53, 56-59, 240, 272, 288; Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 21: Движение населения в Европейской России за 1882 год. СПб., 1887. С. 30, 34, 36, 252, 278; Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 23: Движение населения в Европейской России за 1883 год. СПб., 1887. С. 30, 34, 36, 256, 282, 296; Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 24: Движение населения в Европейской России за 1884 год. СПб., 1889. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1885 год. СПб., 1890. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1886 год. СПб., 1890. С. 36-37, 144; Движение

Визуальный анализ динамики младенческой смертности отдельно в селах, малых городах, Перми и Екатеринбурге показал, что в сельской местности выживаемость младенцев хоть и снижалась, но имела изменчивый, зависимый от аграрного хозяйства характер (Рис. 10). Малые города в среднем демонстрировали чуть меньшие и более стабильные по сравнению с селом показатели. Наиболее серьезный рост выживаемости грудных детей происходил в двух главных городах губернии, Перми и Екатеринбурге, с неоспоримым лидерством Екатеринбурга и большой изменчивостью в Перми.

2.1. Изменение демографического календаря

Одним из параметров, косвенно отражающих процесс модернизации воспроизводства населения, является демографический календарь. Помесячная сезонность событий жизненного цикла – одно из классических направлений разработки демографических данных, имеющее подробную историографию¹⁸⁷. В российской традиции наиболее обстоятельно с

населения в Европейской России за 1887 год. СПб., 1891. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1888 год. СПб., 20, 1892. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1889 год. СПб., 1893. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1890 год. СПб., 1895. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1891 год. СПб., 1895. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1892 год. СПб., 1896. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1893 год. СПб., 1897. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1894 год. СПб., 1897. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1895 год. СПб., 1899. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1896 год. СПб., 1899. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1897 год. СПб., 1900. С. 36-37, 144; Движение населения в Европейской России за 1898 год. СПб., 1903. С. 36-37, 144-145; Движение населения в Европейской России за 1899 год. СПб., 1904. С. 36-37, 144-145; Движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб., 1906. С. 36-37, 144-145; Движение населения в Европейской России за 1901 год. СПб., 1906. С. 36-37, 164-165; Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 год. СПб., 1907. С. 36-37, 164-165; Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской и Семипалатинской области за 1903 год. СПб., 1909. С. 36-37, 164-165; Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Иркутской и Енисейской за 1904 год. СПб., 1911. С. 36-37, 164-165; Движение населения в Европейской России за 1905 год. СПб., 1914. С. 36-37, 164-165; Движение населения в Европейской России за 1906 год. СПб., 1914. С. 36-37, 164-165; Движение населения в Европейской России за 1907 год. СПб., 1914. С. 36-37, 164-165; Движение населения в Европейской России за 1908 год. СПб., 1914. С. 36-37, 172-173; Движение населения в Европейской России за 1909 год. СПб., 1914. С. 36-37, 164-165; Движение населения в Европейской России за 1910 год. СПб., 1914. С. 36-37, 164-165; Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь, 1915. С. 32-43; Санитарный обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1916. С. 20-25, 30-32; Санитарный обзор Пермской губернии за 1913 год. Пермь, 1916. с. 20-23, 26-27; Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1916. С. 22-23, 26-27; Санитарный обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь, 1918. С. 26-27, 30-31.

¹⁸⁷ См., например: Авдеев А., Блюм А., Троицкая И. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине 19 века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // Российский демографический журнал. 2002. № 1. С. 37–45; Vinnik M. V. Seasonal variation in mortality in the city of Barnaul based on the Pokrovsky parish registers (1877–1897) // Population and Economics. 2022. Vol. 6. No 2. P. 120–130.

теоретической точки зрения к изучению сезонности событий жизненного цикла подошел сибирский исторический демограф В. А. Зверев¹⁸⁸.

Познавательный смысл построения демографического календаря заключается в определении его волатильности, которая служит мерой модернизации общества. Особенно ярко эта функция проявляется в сравнении сельского и городского демографических календарей. Характерные для деревни резкие помесечные колебания числа браков и рождений говорят о существовании социальной регуляции первых, т. е. сильных этнорелигиозных институтов. Колебания смертности отражали в первую очередь смертность младенцев, т. к. они стабильно составляли более половины умерших и представляли единственную возрастную группу с ярко выраженной сезонной смертностью. Календарь вымирания новорожденных был результатом недиверсифицированной и зависимой от природы аграрной экономики, проявлявшейся в сезонной материнской занятости и неурожаях; а также нестабильных брачного и репродуктивного календарей, которые нередко формировали пики рождаемости в климатически и хозяйственно неблагоприятные для выживаемости младенцев периоды. Городской календарь, в свою очередь, гораздо меньше зависел от климата и религиозных предписаний, что позволяло купировать пики смертности в течение года.

В рамках представленного исследования был воссоздан календарь общей смертности для городов и сел Пермской губернии за 1891–1895 и 1911–1915 гг. Конкретными инструментами выступили помесечный коэффициент сезонности¹⁸⁹ и стандартное отклонение коэффициента

¹⁸⁸ См.: Зверев В. А. Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты во второй половине XIX – начале XX в. // Государство и общество Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 96–112.

¹⁸⁹ Получен следующим образом: коэффициент сезонности = $\frac{\text{число смертей за месяц}}{\text{число дней в месяце}} / \frac{\text{число смертей за год}}{365,25}$. Из-за агрегированности данных источника были использованы помесечные и годовые числа смертей суммарно сразу за 5 лет, в качестве числа дней в феврале взято 28,25, а в качестве среднегодового числа дней – 365,25. См. пример использования этого показателя в другой вариации: Сарафанов Д. Е. Сезонность младенческой смертности в Барнауле во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам метрических книг) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 59–78.; В западной традиции показатель известен как RND (relative numbers of deaths), см.: Budnik A., Liczbińska G. Biological and Cultural Causes of Seasonality of Deaths in Historical Populations From Poland // Collegium Antropologicum. 2015. Vol. 39. No 3. P. 491–499.

сезонности¹⁹⁰. Построение динамики сезонных коэффициентов для рубежа XIX–XX вв. дало неоднозначную картину (Рис. 11).

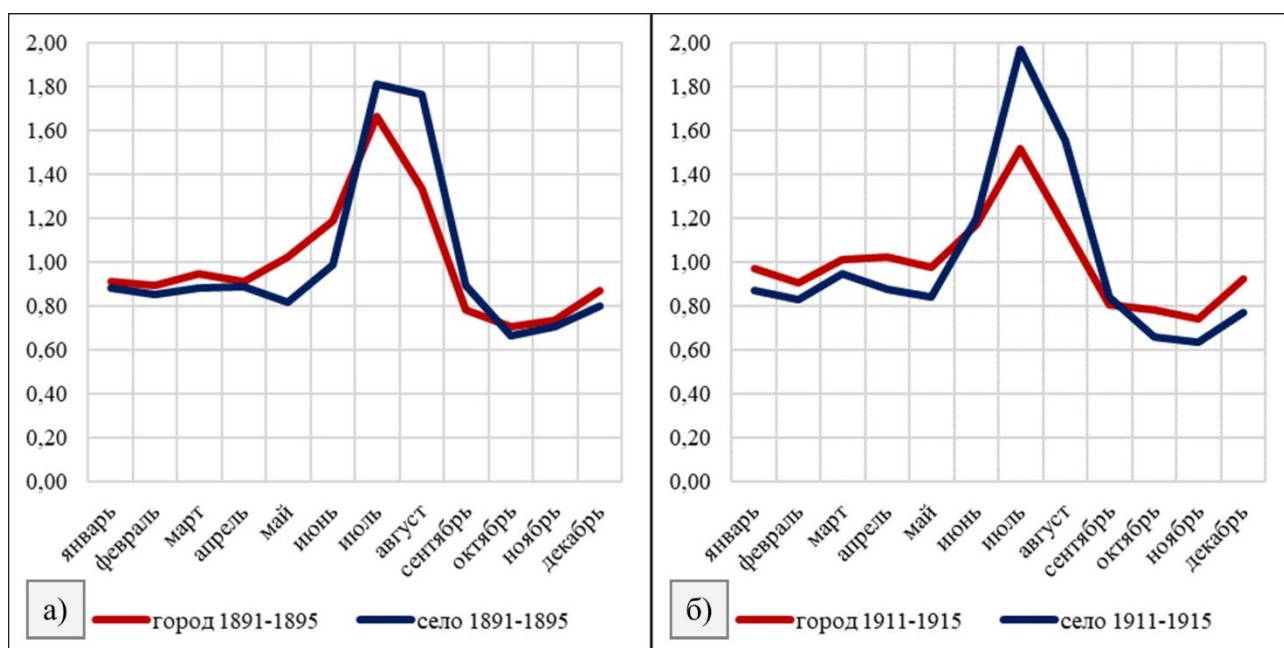


Рисунок 11. Коэффициенты сезонности смертности в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.¹⁹¹¹⁹²

Динамика сезонных коэффициентов сельского населения в конце XIX в. предсказуемо оказалась резче по сравнению с городской, отражая большую зависимость от природы и социальную зарегулированность. Через 20 лет оба демографических календаря сильно изменились, и если городской приобрел

¹⁹⁰ Использовал В. А. Зверев для другой версии сезонного коэффициента, см.: Зверев В. А. Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты во второй половине XIX – начале XX в. // Государство и общество Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 96–112.

¹⁹¹ Сост по: Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 1. Шадринский уезд. Пермь, 1903. С. 66–68; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 2. Екатеринбургский уезд. Пермь, 1906. С. 66–68.; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 3. Ирбитский уезд. Пермь, 1906. С. 49–50; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 4. Пермский уезд. Пермь, 1906. С. 52; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 5. Чердынский уезд. Пермь, 1906. С. 51–52; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 6: Верхотурский уезд. Пермь, 1906. С. 56–57; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 7. Камышловский уезд. Пермь, 1906. С. 56–58; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 8. Соликамский уезд. Пермь, 1906. С. 55–56; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 9. Оханский уезд. Пермь, 1906. С. 52; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 10, 11. Кунгурский и Красноуфимский уезды. Пермь, 1906. С. 86, 97–98; Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 12. Осинский уезд. Пермь, 1906. С. 51–52; Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь, 1915. С. 52–65; Санитарный обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1916. С. 28–33; Санитарный обзор Пермской губернии за 1913 год. Пермь, 1916. С. 26–29; Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1916. С. 27–29; Санитарный обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь, 1918. С. 30–33.

¹⁹² Данные за 1891–1895 гг. только по православным; для Перми, Верхотурья, Камышлова, Оханска, Кунгура – по всем приходам, для Екатеринбурга – только по Богоявленскому, Вознесенскому, Свято-Духовскому, для Шадринска – по Спасо-Преображенскому, для Соликамска – по Свято-Троицкому, для Осы – по Успенскому, для Ирбита – по Богоявленскому, для Красноуфимска – по Свято-Троицкому, для Чердыни данных нет.

более сглаженный характер, что можно трактовать как признак модернизации, то сельский неожиданно стал еще менее устойчивым. Можно связать эту находку с урбанизацией: в единой сельско-городской миграционной системе наиболее прогрессивное с демографической точки зрения население, в т. ч. модернизовавшиеся крестьяне, абсорбировались городом, что создавало статистическую картину замершей в развитии сельской местности. Также свою роль могла сыграть начавшаяся Первая мировая война. Мобилизация затронула в первую очередь крестьян, изъяв из общей смертности значительную долю смертей взрослых мужчин и таким образом увеличив долю самой сезонно изменчивой младенческой смертности.

Рассмотрение стандартных отклонений сезонных коэффициентов смертности позволило увидеть численное выражение сезонной волатильности вымирания населения (в первую очередь грудных детей), в т. ч. по отдельным городам для конца XIX в. (Табл. 14).

Постепенное снижение амплитуды сезонности смертности в данном контексте можно объяснить экономическим профилем региона. Логичным выглядит лидирующее положение городов-административных центров аграрных уездов, таких как Камышловский, Ирбитский, Оханский, в то время как торговые и раннеиндустриальные города-столицы аграрно-заводских и заводских уездов – Екатеринбургского, Кунгурского и Соликамского – демонстрировали большую стабильность демографического порядка. Удивительной выглядит высокая, близкая к сельской волатильность младенческой смертности в Перми – крупнейшем городе региона в этот период. Гипотетическим объяснением, почему региональная столица в смысле социальной модернизации сильно отставала от единственного сопоставимого с ней города – Екатеринбурга, может быть бóльшая доля крестьян в населении Перми (см. Главу 3).

К сожалению, источник не позволяет взглянуть на динамику амплитуды в 1911–1915 гг. с такой же географической подробностью как в 1891–1895 гг., однако даже суммарные сельский и городской показатели повторяют выводы

анализа динамики сезонных коэффициентов: в начале XX в. городское население Пермской губернии значительно модернизировало сезонный компонент своего режима младенческой смертности, в то время как его сельский аналог архаизировался.

Таблица 14. Стандартное отклонение коэффициентов сезонности смертности для Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.¹⁹³

	1891–1895	1911–1915
Камышлов	0,43	–
Ирбит	0,42	–
Оханск	0,41	–
Села	0,36	0,38
Оса	0,36	–
Пермь	0,32	–
Шадринск	0,32	–
Верхотурье	0,30	–
Все города	0,26	0,20
<i>Малые города</i>	0,26	–
Красноуфимск	0,26	–
Екатеринбург	0,20	–
Кунгур	0,20	–
Соликамск	0,19	–

2.2 Трансформация практик ухода за детьми

Важным фактором младенческой смертности в имперской России были описанные в Главе 1 суровые русские практики ухода за младенцами; в Пермской губернии они были равно характерны как для сельской местности¹⁹⁴, так и для города¹⁹⁵. Однако большая часть подобных свидетельств имеет обобщенный нарративный характер. Исключением является исследование Н. А. Русских, земского врача Пригородного участка Екатеринбургского уезда, который в 1890 г. предпринял попытку составить систематизированное представление о практиках кормления грудных детей на

¹⁹³ Сост. по: см. ссылку к Рис. 11.

¹⁹⁴ См., например: Шагов М. А. Кисловская волость Екатеринбургского уезда (Санитарно-бытовое описание) // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1914. № 9. С. 510–512.

¹⁹⁵ См., например: Серебrenников П. Н. Опыт медико-топографического описания г. Ирбита Пермской губернии: С пл. города и диагр.: Дис. на степ. д-ра мед. СПб., 1885. С. 108.

Урале. Он изготовил специальные карточки-анкеты, каждая из которых заполнялась на грудного ребенка его матерью под руководством врача и включала короткую паспортчку и ряд вопросов о кормлении ребенка (Табл. 15).

Таблица 15. Содержание карточки обследования Н. А. Русских¹⁹⁶

Селение	...	1890 года
Имя и фамилия матери	...	...
Ее лета	...	Грамотна или неграмотна
Имя ребенка	...	Сколько ему месяцев ...
1. Кормится ребенок грудью или нет?		
2. Если нет, то почему?		
3. Какой получает прикорм: молоко коровы – цельное или разведенное (на сколько частей воды), хлеб, кашу (какую), мясо и пр.		
4. На котором месяце начат прикорм?		
5. Какой рожок, какая соска?		
6. Который ребенок? Сколько живых? Отчего умирали старшие дети?		
7. Замечания об уходе и кормлении ребенка.		
Сведения собирал:	...	

С помощью других земских врачей Н. А. Русских собрал 240 валидных карточек (без учета неполных, неразборчивых и на детей старше 1 года), из которых 68 пришлись на Екатеринбург и 172 – на 71 поселение Екатеринбургского уезда. Матери, заполнившие карточки, за всю жизнь родили 1 105 детей, т. е. указанные ими практики кормления можно условно экстраполировать на вчетверо большее число детей. Результаты исследования показали два различных подхода к детскому питанию (Табл. 16).

¹⁹⁶ Ист.: Русских Н. А. К вопросу о кормлении детей до 1 года // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. I год. Пермь, 1891. С. 78.

Таблица 16. Результаты обследования практик кормления младенцев Н. А. Русских, %¹⁹⁷

	Кормится грудью?		Приспособления для искусственного кормления ¹⁹⁸	
	<i>да</i>	<i>нет</i>	<i>Коровьи рожки и коровьи соски</i>	<i>Стеклянные рожки и резиновые соски</i>
город	66,2 ⁿ⁼⁴⁵	33,8 ⁿ⁼²³	37,0 ⁿ⁼³⁴	63,0 ⁿ⁼⁵⁸
уезд	89,5 ⁿ⁼¹⁵⁴	10,5 ⁿ⁼¹⁸	83,8 ⁿ⁼¹⁹⁷	16,2 ⁿ⁼³⁸

С одной стороны, сельские жительницы в подавляющем большинстве предпочитали кормить детей грудью, а горожанки выбирали этот путь лишь в 2/3 случаев¹⁹⁹. Вероятно, это можно связать с локализацией занятости: крестьянская женская работа в основном вращалась вокруг домашнего хозяйства (за исключением периодов летней полевой работы), где ребенок был в шаговой доступности, в то время как в городе дом и работа могли быть разделены большим расстоянием, и искусственное питание становилось неизбежностью. Своеобразной компенсацией было использование горожанками максимально прогрессивных методов искусственного вскармливания, а именно стеклянных рожков и резиновых сосок, на которые в Екатеринбурге в 1890 г. перешли почти 2/3 опрошенных матерей. Сельская округа в свою очередь продолжала массово использовать архаичные приспособления – коровий рог и отрезанную коровью соску, гигиену которых невозможно поддерживать даже при большом желании.

Другим компонентом ухода за детьми, религиозными предписаниями русского населения, было православное раннее погружное крещение; в Главе 1 мы подробно описали его возможное влияние на младенческую смертность. Изучение эволюции родильно-крестильного интервала в позднеимперском Екатеринбурге показало, что эта практика также изменялась в городских

¹⁹⁷ Сост. по: Русских Н. А. К вопросу о кормлении детей до 1 года // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. I год. Пермь, 1891. С. 79–82.

¹⁹⁸ Абсолютное число ответов на этот вопрос – 327, что превышает заявленное количество респондентов – 240. Это может быть связано с двойным ответом респондента из-за использования смешанного приспособления (коровий рожок+резиновая соска или стеклянный рожок+коровья соска) или перехода в ходе кормления с одного приспособления на другое.

¹⁹⁹ Важным аспектом в контексте грудного вскармливания является его продолжительность, но, хотя в обследовании Н. А. Русских и был такой вопрос, ответы на него в итоговой публикации не дифференцированы на «городские» и «сельские».

условиях. Реконструкция динамики возраста детей при крещении дала довольно однозначную картину (Рис. 12).

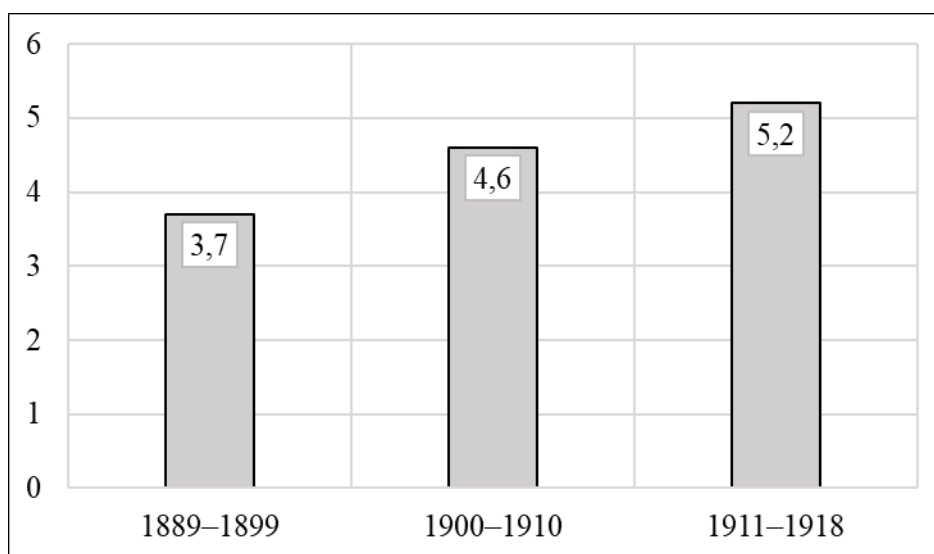


Рисунок 12. Родильно-крестильный интервал в приходе православной Вознесенской церкви Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в., дни²⁰⁰

С 1880-х до конца 1910-х гг. в одном из крупнейших православных приходов Екатеринбурга происходило стабильное повышение возраста окрещаемого. Это могло быть как результатом постепенной бытовой секуляризации, так и растущей нагрузки на клир, который на протяжении всего исследуемого периода сохранял одинаковую численность при ежегодном увеличении числа обрядов²⁰¹. В любом случае конечный результат выражался в модернизации бытовых обрядовых практик и снижении младенческой смертности.

2.3 Рост доступности профессиональной медицины

Другим важным фактором младенческой смертности в городах Пермской губернии была медицинская инфраструктура, ориентированная на родовспоможение и детскую медицину. В Главе 1 мы упомянули, что на

²⁰⁰ Ист.: Bakharev D., Glavatskaya E. Chapter 11. Infant mortality in the late 19th and early 20th century Urals: macro and micro analyses // *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West: monograph*. Ekaterinburg, 2019. P. 216.

²⁰¹ Бахарев Д. С., Главатская Е. М. Причины детской смертности в Екатеринбурге на рубеже XIX-XX вв.: опыт классификации // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки*. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 88.

уральских заводах XVIII–XIX вв. существовала во многом передовая для Российской империи сеть учреждений здравоохранения. Но при этом важной особенностью местной медицины было чрезвычайно слабое развитие заведений родовспомогательного и педиатрического профиля. До Великих реформ профессиональные акушерки на горных заводах Урала были огромной редкостью. Обязанность принимать сложные роды вместе с обучением «повивальному искусству» обычно включалась в контракты врачей, которые, однако, в силу своей немногочисленности не могли полноценно ее исполнять²⁰².

С началом земского периода в медицине Пермской губернии ситуация с родовспоможением изменилась. Земцы справедливо считали эту сферу одной из важнейших в народном здравоохранении и щедро финансировали: уже в 1873 г. был создан первый родовспомогательный приют в Невьянском заводе, затем их численность поступательно росла, а при каждой новой больнице открывалось родильное отделение. Но уже через несколько лет уездные земства начала закрывать некоторые из этих отделений и увольнять акушеров, т. к. последние почти не имели работы. Уральские крестьяне не доверяли земским акушеркам, предпочитая обращаться к знакомым деревенским повитухам²⁰³. В итоге к 1916 г. на 4-миллионную провинцию приходилось всего 160 родильных коек²⁰⁴. Описанная ситуация оказалась в определенном смысле парадоксальной: в пореформенное время в Пермской губернии именно в сельской местности было развернуто подавляющее количество медицинских учреждений, но это довольно слабо сказалось на смертности населения, т. к. последняя определялась главным образом вымиранием младенцев и детей, которые были практически не затронуты земским здравоохранением. В то же время в городах, где акушерство и педиатрия развивались более успешно, население быстро адаптировалось к новым видам медицинской помощи.

²⁰² Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы. Дис. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Екатеринбург, 2016. С. 288.

²⁰³ Черноухов Д. Э. Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2020. С. 173–174.

²⁰⁴ Козьмина К. И. Истоки уральской педиатрии. Екатеринбург, 2014. С. 44.

Отличие этой фактора младенческой смертности от других было в том, что он требовал сознательных действий местных органов власти, в первую очередь крупных денежных инвестиций. В Пермской губернии лишь два города имели возможность тратить большие деньги на здравоохранение – Пермь и Екатеринбург. В столице губернии с 1880 г. практиковала нанятая городом акушерка, посещающая рожениц на дому, в 1898 г. открыт родильный покой в Александровской земской больнице, а в 1906 г. – покой при общине Красного Креста²⁰⁵. Однако и штат, и количество коек для рожениц в Перми исчислялись единицами и вряд ли могли сильно влиять на демографическую ситуацию в таком большом городе. Специализированных медицинских учреждений для детей в дореволюционной Перми так и не появилось.

Совсем иная ситуация сложилась в Екатеринбурге. Сюда в 1874 г. на строительство Уральской железной дороги прибыл врач А. Ф. Петров, выпускник Императорской медико-хирургической академии и бывший преподаватель Повивального института в Санкт-Петербурге. Обратив внимание на фактическое отсутствие всякого родовспоможения в Екатеринбурге, он приступил к организации первого в городе родильного дома. Последний заработал 1 апреля 1877 г. на квартире акушерки В. В. Загоранской, но, будучи бесплатным для рожениц и организованным на нерегулярные частные пожертвования, скоро столкнулся с недостатком средств. Уже в октябре 1877 г. А. Ф. Петров обратился к городскому самоуправлению и уездному земству с просьбой о финансировании учреждения, предложив собственные услуги безвозмездно. Город и земство согласились взять роддом на содержание; финансовое управление стал осуществлять специально учрежденный попечительский совет. Через год основатель роддома А. Ф. Петров покинул Екатеринбург, на посту главного врача ему наследовали врачи А. Э. Ландезен, А. Г. Фолькман и, наконец, с 1879 г. – В. М. Онуфриев, многолетний главный врач Екатеринбургского

²⁰⁵ Лядова В. В. Некоторые аспекты развития городской медицины Перми в последней трети XIX - начале XX в. // История медицины и образования города Перми – три века служения людям: материалы научно-практической конференции (Пермь, 30 октября 2019 г.). Пермь, 2019. С. 132.

родильного дома²⁰⁶. Роддом сменил несколько наемных квартир, пока в 1883 г. не переехал в дом купца Рязанова, приобретенный вскладчину самим родовспомогательным учреждением²⁰⁷, городским обществом и земским самоуправлением за 25 тыс. руб.²⁰⁸ (Рис. 13).



Рисунок 13. Екатеринбургский родильный дом, 1890-е гг.²⁰⁹

В итоге начиная с середины 1880-х гг. Екатеринбургский родильный дом представлял собой настоящий медицинский комплекс, который включал: родильное отделение (палата для беременных – 2 койки, родильная комната – 4 койки, палаты для родильниц²¹⁰ – 12 коек); гинекологическое отделение (амбулатория с ожидательной комнатой и палата на 5 коек); повивальное

²⁰⁶ Онуфриев В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург, 1888. С. I–III.

²⁰⁷ Роддом располагал капиталом в 10 тыс. руб., завещанным ему екатеринбургским купцом А. Я. Харитоновым.

²⁰⁸ Черноухов Д. Э. Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2020. С. 122; Онуфриев В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург, 1888. С. V–VI.

²⁰⁹ Ист.: Метенков В. Л. Екатеринбургский родильный дом. // МИЕ. Екатеринбурге 1900е: инструкция по применению. URL: <https://m-i-e.ru/1781-1917> (дата обращения: 27.01.2025).

²¹⁰ Родильница – только что разрешившаяся женщина; роженица – женщина перед самыми родами или уже рожаящая.

училище. В роддоме был устроен водопровод, выстроены бани, практиковалась прогрессивная для того времени система дезинфекции²¹¹. Штат роддома включал врача, четырех акушерок и до десятка учениц повивального училища; с 1890 г. к ним прибавился помощник врача – заведующий роддомом²¹².

В конце XIX – начале XX в. масштабы деятельности Екатеринбургского родильного дома достигли беспрецедентного для уездного города масштаба. Для сравнения: в 1904 г. в Перми городской акушеркой было принято 105 родов, т. е. около 4% всех родов в городе за год, а в екатеринбургском роддоме – 1 074, т. е. около 55%. Реконструкция динамики соотношения рождаемости внутри и за пределами роддома продемонстрировала довольно впечатляющую для дореволюционной России картину: масштаб родовспоможения в Екатеринбурге не отставал, а в некоторые периоды превосходил, например, Москву²¹³ (Рис. 14).

Комментируя возрастающий поток рожениц в Екатеринбургском роддоме, его штатный врач Б. И. Котелянский писал:

«... прежде в Екатеринбургский родильный дом главным образом поступали или потому, что голову преклонить некуда (прислуга) или потому, что стыд загонял (незамужние), – теперь же преобладают обеспеченные хозяйки и замужние женщины; процент мещанок (более культурного элемента) возрастает тоже заметно относительно иногородних. Позволю себе высказать, что явление это вытекает из возрастающего доверия к учреждению; в умах публики успело уже, по-видимому, выработаться убеждение, что

²¹¹ Онуфриев В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург, 1888. С. XIII–XX.

²¹² Онуфриев В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 сентября 1887 г. по 1 сентября 1891 г. // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. 1892. II год, вып. 2. Екатеринбург, 1893. С. 175–178.

²¹³ Успенский В. П. Москва: краткий очерк развития и современного состояния городской врачебно-санитарной организации. М., 1911. С. 53–54.

учреждение это – благодаря известным приспособлениям и ведению дела – как бы гарантирует благоприятный исход родов»²¹⁴.

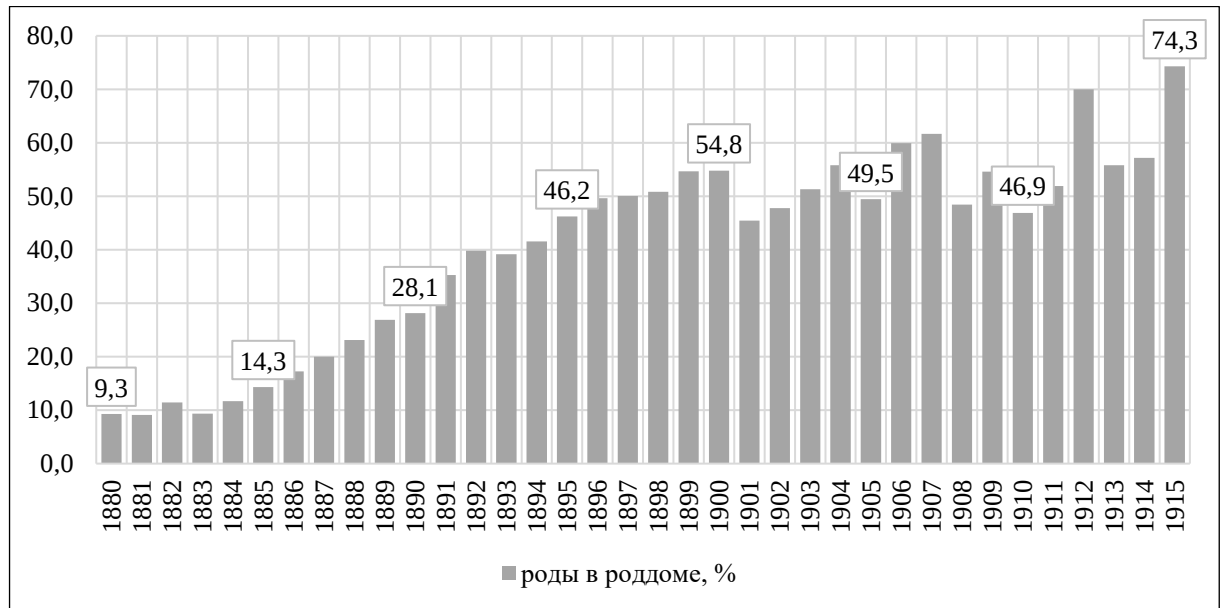


Рисунок 14. Доля рождений в роддоме от общей рождаемости в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX в., %²¹⁵

Специализированная педиатрическая помощь в Пермской губернии оказывалась исключительно в Екатеринбурге. Здесь в 1910 г. была открыта Детская больница, построенная на средства Общества Красного Креста. В больнице было 12 коек, часть из которых была платной. Штат включал врача и несколько медсестер Красного Креста²¹⁶. Проработавшая всего четыре года больница буквально каждый год прирастала сотнями и тысячами пациентов (Рис. 15).

Новое учреждение было ориентировано на всех детей, но именно младенцы были самой крупной категорией пациентов: за 1912–1913 гг. больница амбулаторно приняла 8 343 больных ребенка, из которых 3 174, т. е. 38%, были

²¹⁴ Котелянский Б. И. Краткий очерк деятельности акушерского отделения Екатеринбургского родильного дома за двухлетний период (1887–1889 гг.) // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. I год. Пермь, 1891. С. 71.

²¹⁵ Сост. по: Малескриптов. Что говорят метрические книги про г. Екатеринбург? // Екатеринбургская Неделя. № 27. 1884. С. 468–470; Перетц В. Г. Медицинский обзор 50-летней деятельности Свердловского акушерско-гинекологического института // Уральский медицинский журнал. 1928. № 1. С. 99; также см. ссылку к Рис. 10.

²¹⁶ Козьмина К. И. Истоки уральской педиатрии. Екатеринбург, 2014. С. 76.

в возрасте до 1 года. Разумеется, многих маленьких пациентов родители привозили из других населенных пунктов специально, а именно около 42%.

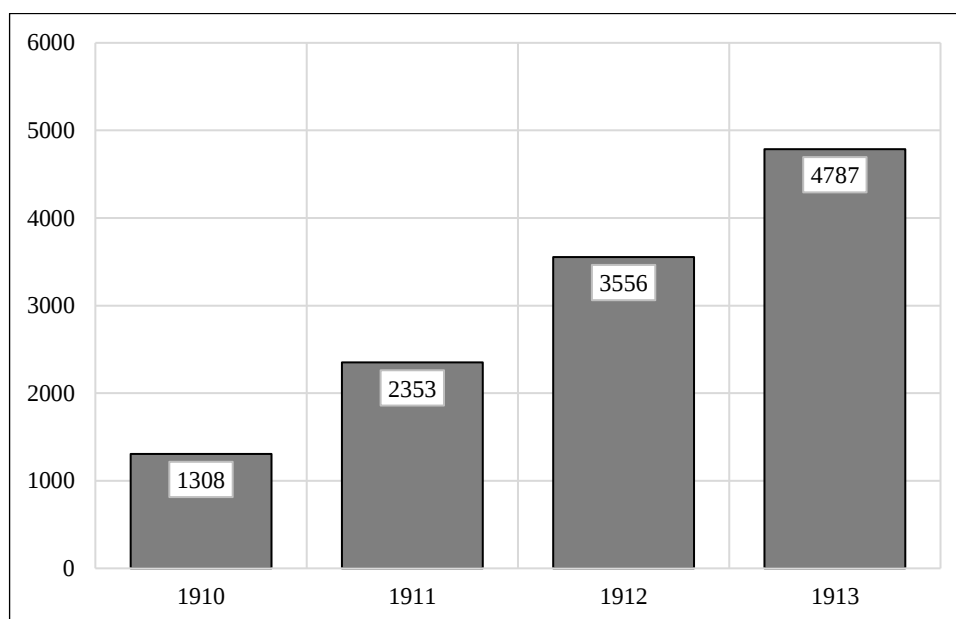


Рисунок 15. Первичные амбулаторные больные в Детской больнице Общества Красного Креста в Екатеринбурге, абс.²¹⁷

Однако учитывая, что за эти два года в Екатеринбурге родилось 5 618 детей, по всей видимости значительная их часть побывала на приеме в больнице Красного Креста. Главный врач больницы Д. Хирин так описывал различие местных и пришлых пациентов:

«... из уезда едут с действительно тяжелыми и хроническими заболеваниями; городские же жители обращаются с самыми небольшими заболеваниями, а иногда и просто для совета о питании и правильном уходе за ребенком»²¹⁸.

Реконструкция сезонной посещаемости продемонстрировала ее значительную согласованность с календарем младенческой смертности (Рис. 16). Помесячная динамика посещения больницы родителями с грудными детьми в Екатеринбурге демонстрирует заметное сходство с сезонностью

²¹⁷ Хирин Д. Медицинский отчет по Детской больнице Общества Красного Креста в г. Екатеринбурге за 1913 год. Екатеринбург, 1914. С. 3.

²¹⁸ Там же. С. 10.

смертности в городах Пермской губернии. Главный врач Хирин комментировал помесичное распределение больных следующим образом:

«... особенно [младенцев] было много в летние месяцы ..., когда наблюдались массовые заболевания желудочно-кишечными катаррами. Такое же преобладание заболеваний раннего детского возраста встречалось и в прошлые годы»²¹⁹.

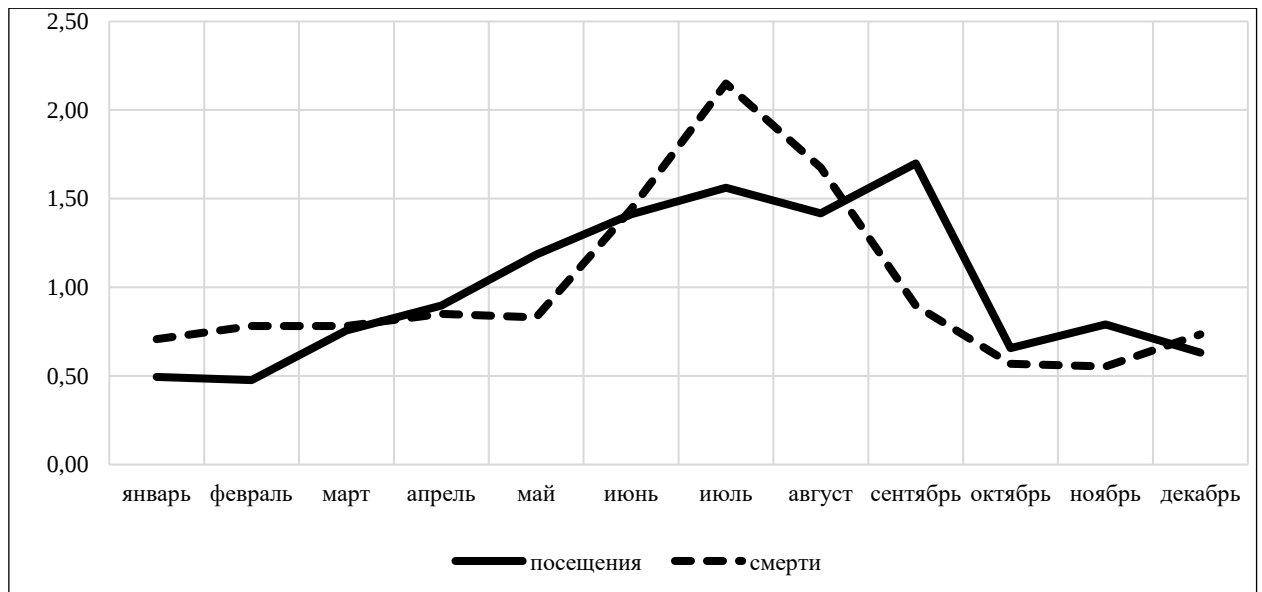


Рисунок 16. Коэффициенты сезонности амбулаторных приемов пациентов в возрасте до 1 года в Детской больнице в Екатеринбурге и смертности в городах Пермской губернии, 1912–1913 гг.²²⁰

Другими словами, городские родители чутко реагировали на младенческие болезни, начав массово обращаться к профессиональной медицине, как только город предоставил им такую возможность. Вероятно, Детская больница могла серьезно купировать взлеты младенческой смертности, однако короткий срок ее существования не позволяет утверждать этого со всей определенностью.

В Главе 2 мы рассмотрели механизм формирования, воспроизводства и продолжающейся модернизации городского демографического паттерна в

²¹⁹ Хирин Д. Медицинский отчет по Детской больнице Общества Красного Креста в г. Екатеринбурге за 1912 год. Екатеринбург, 1913. С. 8.

²²⁰ Сост. по: Там же. С. 8; Хирин Д. Медицинский отчет по Детской больнице Общества Красного Креста в г. Екатеринбурге за 1913 год. Екатеринбург, 1914. С. 9; Санитарный обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1916. С. 28–33; Санитарный обзор Пермской губернии за 1913 год. Пермь, 1916. С. 26–29.

Пермской губернии рубежа XIX–XX вв. в разрезе младенческой смертности. На наш взгляд, залогом этого процесса было сочетание влияния многоукладной экономики, социальной инфраструктуры и эрозии традиционных норм²²¹. Зримыми компонентами и индикаторами модернизации младенческой смертности могли быть: изменение демографического календаря; практик ухода за детьми; и рост доступности профессиональной медицины.

²²¹ Мы намеренно не стали выделять рост женской грамотности – популярный в историографии фактор – в качестве самостоятельного, а сосредоточились на его более конкретных следствиях.

Глава 3. Влияние миграционного обмена города и деревни на младенческую смертность

В конце XIX в. уже значительно отличавшиеся сельский и пореформенный городской режимы воспроизводства населения начали взаимодействовать. В позднеимперское время между городом и деревней-законом имел место активный миграционный обмен, однако самым популярным его сценарием была все-таки урбанизация с последующей модернизацией, т. е. переселение сельского жителя в город (физический процесс) и «перековки» его сельского демографического паттерна в городской (социальный процесс). Модернизация демографического поведения сельских иммигрантов в город происходила с помощью тех же механизмов, которые работали при формировании городского режима младенческой смертности и рассматривались в Главе 2. Базово этот сценарий соответствует второй и третьей стадии миграционного процесса – перемещению и приживанию населения²²².

Миграционный обмен «город–деревня» имел целый ряд следствий для городской младенческой смертности. Во-первых, чистый «импорт» смертности, когда в город привозили родившегося за его пределами ребенка, которому суждено было в нем умереть. Это самый статистически «несправедливый» для города вид младенческой смертности, когда ее показатель де-факто искусственно увеличивался за счет других поселений. Во-вторых, нередко, особенно в периоды кризисов, город абсорбировал изначально неблагополучную рождаемость нуждающихся родителей и матерей-одинок. Далее, могла иметь место миграция относительно благополучной рождаемости в рамках полной семьи среднего достатка из села, однако в условиях уже сильного различия городского и деревенского демографических паттернов для этого типа переселенцев была необходима существенная модернизация поведения. И, наконец, лишь в редком случае

²²² Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. М., 2019. С. 5–22.

речь могла идти о миграции в город носителей практик, обеспечивающих стандартный для города или даже более низкий уровень младенческой смертности; как правило, это были состоятельные жители заводов, горожане западных губерний или носители специфических традиционных установок и религиозных предписаний.

Если говорить о конкретных видах миграций, которые можно отследить и анализировать, то наиболее удобным будет разделение по причинности: миграция *по экономическим, социокультурным и институциональным причинам*. К числу достоинств предложенного деления можно отнести удобство анализа и изложения; в реальности, однако, конкретные миграционные потоки разных видов имели множество общих черт, что и будет показано ниже.

Косвенным индикатором неблагоприятного для городской демографической статистики миграционного обмена могут служить показатели внебрачной рождаемости, которая определялась как количество крещений детей незамужних матерей и подкидышей. Общая внебрачная рождаемость в городах Пермской губернии кратно превышала сельскую (Рис. 16)²²³.

Примечательным выглядит колоссальное различие по уровню внебрачной рождаемости и, следовательно, миграционного потока матерей-одиночек между крупнейшими городами губернии – Пермью и Екатеринбург – и остальными. Если в малых городах вне брака рождалось хоть и стабильно, но ненамного больше детей, чем в селах, то в административной и экономической столицах региона внебрачная рождаемость была фактически сопоставима с началом ХХI в.²²⁴ Это резкое различие было связано, вероятно, с целым рядом причин. Можно

²²³ Подробнее про внебрачную рождаемость в пореформенной Пермской губернии см.: Главацкая Е. М., Заболотных Е. А. Внебрачная рождаемость на Урале в конце XIX - начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 4. С. 89–109.

²²⁴ Архангельский В.Н. Современный Екатеринбург в демографическом измерении // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2023. С. 410.

предположить, что дискриминируемая традиционным обществом женщина совершенно логично стремилась вырваться за пределы традиции; такую возможность с большей вероятностью могли ей предоставить крупные многотысячные раннеиндустриальные центры губернии, а не малые города, тесно интегрированные в сельскую округу. Кроме того, чаще всего такая женщина не имела средств к существованию, и дать работу ей мог лишь экономически развитый город.

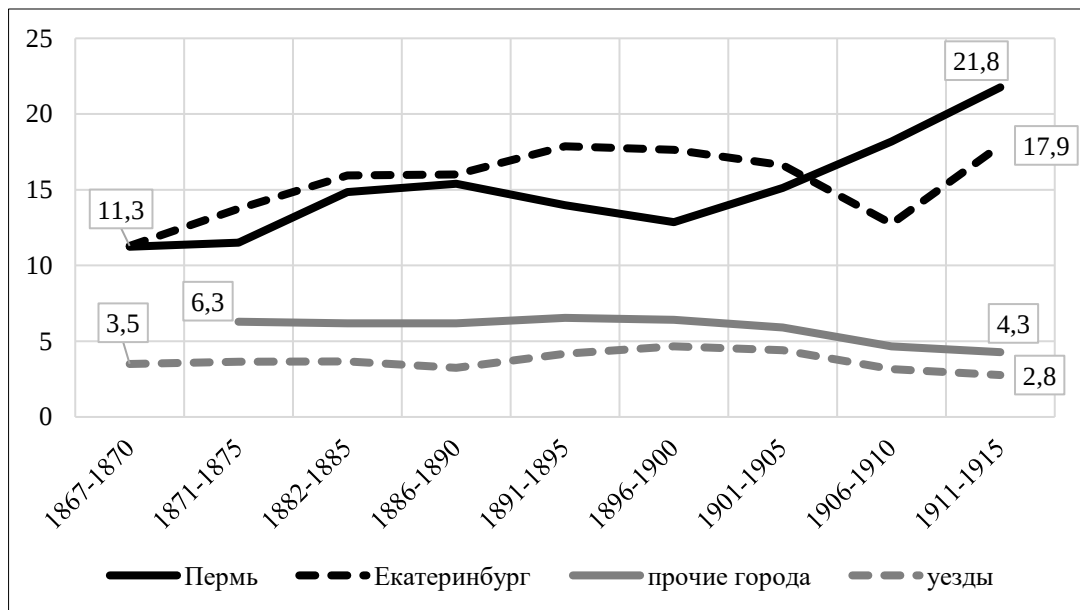


Рисунок 17. Внебрачная рождаемость в Пермской губернии, %²²⁵

3.1. Миграция по экономическим причинам

Экономическая миграция подразумевает 1) стабильный приток в город «лишних» рабочих рук из деревни, образовавшихся в результате естественного прироста сельского населения и роста производительности аграрного труда; 2) и резкие волны миграции в период экономических кризисов. Можно предположить, что для аграрно-промышленной Пермской губернии такие кризисы происходили в годы неурожаев и сложных периодов в горнозаводской промышленности.

После отмены крепостного права города Российской империи столкнулись с интенсивной и все нараставшей иммиграцией крестьян. В

²²⁵ Сост. по: см. ссылку к Рис. 10. Без данных за 1876–1882 гг.

Пермской губернии, по всей видимости, ситуация могла быть даже более кризисной, т. к. значительная часть сельского населения региона составляли мастеровые горных заводов, которые после освобождения не были стеснены временнообязанным состоянием и необходимостью выкупа надела, и могли сразу же отправиться в город в поисках лучшей доли. К сожалению, у нас нет достоверных частотных источников по текущей численности городского населения, особенно для начала XX в. Все одновременно города губернии были переписаны лишь однажды, в 1897 г., в рамках всеобщей переписи. Однако мы можем присовокупить к данным 1897 г. опубликованные результаты местных переписей Перми и Екатеринбурга; эти два города, будучи крупнейшими в регионе, вмещали около половины всего городского населения и по сути определяли вектор и темп «окрестьянивания» городов Пермской губернии (Рис. 18).

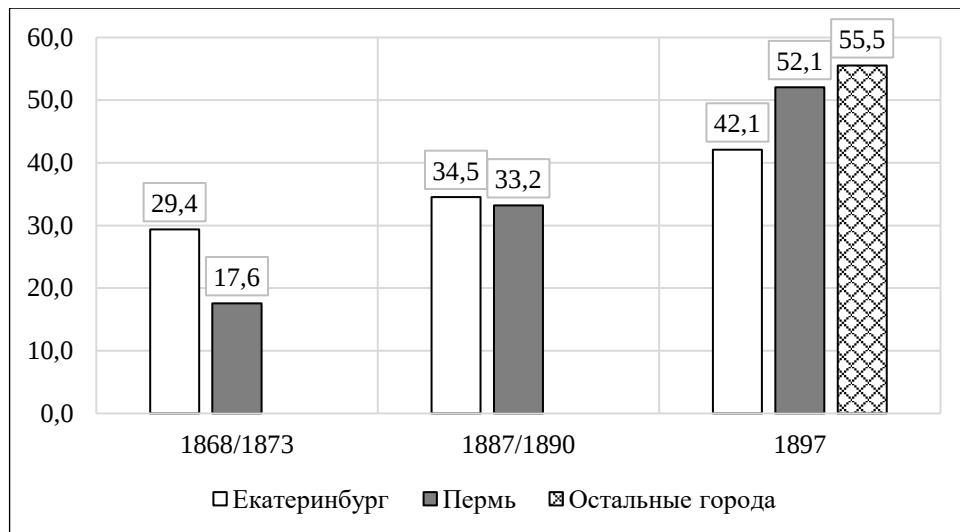


Рисунок 18. Доля крестьян в населении городов Пермской губернии во второй половине XIX в., %²²⁶

²²⁶ Сост. по: Город Екатеринбург. Екатеринбург, 2007. С. 62-63, 80; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 2-3; «Распределение жителей г. Перми по сословиям ...» // Пермские губернские ведомости. № 56. 1869. С. 244; Однодневная перепись жителей губернского города Перми, произведенная 7-го Апреля 1890 года. Пермь, 1892. С. 40-67. Фиксировалось количество формальных представителей крестьянского сословия. Используются результаты переписей Екатеринбурга в 1873 и 1887 гг. и Перми в 1868 и 1890 гг. Для городских переписей использованы данные по постоянному населению, а для 1897 г. – по наличному, т. е. доля крестьян в населении города до 1897 г. может быть даже занижена.

Стабильный высокий «фоновый» приток крестьян в город как результат классической урбанизации вследствие малоземелья, углубления специализации и интенсификации аграрного труда в Пермской губернии второй половины XIX в. не вызывает сомнений. В конце XIX в. в результате этого процесса уже половина жителей городов региона были мигрантами из деревни. Подобный миграционный поток не мог не влиять на демографические процессы в городе, в первую очередь в виде давления на социальную инфраструктуру и размывания городского режима воспроизводства (см. Главу 2). Кроме того, свою лепту вносил не только масштаб миграции, но и ее структура. Возможность свободного переезда в город впервые в истории региона актуализировала женское отходничество, т. е. женскую трудовую миграцию. Уральские заводы стабильно создавали большой спрос на мужчин-отходников, но женские руки в горнодобывающей и металлургической отрасли были нужны в куда меньших масштабах. Состоятельные горожане же нуждались в большом количестве женской прислуги и после 1861 г., когда были сняты главные ограничения для крестьянской мобильности, эта нужда стала быстро удовлетворяться. Приток женщин в города горнозаводского Урала мог быть даже более интенсивным, чем в Европейской России, из-за более явного дефицита мужчин и соответственно большой массы свободных девушек и вдов в сельской местности; например, в Екатеринбурге последней четверти XIX в. имел место почти двукратный рост женской прислуги (Табл. 18).

Таблица 18. Прислуга в женском населении Екатеринбурга в конце XIX в., %²²⁷

	1873		1887		1897	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
всех женщин	14 929	100	19 538	100	22 956	100
женской прислуги	1 918	12,8	2 652	13,6	4 892	21,3

²²⁷ Город Екатеринбург. Екатеринбург, 2007. С. 61, 78; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 178. Была рассчитана доля женщин-прислуги вместе с девочками из семей, где глава семьи принадлежал к прислуге, от общего количества женщин. Для 1897 г. взята группа занятий № 13 «Деятельность и служба частн. Прислуга, поденщ.».

Между тем, согласно многочисленным свидетельствам современников и нынешним исследованиям городское женское отходничество в поздней Российской империи серьезно повышало внебрачную рождаемость (напомним, что последняя была мощным фактором младенческой смертности, см. Главу 1). Сам факт отхода, для которого требовалось разрешение формального главы семьи (мужа, отца или другого мужчины)²²⁸, по всей видимости способствовал росту самосознания женщины, в т. ч. эрозии традиционных крестьянских представлений о брачных и сексуальных отношениях. Оказавшись в городском богатом доме в роли прислуги, молодая крестьянка попадала в достаточно жесткие условия – трудовые, экономические и психологические – и нередко вступала во внебрачную сексуальную связь, добровольную или недобровольную, и регулярно рожала внебрачных детей²²⁹. Доктор медицины С. А. Селюгин исследовал внебрачную рождаемость Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX вв., основываясь на специальных листках о рождении, подаваемых приходами в городское статистическое бюро и содержащих гораздо больше сведений о родителях по сравнению с метрической записью; к таким дополнительным сведениям относилась и профессиональная принадлежность матери. По его подсчетам из 60 500 внебрачных рождений, зарегистрированных в Петербурге за 1898–1904 гг., 25 554 или 42,2% пришлось на личную прислугу²³⁰. К сопоставимым результатам пришел одесский врач П. Н. Диатроптов, который основывался на схожем карточном материале. По его вычислениям из 982 внебрачных рождений в Одессе 1890 г. в 371 случае, т. е. 37,8%, матери относились к

²²⁸ Мухина З. З. Женское отходничество в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность : Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 марта 2016 года. СПб., 2016. С. 351–352.

²²⁹ См., например: Жукова А. Е. Глава 2. Внутридомовая прислуга // Прислуга в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2021. С. 98–116; Зайцева С. В. Факторы, оказывавшие влияние на рождение внебрачных детей в Российской империи во второй половине XIX в. // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина 2010. Т. 4. № 2. С. 148–149.

²³⁰ Селюгин С. А. Внебрачная рождаемость и смертность внебрачных детей в С.-Петербурге: дис. на степ. д-ра мед. СПб., 1906. С. 36–40.

профессиональной группе «Домашняя прислуга»²³¹. К сожалению, для уральских городов у нас нет такой же подробной источниковой базы, как статистической, так и нарративной. Специалисты почти не рассматривали отношения хозяев и прислуги в городах Пермской губернии. Лишь исследователи В. П. Микитюк и О. Н. Яхно единственный раз кратко коснулись этой стороны повседневности дореволюционного Екатеринбурга:

«Впрочем, в городе хорошо знали, что женская прислуга становится объектом сексуальных домогательств, причем не только со стороны хозяев, но и слуг-мужчин. Если на слуг пострадавшие женщины могли пожаловаться, то на привлечение к ответственности домохозяев и их отпрысков они, боясь лишиться места, не решались»²³².

Косвенным свидетельством массовой внебрачной рождаемости, производимой женщинами-прислугой в пореформенном уральском городе, может быть статистика Екатеринбургского родильного дома за 1880-е гг. Для каждой роженицы фиксировался как семейный, так и профессиональный статус. Но при этом данные были разработаны и опубликованы в отчетах роддома лишь по одному признаку, т. е. в нашем распоряжении нет таблицы, учитывающей занятие и законность рождения одновременно. Мы прибегли к графическому и корреляционному анализу, чтобы сравнить динамику данных по обоим признакам (Рис. 19 и Табл. 19).

Визуализация динамики рождений и изучение согласованности их колебаний в соответствии с социальными статусами матерей во многом подтвердили нашу гипотезу. По всей видимости, именно женщины, занятые в прислуге, производили значительную часть екатеринбургских внебрачных рождений, которые проходили через родильный дом (в указанные годы в роддоме было принято около 13% детей из всех, родившихся в Екатеринбурге).

²³¹ Диатроптов П. Н. Рождаемость и смертность в Одессе в 1890 г. // Статистическое обозрение Одессы за 1890 г. Одесса, 1892. Приложения. С. 13.

²³² Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: Очерки городского быта. Екатеринбург, 2014. С. 365.

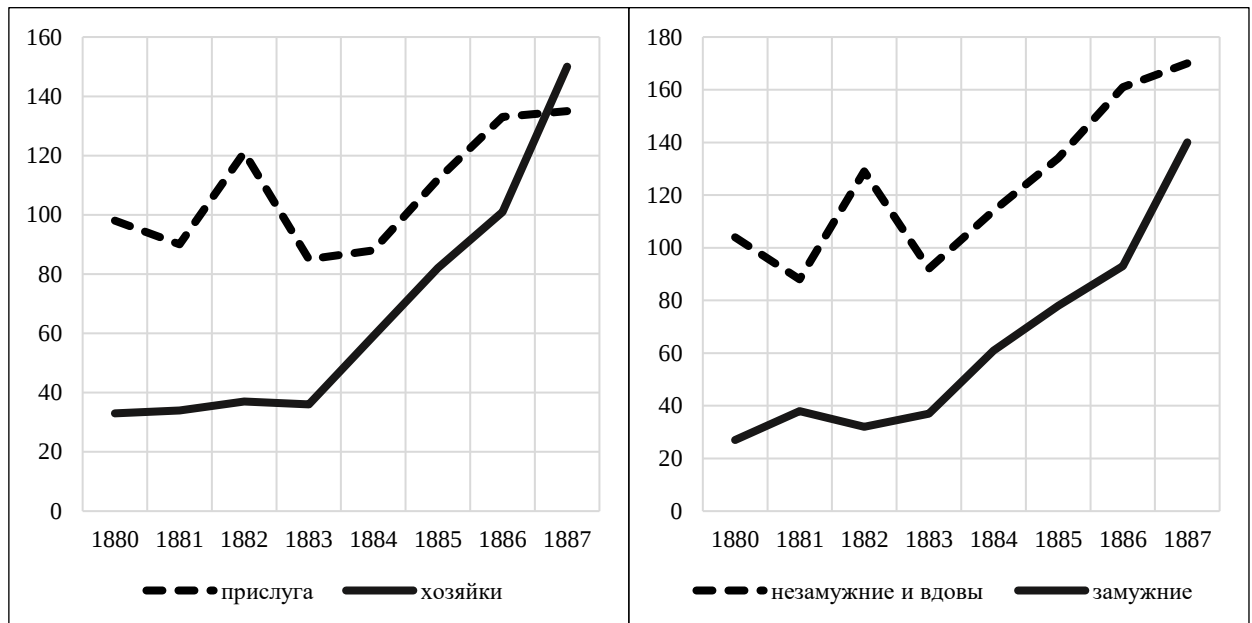


Рисунок 19. Роженицы в Екатеринбургском родильном доме в 1880–1887 гг., абс.²³³

Таблица 19. Корреляционная матрица семейного и профессионального статуса рожениц в Екатеринбургском родильном доме в 1880–1887 гг.²³⁴

	прислуга	хозяйки	незамужние	замужние
прислуга		0,77 (0,028)	0,94 (0,0005)	0,71 (0,048)
хозяйки	0,76 (0,028)		0,89 (0,003)	1,0 (0)
незамужние	0,94 (0,0005)	0,9 (0,003)		0,86 (0,006)
замужние	0,71 (0,048)	1,0 (0)	0,86 (0,006)	

Другим видом экономической миграции являются т. н. «кризисные волны», в отличие от стабильной «фоновой» характеризующиеся сильным кратковременным притоком мигрантов. Можно предположить, что в случае Пермской губернии подобные миграционные волны могли запускаться продовольственными и горнозаводскими кризисами. Связь между демографией, в частности младенческой смертностью, и производством продовольствия имеет нетривиальный характер. Снижение уровня питания начинает оказывать линейное влияние на жизненные характеристики человека лишь после определенного, довольно высокого порога, поэтому как таковые массовые смерти от голода являются и являлись в прошлом большой

²³³ Сост. по: Онуфриев В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург, 1888. С. 7–8. Началом каждого года было 1 сентября предыдущего года. На обоих графиках представленные группы вместе составляли более 90% всех рожениц.

²³⁴ Сост. по: см. подпись к Рис. 18. В скобках указан p-value.

редкостью. Влияние неурожая состояло в первую очередь в недоедании и понижении иммунитета населения и интенсификации миграций людей в поисках еды. В сумме это создавало благоприятную среду для эпидемий и насилия, которые и уносили большую часть жертв кризиса²³⁵. Из этого следует, что при грамотном управлении потоками миграций и распределении дефицитного продовольствия вполне можно было купировать наиболее негативные демографические последствия неурожая.

В контексте городской истории к этому добавляется фактор политических институтов. Статус города как резиденции политической власти обуславливал его роль как точки концентрации и распределения продовольствия, поэтому большое значение в подобных ситуациях имели стабильность и дееспособность органов власти в неурожайные годы. Дееспособные органы власти даже в продовольственный кризис продолжают эффективно распределять продовольствие между деревней и городом, что вызывает приток сельских жителей в город; если же органы власти утратили дееспособность, то они не имеют возможности для налаживания поставок продовольствия из села в город, что вызывает миграцию горожан в сельскую местность, т. е. временную дезурбанизацию. В истории России ситуации первого типа были в 1891–1892²³⁶ и 1930–1932 гг.²³⁷, второго – в 1917–1922²³⁸ и начале 1990-х гг.²³⁹ В части исследуемого периода, охваченного аграрной статистикой, вплоть до Революции 1917 года политические институты России, представленные в Пермской губернии, сохраняли свою стабильность, и серьезные неурожаи, случавшиеся в Пермской губернии в 1883, 1890–1891, 1898, 1901, 1907, 1911 гг.²⁴⁰ (Рис. 20), вызывали приток мигрантов в город, а

²³⁵ Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. СПб., 2010. С. 65–69, 77–83.

²³⁶ Robbins R.G. Famine in Russia, 1891–1892. N. Y.; London, 1975. P. 168–183.

²³⁷ Араловец Н. А. Демографические последствия сплошной коллективизации и голода 1932–1933 гг. // Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3-х т. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. С. 265–276.

²³⁸ Поляков Ю. А. Население России в годы Гражданской войны. Демографические последствия голода 1931–1932 гг. // Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3-х т. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. С. 107–112.

²³⁹ Карачурина Л. Б., Полян П. М. Вектор урбанизационного процесса // Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3-х т. Т. 3. Кн. 3. 1991–2000. М., 2012. С. 42–47.

²⁴⁰ Круглов В. Н. Царь-голод. Факты против мифов // Сборник Русского исторического общества. М., 2011. С. 88–91; Пьянков С. А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 2014. С. 69–79.

не наоборот. Самым известным, широко освещенным современниками случаем, стал голод 1891–1892 гг., когда тысячи крестьян в поисках еды и работы наводнили уральские города²⁴¹ (Рис. 21).

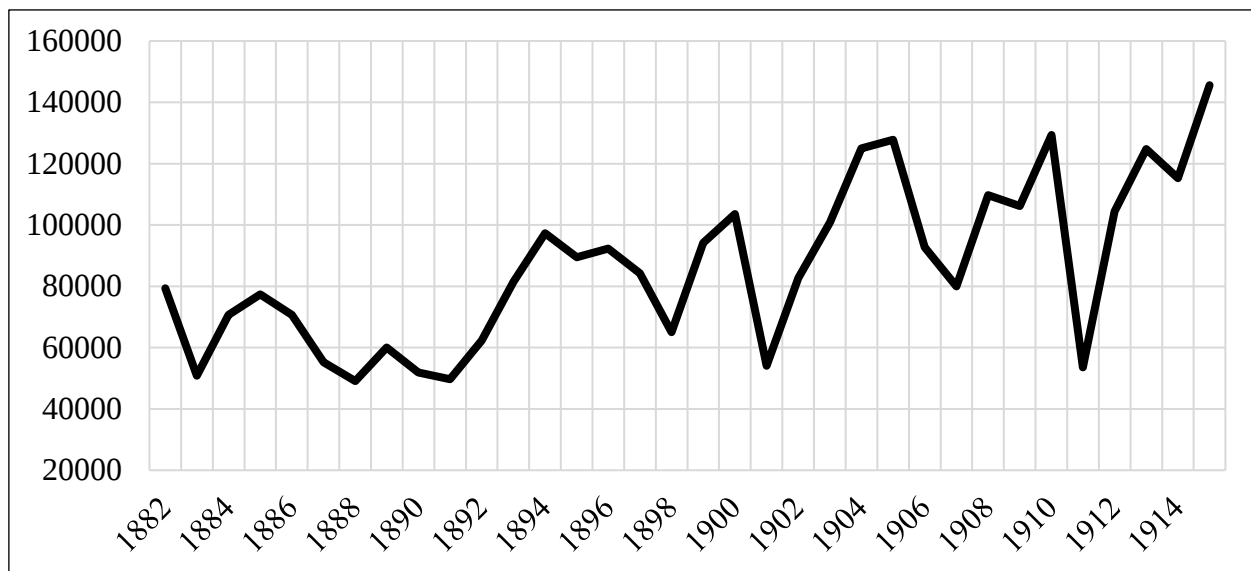


Рисунок 20. Валовые урожаи зерновых в Пермской губернии, тыс. пуд²⁴²

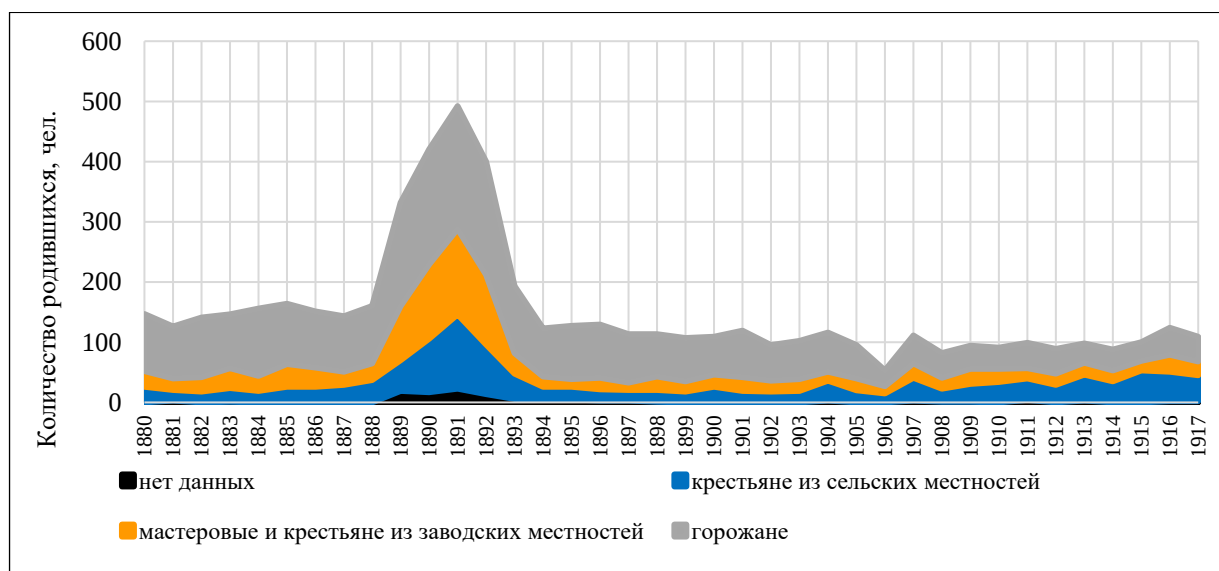


Рисунок 21. Социальный статус родившихся в православном Богоявленском приходе Екатеринбурга, абс.²⁴³

²⁴¹ Черныш М. И. Неурожаи 1891–1892 гг. на Урале и их социально-экономические последствия (по материалам Пермской губернии) // Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1970. С. 229; Алферова Е. Ю. Влияние неурожаев и голода 1891–1892 гг. на материальное положение городского населения Урала // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма: сб. науч. трудов. Свердловск, 1989. С. 95–106; Демина Ю. В. Голод 1891–1892 гг. в Екатеринбургском уезде: причины, последствия (на материалах журналов уездных земских собраний) // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 113.

²⁴² Сост. по: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. М., 1928. С. 125–126.

²⁴³ Ист.: Боровик Ю. В. Социальный облик городского православного прихода на рубеже XIX–XX вв. по данным метрических книг Богоявленского собора Екатеринбурга // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. Материалы

Другим важным для Пермской губернии экономическим фактором демографических процессов была горнозаводская промышленность. Изначально эта отрасль экономики была главным драйвером освоения всего Урала, однако после Великих реформ лишенная многих привилегий и специальных правовых режимов, она стала проигрывать в конкуренции как зарубежным, так и другим российским промышленным районам. После реформы 1861 г. уральская горная добыча и металлургия находились в затяжном кризисе, прерывавшимся периодами роста в конце 1880–1890-х гг. и 1909–1914 гг.²⁴⁴ Упадок производства, часто связанный с мировыми ценами на металл, т. е. довольно волатильным фактором, вызывал сокращение занятости и безработицу среди мастеровых горных заводов. В эти периоды, подобно крестьянам в неурожайные годы, масса рабочих устремлялась в города в поисках работы и еды. В то же время в экономически успешные и предшествовавшие им годы многие уральские заводы интенсивно модернизировались, что выражалось в том числе в концентрации производства и закрытии нерентабельных заводов²⁴⁵; закупке нового оборудования и повышения производительности труда²⁴⁶. Эти процессы даже в статистически благополучные для отрасли годы приводили к массовым увольнениям рабочих и интенсифицировали миграционный обмен заводской местности с городами Пермской губернии (Табл. 20 и Рис. 22).

Таблица 20. Численность занятых в горнозаводской промышленности мужчин в Екатеринбургском уезде Пермской губернии²⁴⁷

		1887	1897	1912
Мужчины, 18-60 лет	абс	81 914	72 573	89 609
Горнозаводские и горные рабочие	абс	31 467	47 228	35 197
	%	38,4	65,1	39,3

международной конференции. Москва, 4–6 декабря 2020 г. Москва, 2020. С. 154–160. В качестве «социального статуса» показан сословный статус с подразделением крестьян на заводских и сельских.

²⁴⁴ Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 408–502.

²⁴⁵ Там же. С. 450–457.

²⁴⁶ Там же. С. 462.

²⁴⁷ Сост. по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 18–19; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912. С. 8–9, 38–39; Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Екатеринбург, 1891. С. 556, 566, 576.

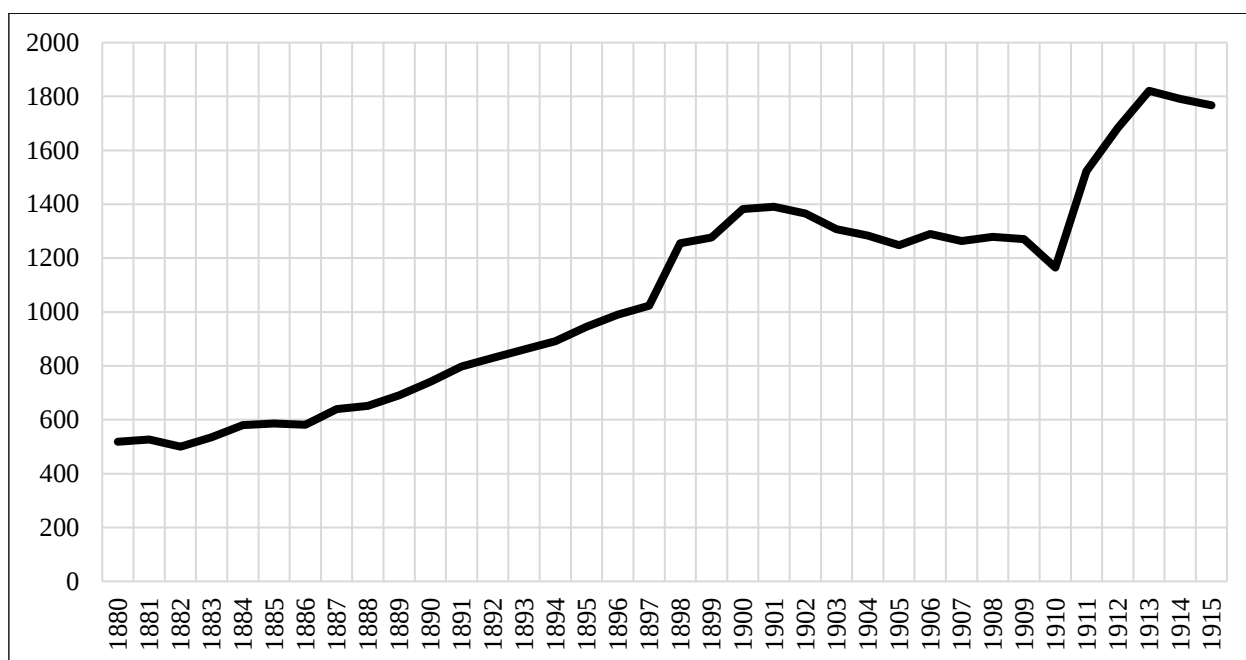


Рисунок 22. Выплавка чугуна и производство стали и железа на Урале, тыс. тонн²⁴⁸

Непосредственное сопоставление динамики младенческой смертности и показателей главных отраслей экономики Пермской губернии продемонстрировали их явную корреляцию для части поселений региона (Табл. 21).

Первым важным наблюдением является четкое различие демографической реакции города и деревни на экономические кризисы. Несмотря на то, что и неурожай, и спад промышленности физически начинались и развивались в сельско-заводской местности, деревенские показатели младенческой смертности слабо с ними коррелировали, в то время как городские демонстрировали среднюю, но статистически значимую достоверную согласованность колебаний. Вероятно, города в единой сельско-городской миграционной системе, являвшейся продуктом активного этапа урбанизации, выступали в качестве амортизатора, принимавшего самое неблагоприятное население в кризис и возвращавшего большую его часть после стабилизации ситуации.

Далее, заметно четче выражена связь смертности грудных детей с металлургией, чем с сельским хозяйством. Первым возможным объяснением

²⁴⁸ Сост. по: Гулин В. С. Уральская горнозаводская промышленность в цифрах за 50 лет и дальнейшие пути ее развития. М., 1930. С. 9-10, 18.

этой связи могут быть различные масштаб и интенсивность миграций – продовольственные кризисы обыкновенно носили мощный, но кратковременный характер и характеризовались резким притоком и таким же оттоком населения; в то время как горнозаводские кризисы развивались десятилетиями и порождали не такие масштабные, но более устойчивые волны мигрантов.

Таблица 21. Корреляция экономических показателей и младенческой смертности в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.²⁴⁹

		Младенческая смертность и урожайность зерновых в губ., тыс. пудов на душу ²⁵⁰		Младенческая смертность и производство чугуна, железа и стали на Урале, тыс. тонн на душу ²⁵¹	
		r	p-value	r	p-value
1882–1911	Екатеринбург	–0,51	0,004	–0,53	0,03
	Пермь	–0,39	0,03	–0,67	0,00
	Малые города	–0,45	0,01	–0,62	0,0002
1882–1915	Город	–0,55	0,0008	–0,64	0,0001
	Деревня	–0,3	0,09	–0,24	0,17
	Вся губерния	–0,33	0,06	–0,27	0,12

Второе объяснение может быть связано с составом мигрантов: тяжелые заводские работы провоцировали мужскую сверхсмертность и рост количества незамужних и вдовых женщин фертильного возраста в составе заводского населения²⁵²; по этой причине заводской миграционный поток в

²⁴⁹ Сост. по: Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год. СПб., 1863. С. 168; Сборник сведений по России за 1884–1885 г. СПб., 1887. С. 6; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. СПб., 1904. С. 1; Санитарный обзор Пермской губернии за 1915 год. Пермь, 1918. С. 31; Обзор Пермской губернии за 1882 год. [Пермь], 1882. С. [10]; Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. М., 1928. С. 125–126; Гулин В. С. Уральская горнозаводская промышленность в цифрах за 50 лет и дальнейшие пути ее развития. М., 1930. С. 9–10, 18.; источники сведений о младенческой смертности см. в ссылке к Рис. 10.

²⁵⁰ За зерновые взяты основные культуры – рожь озимая и яровая, яровые пшеница, овес и ячмень; данные за 1882 г. взяты из отчета пермского губернатора и умножены на 6,3% в соответствии с методикой А. Ф. Фортунатова для сопоставимости с данными ЦСК МВД (см. методику: Растянкин В. Г., Дерюгина И. В. Урожайность хлебов в России: 1795–2007. М., 2009. С. 54–55.). Данные за 1882–1887 гг. в источниках приведены в четвертях (мера объема) без указания веса, пересчитаны в пуды с помощью среднего арифметического веса четверти соответствующей культуры за 1887–1892 гг.; данные за 1887–1892 гг. в источнике приведены в четвертях с указанием веса четверти каждой культуры, пересчитаны; численность населения губернии за каждый год получена с помощью линейной регрессии при известных значениях: 1858, 1885 (административно-полицейские обследования населения), 1897 (перепись населения), 1915 гг. (расчет Санитарного бюро при Пермском губернском земстве).

²⁵¹ Использованы данные для всех заводов Урала, т. е. Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губернии. Доля заводов только Пермской губернии составляла около 70%, а ее динамика абсолютных значений повторяла общеуральскую.

²⁵² Голикова С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. 2005. № 5. С. 104–107; Голикова С. В. Факторы увеличения числа незаконнорожденных детей на Урале XIX – начала XX в. // Демографические процессы на постсоветском

город по сравнению с сельским мог иметь большую долю матерей-одиночек и сильнее влиять на городскую младенческую смертность. Наконец, обращает на себя внимание различие Екатеринбурга, одинаково реагировавшего на оба типа экономических кризисов, и Перми с малыми городами, которые гораздо сильнее коррелировали с горнозаводской отраслью.

3.2. Миграция по социокультурным причинам

Важным видом миграции является миграция *по социокультурным причинам*. Подобный вид миграции как правило обусловлен правовой (официальной) или бытовой (неофициальной) дискриминацией в месте выхода – по этническому, религиозному, половому или другим признакам. В случае пореформенного Урала самым актуальным признаком, провоцировавшим миграцию «деревня-город» и влиявшим на младенческую смертность в регионе, был статус матери-одиночки²⁵³²⁵⁴. Женщина могла приобрести этот статус либо в результате рождения внебрачного ребенка, либо смерти мужа. Оба фактора – рождение вне закона и отсутствие одного родителя – являются универсальными для всех стран и эпох в смысле негативного влияния на младенческую смертность. Большую часть матерей-одиночек составляли девицы и вдовы фертильного возраста²⁵⁵.

В русской традиционной культуре осуждались сексуальные связи за пределами законного брака, в т. ч. добрачные, внебрачные, постбрачные, в виде проституции и снохачества²⁵⁶. При обнаружении факта такой связи

пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2015. С. 46–48.

²⁵³ Стоит отметить, что в этом параграфе термин «миграция» во многом использован в его буквальном смысле, т. к. одним из сценариев для матери было подкидывание ребенка в городе, после чего она возвращалась в сельскую местность, т. е. мигрировали, строго говоря, младенцы.

²⁵⁴ Подробнее про феномен женского одиночества см.: Главацкая Е. М., Бобицкий А. В., Заболотных Е. А. Женское «одиночество» в Пермской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 40–58.

²⁵⁵ Согласно законам Российской империи, все дети, рожденные замужней женщиной, являлись законными, иное должен был доказывать ее супруг в суде; такие случаи были немногочисленны и не принимались нами во внимание. Также в число матерей-одиночек входили солдатки, которые представляли собой крупную группу еще в первой половине XIX в., но после военной реформы 1874 г. она перестала пополняться и к концу XIX в. почти полностью исчезла; в данной работе мы исключили ее из анализа.

²⁵⁶ Меншиков И. С., Федоров С. Г. Девиантное и деликвентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. Курган, 2013. С. 43–47, 65–68; Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов, 2015. С. 68–72.

наказание в силу правовой гендерной асимметрии несла, как правило, лишь женщина. Последствия могли быть самые разные; в Европейской России второй половины XIX – начала XX в. исследователи фиксируют уже довольно снисходительное отношение к адюльтерам: в случае добрачной потери девственности или супружеской измены дело могло ограничиться только ритуальным общественным высмеиванием, внутрисемейным наказанием и церковной епитимьей²⁵⁷. Однако в равной мере родившая добрачное дитя девушка рисковала навсегда остаться без женихов, и превратиться в парию на содержании собственных родителей. Подобная бытовая дискриминация женщин, родивших вне брака, нередко приводила к инфантицидам, как в активной форме (убийство внебрачного ребенка), так и в пассивной (сознательно небрежный уход)²⁵⁸. Если же женщина все-таки сохраняла такого ребенка, то он рос в деревне изгоем. Правовая дискриминация одиноких матерей с внебрачными детьми выражалась в том, что сельские общины не наделяли их землей вплоть до совершеннолетия сына (дочерям надел не полагался вообще) и, разумеется, в отсутствии у сына наследных прав²⁵⁹. На горнозаводском Урале ситуация отягчалась мужской сверхсмертностью, усиливавшей и так традиционный для России дефицит мужчин и известной либерализацией («падением») нравов фабрично-заводского населения после 1861 г.; последняя вызвала кратный рост внебрачной рождаемости на некоторых заводах²⁶⁰.

По отношению ко вдовам (но не их детям) традиция была более мягкой. Наказание за незаконную сексуальную связь для вдовы могло вообще отсутствовать, т. к. она, во-первых, пользовалась известной личной свободой,

²⁵⁷ Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты: Очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М., 2020. С. 281–309. См, уральский материал: Бальжанова Е. С. Понятия о грехе и преступлении у крестьян Среднего Урала (XIX – начало XX в.) // Горнозаводской Урал в XVIII – начале XX в.: проблемы социокультурной истории: сборник научных статей. Екатеринбург, 2006. С. 87–91.

²⁵⁸ Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов, 2015. С. 148–157.

²⁵⁹ Безгин В. Б. Правовое положение внебрачных детей в русском селе конца XIX – начала XX века // Право и образование. 2010. № 8. С. 124–129.

²⁶⁰ Голикова С. В. Факторы увеличения числа незаконнорожденных детей на Урале XIX – начала XX в. // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2015. С. 43–50.

не имея над собой «хозяина»²⁶¹, а во-вторых, у молодой вдовы был гораздо меньше возможности для легального любовного союза по сравнению со своей сверстницей-девицей, что несколько оправдывало ее поступок. Вдовство – в славянской традиции социально ущербное состояние, множество запретов и предписаний обусловлены страхом перед ранним вдовством²⁶². После смерти мужа молодая вдова оставалась на незавидных позициях в семье свекра, либо возвращалась в родительский дом, и, если только покойный муж оставлял ей достаточное наследство, начинала жить своим хозяйством²⁶³. Отношение к новому браку вдовых у славян было крайне подозрительным из-за представления о нерушимости самых первых брачных уз и боязни загробной мести покойного супруга²⁶⁴. Русская православная церковь рассматривала повторные браки как терпимый грех, однако лишь до третьего брака. Самым социально приемлемым выходом был брак двух вдовых²⁶⁵, однако именно по этой причине женский шанс на новое замужество был довольно невелик – из-за мужской смертности, значительно превышавшей женскую, вдовцов было гораздо меньше вдов. Этот дефицит вдовцов усугублялся тем, что последние часто предпочитали взять в жены девицу, т. к. к мужчинам традиция была менее строга. По подсчетам М. С. Тольца в конце XIX в. лишь половина вдов в возрасте 15–25 лет повторно выходили замуж, после 25 лет же вдовьи шансы на замужество падали кратно (Табл. 22). Есть все основания полагать, что на горнозаводском Урале возможность для молодой вдовы устроить повторный брак была еще меньше из-за более сильного по сравнению с Европейской Россией полового дисбаланса²⁶⁶.

²⁶¹ Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX - начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4(65). С. 68.

²⁶² Гура А. В., Кабакова Г. И. Вдовство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1. А-Г. М., 1995. С. 293–294.

²⁶³ Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4(65). С. 63–65.

²⁶⁴ Гура А. В., Кабакова Г. И. Вдовство // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1. А-Г. М., 1995. С. 294–295.

²⁶⁵ Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4(65). С. 66–67.

²⁶⁶ Голикова С. В. Факторы увеличения числа незаконнорожденных детей на Урале XIX – начала XX в. // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2015. С. 46–47.

Таблица 22. Число браков на 100 вдов соответствующего возраста в Европейской России в 1896–1897 гг.²⁶⁷

Возрастные группы	Число браков на 100 вдов
15–25	48
26–35	11
36–45	4
46–59	1

Но при этом вдовьи «незаконноприжитые» дети подвергались той же дискриминации, бытовой и правовой, что и дети девиц. Более того, даже вдовы с законными детьми оказывались в чрезвычайно невыгодном положении: «вдовьи семьи» дискриминировались обычным правом при разверстке и переделе общинной земли. Описывая хозяйственный порядок крестьян Екатеринбургского уезда середины XIX в., земские статистики отмечали:

«При последней X ревизии те крестьяне, которые переделили землю по ревизским душам, решали в большинстве случаев так, что вдовам оставляли наделенную землю только в том случае, если они обещаются платить подати; другие решили, что нужно дать землю только тем вдовам, у которых есть дети мужского пола, и наконец в некоторых обществах вдовам в земле было отказано»; после 1861 г. порядок мало изменился: «Со вдовами и солдатами при коренных переделах поступали несколько иначе, чем при разверстке во время X ревизии. Вдовам, обыкновенно, давали надел только в том случае, если у них были сыновья, при том столько, сколько следовало по числу последних ...»²⁶⁸.

Сходное описание вдовьей участи на позднеимперском Урале приводит земский начальник одного из участков Шадринского уезда Пермской губернии П. М. Ерогин:

«Смерть крестьянина-домохозяина, в том случае, если у него остались малолетние сироты, почти всегда влечет за собою полное разорение хозяйства.

²⁶⁷ Ист.: Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР: сборник статей. М., 1977. С. 148.

²⁶⁸ Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Екатеринбург, 1891. С. 17–18, 21.

Редко случается, что оставшаяся мать сумела удержать в своих руках весь душевой надел покойного мужа. Общественники-крестьяне обыкновенно снимают со вдовы часть надела, якобы из-за опасения накопления недоимки, а если за бывшим однообщественников уже числится недоимка, то отбирают и весь надел, так как каждый клочок земли ценится очень дорого и охотников за ним всегда много. Вдове нужно обладать большим запасом энергии и настойчивости, чтобы выйти победительницей из этой борьбы с суровыми общественниками, совсем не признающими в этих случаях чувства сострадания, и сохранить за собой землю, чтобы тем самым иметь возможность прокормить осиротевших малолеток»²⁶⁹.

В сумме все эти факторы – бытовая и правовая дискриминация внебрачных детей и их матерей; правовая дискриминация семей, возглавляемых вдовами; – создавали широкий устойчивый поток матерей-одиночек (как уже состоявшихся, так и беременных) из села в город. Для подтверждения существования этого миграционного канала и оценке его масштабов мы обратились к метрическим книгам православного Вознесенского прихода Екатеринбурга конца XIX – начала XX в. С помощью программного алгоритма мы выполнили процедуру связывания записей родившихся и умерших, т. е. идентифицировали среди умерших детей в возрасте до года родившихся именно в этом приходе, и рассчитали коэффициент младенческой смертности для обеих групп младенцев – по связанным данным (только для родившихся в приходе) и по несвязанным (с учетом младенцев, крещенных в ином месте) (Табл. 23).

Анализ связанных данных продемонстрировал, во-первых, несомненное существование «младенческой миграции». «Очищенный» КМС прихода составил 227‰ – по европейским меркам немалый, но и не из ряда вон выходящий показатель. При этом из умерших за почти 30 лет в Вознесенском приходе 2 629 младенцев только 1 681, т. е. около 64% были местными

²⁶⁹ Ерогин П. М. О призрении крестьянских сирот // Вестник благотворительности. 1898. № 5. С. 18.

уроженцами. Больше трети из умерших «импортных» грудных детей были внебрачными (351 из 948).

Таблица 23. Младенческая смертность
в Вознесенском приходе Екатеринбурга, 1889–1917 гг.²⁷⁰

	Связанные данные			Несвязанные данные		
	Родилось	Умерло до 1 года	КМС, ‰	Родилось	Умерло до 1 года	КМС, ‰
Брачные	6 587	1 532	233	6 587	2 129	323
Внебрачные	814	149	183	814	500	614
Все	7 401	1 681	227	7 401	2 629	355

Разумеется, часть этих детей просто была крещена в других приходах Екатеринбурга, а в метрической книге Вознесенской церкви их смерти зарегистрированы из-за переезда матери или другой причине, однако это явление в некотором масштабе должно было быть компенсировано обратным процессом, когда крещенные в Вознесенской церкви дети умирали в других районах города. Таким образом, большая часть «прибавочной» смертности – безусловно привнесенная иммигрантами в Екатеринбург. И если для брачной младенческой смертности этот импорт оборачивался почти полуторным ростом КМС, то для внебрачной – ростом в 3,5 раза. Такая разница в смертности между детьми, рожденными в рамках и вне закона, не была чем-то уникальным: по расчетам доктора медицины С. А. Селюгина в Санкт-Петербурге в 1883–1887 гг. из 1 000 детей умирало 264 законных ребенка и 548 внебрачных. Со временем смертность младенцев понижалась, особенно незаконнорожденных, достигнув в 1903–1905 гг. уровня в 250 и 301‰ соответственно²⁷¹. Можно предположить, что такой стремительный спад, не фиксировавшийся в Екатеринбурге, был связан с широкой работой богатого столичного самоуправления и многочисленных благотворительных организаций, а также сопоставимостью населений Санкт-Петербурга и

²⁷⁰ Сост. по: ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 790, 797, 804, 840, 847, 856, 866, 871, 878, 886, 896, 904, 911, 917, 923, 928, 931, 933; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 50, 60, 76, 99, 121, 143, 158, 188, 212, 232, 261, 292, 311, 339; Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Метрические книги православной Вознесенской церкви Екатеринбурга за 1880–1919 гг.: раздел об умерших». URL: <https://urapp-urgi.urfu.ru/>. Дата регистрации: 19.02.2019. Режим доступа: на договорной основе.

²⁷¹ Селюгин С. А. Внебрачная рождаемость и смертность внебрачных детей в С.-Петербурге. СПб., 1906. С. 85–87.

окружавшей его губернии, что позволяло городу, грамотно используя социальные институты, «переваривать» поток привнесенных смертей. Города меньших размеров, такие как Екатеринбург и Пермь, несоразмерные с населением окружающей их сельской местности, были парализованы импортом оттуда младенческой смертности.

Помимо этого, изучение младенческой смертности с применением связывания обнаружило мощный эффект Екатеринбургского роддома, когда родившиеся в городе внебрачные дети имели значительно выше шансов пережить первый день рождения по сравнению с брачными за счет профессионального родовспоможения и ухода в первые несколько дней. Вплоть до 1910-х гг. среди внебрачных детей Екатеринбурга было гораздо больше родившихся в роддоме, чем среди родившихся в законном браке: например, в 1890 г. 87% внебрачных родилось в роддоме и только 23% брачных, в 1900 г. – 80% и 41%, и только в 1912 г. – 58% и 64% соответственно.

К сожалению, у нас не так много нарративных описаний конкретных механизмов миграций матерей-одинок, особенно для провинциальных, по тогдашним меркам некрупных городов Пермской губернии. Одним из важных источников являются сообщения в периодической печати, часто и подробно описывавшие подкидывания младенцев. См. типичные случаи подкидывания детей в дореволюционном Екатеринбурге на страницах еженедельной газеты «Екатеринбургская неделя»:

- «2-го января, по Васенцевской улице к дому Черных неизвестно кем подкинуть младенец женского пола, по-видимому, семидневный. К розыску матери приняты меры»²⁷²;
- «4 апреля, к квартире С. А. Б. подкинули ребенка женского пола, при котором найдена записка: “крещена, имя Лидия”; ребенок отдан на воспитание, розыски матери производятся»²⁷³;

²⁷² Хроника // Екатеринбургская Неделя. 1887. № 3. 1887. С. 52.

²⁷³ Городские происшествия // Екатеринбургская Неделя. 1893. № 14. 1893. С. 294.

- «21 сентября, в 6 час[ов] вечера к квартире кр[естьянской] девицы Березовского завода Т. М. Захаровой, прож[ивающей] по 1-й Мельковской ул. в д[оме] Исакова, неизвестно кем подкинут младенец женского пола с крестиком на шее и запискою о том, что ребенок крещен и имя его “Любовь”; розыски матери производятся»²⁷⁴;
- «21 сентября, в 9 час[ов] вечера к квартире кр[естьянки] Ревдинской вол[ости] Екат[еринбургского] у[езда] А. Г. Разумовой, прож[ивающей] по 4-й Мельковской ул. в д[оме] Щекалева, неизвестно кем подкинут младенец мужского пола с медным крестиком на шее и запискою о том, что ребенок крещен и имя его “Афанасий”»²⁷⁵.

Такие же массовые случаи подкидывания фиксировались во втором крупном городе губернии – Перми – журналистами «Пермских губернских ведомостей»:

- «31-го декабря, в 7^{1/2} час. вечера, по Набережной ул., к дому пермского мещ[анина] П. Ф. Собенина был подкинут ребенок, женского пола, приблизительно 6-месячного возраста; записки при нем никакой не оказалось»²⁷⁶;
- «15 февраля, в 8^{1/2} ч. вечера, в коридоре родильного покоя, находящемся на Сенной площади, был найден ребенок, девочка, по-видимому, около 2-х месяцев от рождения, неизвестно кем подкинута. В пеленках, в которых завернут младенец, найдена следующего содержания записка: “Добродетели! не оставьте сиротку пожалуйста, приютите ради Бога; младенец крещен, зовут Марией, 26 января”. Младенец оставлен в родильном покое. Розыски матери полицией производятся»²⁷⁷;
- «Утром, 25-го января, был подкинут ребенок мужского пола на крыльцо мотовилихинскому обывателю, проживающему за прудом в

²⁷⁴ Городские происшествия // Екатеринбургская Неделя. 1893. № 38. 1893. С. 781.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Местная хроника // Пермские губернские ведомости. 1898. № 3. (Часть неофициальная). 1898. С. 3.

²⁷⁷ Хроника. Подкинутый младенец // Пермские губернские ведомости. 1899. № 41. (Часть неофициальная). 1899. С. 3.

Мотовилихе, Филиппу Баишеву. С мальчиком была записка: “не крещеный, родился 20 января”. Окрестив ребенка, Баишев отнес его в волостное правление»²⁷⁸;

- «На днях, в 6 час[у] пополудни, на черное крыльцо дома Малюшкина, на углу Торговой улицы и Екатеринбургского переуллка, неизвестно кем, подкинут младенец мужского пола около 4-х недель от рождения, с запиской следующего содержания: “Идет четвертая неделя, зовут Михаилом”. Он завернут в две белые ситцевые тряпки, белый свивальник; на нем белая рубашка; на шее серебряный на голубой ленте крест. Младенец впредь до розыска матери препровожден в пермский родильный покой»²⁷⁹;
- «22 апреля, вечером, к дому Будрина, по Петропавловской улице, подъехала на извозчике неизвестная женщина с ребенком и, передав ребенка сидевшей на улице девочке-квартирантке, попросила унести его в дом, сказав хозяевам, “что к ним приехали гости с парохода”, а сама уехала и не возвращалась ... Подкинутый ребенок оказался крещеным и взят на воспитание бездетной хозяйкой дома — Будриной»²⁸⁰.

Таким образом, на основе данных о различных видах подкидывания младенцев можно предположить существование нескольких сценариев миграции матерей-одиночек (Рис. 23). Первый этап сценария связан с местом рождения ребенка. Как ранее было показано, подавляющая часть внебрачных рождений в Екатеринбурга конца XIX – начала XX в. происходила в роддоме, что значительно повышало шансы новорожденного на выживание, т. е. рождение в городе можно оценивать как однозначно позитивное событие в жизни ребенка. Однако в случае других городов, даже столичной Перми, где не было аналогичных учреждений, рождение в городе и деревне можно

²⁷⁸ Хроника. Подкинутый ребенок // Пермские губернские ведомости. 1903. № 25. (Часть неофициальная). 1903. С. 2.

²⁷⁹ Хроника. Подкинутый ребенок // Пермские губернские ведомости. 1903. № 127. (Часть неофициальная). 1903. С. 2.

²⁸⁰ Хроника. Подкинутый ребенок // Пермские губернские ведомости. 1906. № 94. (Часть неофициальная). 1906. С. 3.

рассматривать как равноценные события; это единственное отличие представленной таблицы для Екатеринбурга от такой же, но составленной для среднестатистического города Пермской губернии.

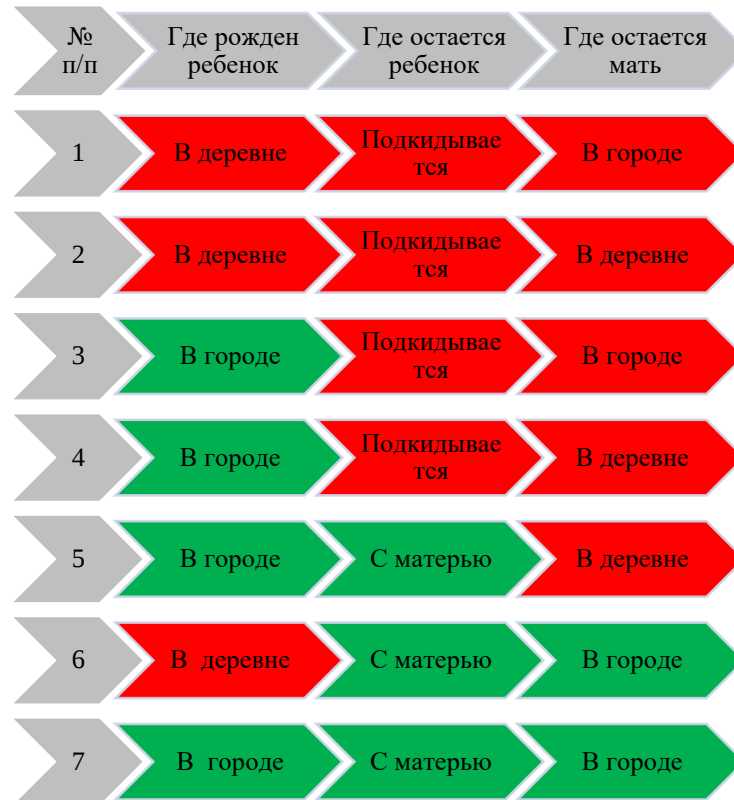


Рисунок 23. Сценарии миграций матерей с младенцами в пореформенный Екатеринбург²⁸¹

Далее, на втором этапе новорожденный либо подкидывался, либо оставался с матерью. Первый вариант значительно снижал его шансы выжить. Жизнь подкидышей, как правило, была гораздо короче и трагичнее, чем жизнь детей, воспитываемых одной матерью. Многочисленные исследования исторических обществ Европы, Нового Света, а также современных развивающихся стран показывают, что наиболее критичным для младенца является отсутствие матери, а отсутствие отца, во-первых, имеет хоть и значимый, но гораздо меньший эффект для выживания младенца, а, во-вторых,

²⁸¹ Цветовые различия в таблице отражают влияние этапа на судьбу ребенка, зеленый цвет – предположительно позитивное влияние, т. е. вероятность выживания повысилась, красный цвет – негативный, вероятность выживания снизилась.

может быть купировано участием в жизни ребенка других родственников, например, родителей матери или отца и братьев и сестер²⁸².

Наконец, на третьем этапе мать, оставившая ребенка себе²⁸³, либо оставалась в городе, либо возвращалась в деревню. Учитывая описанные в Главе 2 системные факторы модернизации младенческой смертности и стабильно более низкий уровень смертности грудных детей в городе начиная с конца XIX в., первый исход был более выгоден для ребенка. Стоит отметить, что сценарий № 5, когда мать по сути прибывала в город исключительно ради родов, а потом с ребенком возвращалась в сельскую местность, имеет ярко выраженный рациональный характер, сближая его с «родильным туризмом» XXI в.; на наш взгляд, его бытование в крестьянской среде рубежа XIX–XX вв. было довольно ограниченным.

3.3. Институциональная миграция

Под институциональной миграцией мы понимаем миграцию населения, связанную с деятельностью учреждений, которые составляют военно-политическую, социальную и экономическую инфраструктуру территории. В результате подобной миграции, добровольной или принудительной, в поселении, где расположено учреждение, долгосрочные мигранты формируют институциональное население (коллективные домохозяйства – казармы, тюрьмы, монастыри, богадельни и др.), а временные – концентрируют демографические события (в местах совершения и регистрации демографических событий – роддоме, храме, больнице и др.). Чаще всего конечным пунктом институциональной миграции был город. Сельские жители оказывались в городе на некоторое время, от нескольких дней до нескольких лет, исключительно по причине расположения в городе конкретного учреждения. Отличия такой миграционной связи от рутинных перемещений

²⁸² См., например: Huh Y. Motherhood versus Fatherhood: The Effect of Parent Death on Post-Neonatal and Child Mortality from 1850–1920 // International Journal of Gender & Women's Studies. 2015. Vol. 3. No 2; Sear R., Mace R. Who keeps children alive? A review of the effects of kin on child survival // Evolution and Human Behavior. 2008. Vol. 2. No 1. P. 1–18.

²⁸³ Для подкинутых детей дальнейшая судьба матери была безразлична, поэтому соответствующие клетки окрашены красным.

крестьян между селами и заключалось в ее масштабе и влиянии на демографию города: в условиях безальтернативности оказываемых только в городе услуг и несоразмерности численности городского и сельского населений на этом этапе урбанизации каждодневные перемещения тысяч крестьян и мастеровых Урала в город и обратно существенно влияли на демографическую жизнь города. Касательно младенческой смертности влияние таких перемещений реализовывалось, на наш взгляд, через тюрьмы, заведения детского призрения и больницы.

Влияние тюрем на детскую демографию городов оценить непросто, хотя оно несомненно существовало. Помимо сотен взрослых в тюремных замках городов Пермской губернии содержалось множество детей – как малолетних преступников, так и рожденных прямо в стенах тюрьмы; в контексте исследования нам особенно интересны последние. Что же это были за дети? Условно их можно разделить на брачных и внебрачных. Первые появлялись вследствие имперской правовой нормы, обязывавшей замужнюю женщину всюду следовать за мужем. Если последний оказывался осужден на сибирскую ссылку, то жена имела право не следовать за ним лишь в том случае, если желала развестись; прошение о разводе она могла подать только спустя два года после вступления приговора в силу²⁸⁴. Лишь в 1860 г. законодателем была принята поправка, позволявшая жене остаться на прежнем месте жительства без развода с сосланным мужем²⁸⁵. Для женщин же, чьи мужья были осуждены на тюремное заключение без ссылки в Сибирь, например, в уездном или губернском замке, возможности развода не было вовсе. Вследствие этого нередким явлением было проживание в обычных и пересыльных тюрьмах полных семей – арестанта и последовавших за ним домочадцев. Например, в 1897 г. в Тобольском тюремном замке содержались шесть семей с девятью малолетними детьми обоего пола²⁸⁶.

²⁸⁴ Гончаров Ю. М. Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX в. Барнаул, 2019. С. 59–60.

²⁸⁵ Там же. С. 71–72.

²⁸⁶ Брюханова Е. А., Чекрыжева О. И. Заключенные тобольских тюрем в конце XIX в.: социально-демографический портрет по материалам переписи 1897 г. // Былые годы. 2021. Т. 16. № 2. С. 939.

Внебрачные дети рождались в тюрьмах у матерей-арестанток. Чтобы как можно более ясно передать обстоятельства подобной ситуации, позволим себе привести обширную цитату из совместных воспоминаний Ф. Н. Радзиловской и Л. П. Орестовой-Бабченко, бывших членами РСДРП(б) и ПСР соответственно и в 1907–1911 гг. отбывавших наказание в Мальцевской женской тюрьме Нерчинской каторги в Забайкалье, куда они этапировались через всю Россию:

«По отношению к политическим женщинам создалась определенная традиция как со стороны уголовных, так и конвоя, и никаких попыток или поползновений по отношению к нам не практиковалось. Уголовные же женщины, которых по сравнению с мужчинами всегда было во много раз меньше, подвергались натиску с двух сторон – со стороны уголовных, шедших на каторгу, и конвойной команды, провожавшей этап. Мужчины уголовные считали своим неотъемлемым правом во время этапа, ведшего их на долгие годы тюремной жизни, сближаться с уголовными женщинами. Сопротивление женщины считалось у них отсутствием товарищества, нарушением тюремной этики.

Конвоиры же чувствовали свою власть над женщиной и путем целого ряда притеснения и давления принуждали их к сожительству. Так, сопротивлявшуюся лишали во время долго пешего пути подвод, что для женщины было крайне тяжело, так как переходы от одной этапки к другой равнялись 40–45 верстам и этап шел обыкновенно очень быстро. Был целый ряд мелочей, которыми конвойными осаждали уголовную женщину, и она, теснимая со всех сторон, сдавалась.

Таким образом женщина-крестьянка, жившая всю жизнь со своим мужем, попадала в тяжелую обстановку этапа, где ею пользовались и конвойные и уголовные, при чем обычно на этап в десятки человек бывало всего несколько женщин, и многие из этих женщин после этапа выходили совсем с другой психикой, чем жили всю свою прежнюю жизнь. Трудно было

многим из них потом остановиться, и, будучи на каторге, многие из них шли по пути, начатому во время этапа.

Самым ужасным примером эти женщины становились для детей, которых было много в уголовной женской каторге. Эти дети рождались, как грибы, и матери зачастую не знали, кто их отцы. Приезжавший на каторгу начальник Главного тюремного управления никак не мог понять, каким образом у уголовных каторжанок, долго сидящих на каторге, имеется такая уйма маленьких детей»²⁸⁷. Таким образом, сам факт эпизодического присутствия грудных детей в тюремном замке не вызывает сомнений.

В настоящее время из всех тюрем пореформенной Пермской губернии самыми подробными сведениями мы располагаем о Екатеринбургском тюремном замке. Первая тюрьма появилась в Екатеринбурге, судя по всему, еще в 1730-е гг. и находилась в подчинении Горной канцелярии. Она была небольшой: ежегодно через нее проходило не более двух десятков узников. Кроме непосредственно тюрьмы первый пенитенциарный комплекс Екатеринбурга включал допросную избу и пыточный сарай. В 1740 г. к ним присоединился острог, в котором содержали преимущественно старообрядцев. В самом начале XIX в. вместо старого комплекса был выстроен Исетский тюремный замок, который находился уже в ведении городской Думы. Новое сооружение вполне удовлетворяло потребностям города и региона, однако со все большим трудом справлялось с мощным и все возрастающим потоком пересыльных каторжников. По этой причине общими усилиями горных, местных и имперских органов власти к 1830 г. в Екатеринбурге было построено полностью новое, масштабное, передовое для своего времени здание – Екатеринбургский тюремный замок, включавший два корпуса – для подсудимых и арестантов (на 109 человек) и для пересыльных (более чем для 300 человек)²⁸⁸ (Рис. 24). Эта тюрьма была частью главного

²⁸⁷ Радзиловская Ф. Н., Орестова Л. П. Мальцевская женская каторга // На женской каторге: сборник воспоминаний. М., 1930. С. 40–41.

²⁸⁸ См.: Болковский А. Л. История екатеринбургской тюрьмы // Урал. 2007. № 12. С. 148–197. Часть сооружений 1830 г. до сих пор выполняют свою изначальную функцию в составе комплекса СИЗО №1 ГУФСИН России по Свердловской области.

канала пересылки в Сибирь из Европейской России и одним из главных мест заключения для уральских арестантов в позднеимперское время. Например, в 1897 г. в Екатеринбургский замок прибыло 628 арестантов и выбыло 622, а на 1 января 1898 г. в замке содержалось 249 арестантов, т. е. постоянное население тюрьмы составляло около 30% от среднего наличного²⁸⁹.



Рисунок 24. Царский молебен в Екатеринбургском тюремном замке в 1896 г.²⁹⁰

Дети, несомненно, присутствовали в замке, однако оценить их конкретную численность чрезвычайно трудно; характерной является дежурная приписка в опубликованном отчете о численности арестантов в Пермской губернии: «в ведомость не вошли заключенные в тюрьмах военного ведомства и дети при родителях-арестантах»²⁹¹. Более точные данные приведены администрацией Екатеринбургского замка в ответ на запрос городской управы о численности заключенных в 1913 г.: «В Екатеринбургской

²⁸⁹ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Отдел III. С. 156.

²⁹⁰ Ист.: Метенков В. Л. Г. Екатеринбург. [Открытка] № 33. Тюрьма. Царский молебен 14 мая 1896 г. // <http://www.1723.ru/> (дата обращения 07.09.2023).

²⁹¹ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Отдел III. С. 156.

тюрьме состояло 31-го числа октября 1913 года арестантов ... Всего: 831 человек. В том числе: детей – 2 мальчика и 7 девочек»²⁹².

Напомним, что это, казалось бы, небольшое число – девять детей – касалось лишь одного городского замка из двенадцати и единомоментного населения. Можно обоснованно предположить, что через один Екатеринбург за год проходили десятки малых детей при этаплируемых матерях, в масштабах всей губернии речь вполне могла идти о сотнях. Учитывая, что довольно сложно предполагать хотя бы удовлетворительные условия для содержания младенца в тюрьме, особенно на пересылке, эта на первый взгляд небольшая группа вполне могла вносить заметный вклад в младенческую смертность в городе.

Более точную оценку влияния «тюремного компонента» на городской демографический порядок могут дать метрические книги тюремных церквей, хотя они, будучи формально безприходными, сохранились гораздо хуже, чем метрики полноценных приходских церквей уральских городов, и регистрировали события жизненного цикла не только арестантов. Например, в Екатеринбурге Михайло-Архангельская тюремная церковь, по всей видимости, кроме тюремного населения обслуживала духовные потребности многих обычных горожан, т. е. тюремные метрики, подобно регистрам обычных церквей, включали крещения, венчания и отпевания. Из-за плохой сохранности и ограниченного доступа к книгам нам удалось обработать метрики лишь за три года, однако результат анализа даже таких скудных данных совпал с нашими ожиданиями (Табл. 24).

За все три года, с 1870 по 1872 гг., в Михайло-Архангельской церкви было крещено 167 новорожденных и отпето 117 детей в возрасте до 1 года. Коэффициент младенческой смертности в Тюремном замке в 1,5 раза превышал общегородской; тюрьма «давала» городу 4,7% рождений и 7,1% младенческих смертей.

²⁹² Справка // ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 35. Сравнение этого документа с опубликованными ведомостями дают основание предполагать, что указанные в справке 2 мальчика и 7 девочек – те самые «дети при родителях-арестантах», а малолетние преступники включены в число заключенных.

Таблица 24. Младенческая смертность в Екатеринбурге в начале 1870-х гг.²⁹³

	в Екатеринбурге всего					в т. ч. в Тюремном замке				
	родилось		умерло до 1 года		умерло на 1 000 родившихся	родилось		умерло до 1 года		умерло на 1 000 родившихся
	абс	%	абс	%		абс	%	абс	%	
1870	1 106	100	494	100	447	48	4,3	26	5,3	542
1871	1 153	100	577	100	500	57	4,9	37	6,4	649
1872	1 262	100	576	100	456	62	4,9	54	9,4	871
всего	3 521	100	1 647	100	468	167	4,7	117	7,1	701

Очевидно, отпетые в тюремной церкви дети делились на 1) детей горожан, которые имели, вероятно, приемлемые показатели младенческой смертности; 2) рожденных в Екатеринбурге детей арестантов и арестанток, которые вымирали значительно интенсивнее; 3) и рожденных за пределами города детей, которые были этапированы сюда вместе с матерями, и в случае своей смерти (весьма вероятной) серьезно увеличивали младенческую смертность в Екатеринбурге.

Кроме того, в течение трех проанализированных лет мы можем наблюдать поступательное повышение количества детских смертей и коэффициента младенческой смертности. Довольно сложно полагать, что в дальнейшем, когда Екатеринбург будет только расти, а процесс урбанизации вместе с его негативными социальными последствиями интенсифицироваться, эта тенденция развернулась. Скромные размеры проанализированного корпуса данных не дают возможности уверенно экстраполировать эти выводы на весь исследуемый период в истории Екатеринбурга и, тем более, остальных городов Пермской губернии, однако в то же время даже такой краткий анализ делает предположение о «тюремном» факторе городских демографических процессов куда более весомым.

Другим важным фактором концентрации младенцев в городе были учреждения призрения детей. Как мы описывали ранее, сразу несколько сценариев миграционного обмена «город-деревня» с участием младенца подразумевали его подкидывание в городе. Государство начиная с XVIII в.

²⁹³ Сост. по: ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 759. Л. 63, 193; ГАСО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 856. Л. 6; Движение населения в Европейской России за 1870 год. СПб., 1879. С. 20, 216, 248; Движение населения в Европейской России за 1871 год. СПб., 1881. С. 34, 242; Движение населения в Европейской России за 1872 год. СПб., 1882. С. 32, 240. Подсчеты производились исключительно по итоговым годовым ведомостям в конце книг.

пыталось системно решить эту проблемы. На основании указов Петра I, Анны Иоанновны, указа Синода от 20 декабря 1738 г., открытие и содержание домов для незаконнорожденных было возложено на архиереев. Однако в этот период большая часть территории, которая в XIX в. относилась к Пермской губернии, входила в Сибирскую епархию, и, соответственно, заведение по призрению сирот в конце 1730-х гг. было открыто за пределами Урала, в Тобольске²⁹⁴. Тобольская Консистория регулярно требовала от горной Канцелярии построить воспитательный дом для незаконнорожденных детей непосредственно на горнозаводском Урале, т. к. по мнению архиерея там, особенно на Демидовских заводах, из-за большого количества старообрядцев, процветало безбрачное сожитие и деторождение, но эти требования так и не были удовлетворены²⁹⁵.

В правление Екатерины II был предпринят ряд мер по устройству институтов призрения и воспитания детей в России. Так, были основаны Московский (1763) и Санкт-Петербургский (1770) воспитательные дома, а в провинции – приказы общественного призрения (1775), заведовавшие в т. ч. сиротскими и воспитательными домами²⁹⁶. В Пермской губернии приказ появился одновременно с основанием губернии в 1781 г.; вероятно, тогда же был основан подчиненный приказу Пермский воспитательный дом в Перми. Это учреждение подчинялось Пермскому приказу общественного призрения, достаточно щедро финансировалось и пользовалось покровительством местных властей. В 1820-е гг. в распоряжении дома имелось два отделения для мальчиков и девочек, с больницей в каждом из них, и медицинский персонал – лекарский ученик и два смотрителя. Численность воспитанников Дома росла быстрыми темпами, от 23 человек в 1793 г. до 282 в 1826 г. Пермский

²⁹⁴ Копырина С. Н. Социальная инфраструктура поселков казенных заводов Урала в 20–50-е гг. XVIII в. Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2023. С. 204.

²⁹⁵ Там же. С. 204–206. Отметим, однако, что отсутствие у родителей венчания по православному обряду и, следовательно, формальная незаконнорожденность не означали автоматически беспризорность ребенка, а подобные обвинения могли быть частью традиционной антистарообрядческой риторики Русской церкви; С. Н. Копырина, изучавшая тему на архивных материалах, обнаружила лишь единичные факты о подкидышах на горнозаводском Урале первой половины XIX в.

²⁹⁶ Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013. С. 10-14.

воспитательный дом широко практиковал систему «рассеяния», когда воспитанники младенческого возраста содержались не в стенах Дома, а раздавались на руки кормилицам, чей труд хорошо оплачивался. Функционирование всех воспитательных домов в империи регулировалось «Генеральным планом Московского воспитательного дома»; согласно этому документу, принятые в приют дети должны были воспитываться там до пятилетнего возраста, а затем отправляться в Москву. Однако в реальности из-за дороговизны проезда с Урала пермские воспитанники оставались в приюте вплоть до выхода во взрослую жизнь²⁹⁷.

Во втором крупном городе губернии, Екатеринбурге, Воспитательный дом был основан в 1790 г. купцом Ф. Я. Логиновым. Два года это частное заведение оставалось незаконным, и лишь в 1792 г. екатеринбургская городская дума приняла решение о принятии уже существовавшего воспитательного дома под свое попечение. Екатеринбургский воспитательный дом, судя по всему, отличался от пермского меньшим размером и более скромными условиями содержания. Причиной, по всей вероятности, было непрофессиональное управление и скудное финансирование – екатеринбургский приют обеспечивался городом, а не регионом. По достижении пяти лет местных воспитанников отправляли в Пермский воспитательный дом²⁹⁸. По этой причине, вероятно, в екатеринбургском заведении концентрировалось непропорциональное количество детей самых младших возрастов, а в Перми – старших. Это могло быть причиной отмечаемой исследователями значительной разницы в смертности воспитанников между приютами двух главных городов региона, когда в Перми она оценивалась как приемлемая, а в Екатеринбурге – колоссальная²⁹⁹.

²⁹⁷ Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013. С. 14–18.

²⁹⁸ Там же. С. 18–21.

²⁹⁹ Там же. С. 15, 21–22. Однако анализируя смертность в обоих учреждениях Л. А. Дашкевич рассчитала разные показатели смертности и не упомянула в тексте, что учла описанный выше возрастной дисбаланс между двумя приютами, поэтому к такой оценке можно подойти критически.

Однако уже в 1828 г. по распоряжению имперского правительства прием новых воспитанников в провинциальные «сиропитательные» заведения по всей России был прекращен; оставшиеся дети в течение последующих нескольких лет были распределены по приемным семьям. Причин у этого решения было две. Во-первых, даже лучшие из воспитательных домов не могли похвастаться выживаемостью хотя бы на уровне, близком к среднему по России семейному. Огромная смертность питомцев во многом охлаждала первоначальный энтузиазм попечителей. Во-вторых, недавно коронованный император Николай I с подозрением относился к таким особенностям воспитательных домов как анонимность родителя (чаще всего матери), приносящего ребенка в заведение, и личносвободный неподатный статус выпускников воспитательного дома. Первое, по его мнению, развращало родителей, когда подкидывали не только внебрачных детей, но и вполне законных из-за бедности или лени, а второе подтачивало заведенный сословный порядок³⁰⁰.

Помимо городов с начала интенсивного промышленного освоения Урала здесь существовали альтернативные и зачастую даже более крупные центры – заводские поселки, однако согласно результатам исследований Э. А. Черноухова большого развития признание новорожденных детей в них не получило. На частных заводах Пермской губернии обнаружено лишь несколько примеров подобных учреждений. Самым известным из них был Воспитательный дом для незаконнорожденных младенцев при Нижнетагильском заводе, созданный Н. Н. Демидовым в 1806 г. При его основании заводовладелец руководствовался не столько соображениями гуманности, сколько циничным прагматизмом: в отличие от екатерининских государственных заведений, откуда воспитанники выходили свободными людьми, выпускники Нижнетагильского воспитательного дома становились крепостными заводовладельца, что в известном смысле противоречило

³⁰⁰ Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Признание детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013. С. 22–26.

законам и ставило демидовское заведение в полулегальное положение³⁰¹. Сам Дом по отзывам современников находился в ужасном материальном и санитарном состоянии; судя по всему, в первые годы существования почти все его воспитанники умирали. В смысле непосредственного призрения практиковалось как кормление и воспитание детей в доме, так и отдача в семьи за плату деньгами и провиантом. Позже благодаря усилиям врача О. И. Нехведовича материальное положение заведения улучшилось, к 1830-м гг. смертность значительно снизилась. В 1853 г. совладелица Демидовских заводов А. К. Демидова-Карамзина основала в Нижнем Тагиле новое, более масштабное учреждение для подкидышей – закрытый Авроринский сиротский дом при одноименном приюте, но, вероятно, долго он не проработал – в более поздних источниках сведения о нем отсутствуют³⁰².

Другим примером были учреждения в Пермском имении Лазаревых, где в 1851 г. были созданы заведения общественного призрения смешанного типа, получившие наименование «приюты». Они должны были содержать по 20 мужчин, женщин и детей соответственно. Женско-детский приют располагался на свободных площадях госпиталя Полазнинского завода³⁰³. Последним учреждением для подкидышей на частных заводах Пермской губернии был Воспитательный дом в поселке Невьянского завода П. Яковлева, существовавший в 1807–1809 гг. В этом заведении находилось 29 детей, в том числе 14 незаконнорожденных. Однако о его дальнейшей судьбе каких-либо сведений не обнаружено³⁰⁴.

На казенных заводах ничего подобного так и не было создано: главной формой социальной поддержки и призрения в т. ч. сирот здесь до 1866 г.

³⁰¹ Черноухов Э. А. Заведения общественного призрения в частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2014. № 3(130). С. 251–252; Он же. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы. Дис. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Екатеринбург, 2016. С. 390–392.

³⁰² Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы. Дис. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Екатеринбург, 2016. С. 393–395.

³⁰³ Черноухов Э. А. Заведения общественного призрения в частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2014. № 3(130). С. 251.

³⁰⁴ Там же. С. 252; Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы. Дис. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Екатеринбург, 2016. С. 395–396.

оставалась выдача пенсий и бесплатного провианта. С 1830-х гг. на казенных заводах также существовали немногочисленные богадельни (по одной на горнозаводской округ), которые теоретически должны были также содержать малолетних сирот, однако они не пользовались популярностью у населения, их деятельность хронически недофинансировалась и к 1880-м гг. сошла на нет³⁰⁵.

Взамен закрытых городских воспитательных домов уже в 1830-е гг. сначала по частной инициативе, а затем и под патронажем Мариинского ведомства³⁰⁶ в России начали массово открываться приюты. В отличие от воспитательных домов туда принимали только детей возрастом с двух-трех до двенадцати лет и не оставляли их на ночь (исключение делали лишь для сирот). Главный акцент деятельности этих заведений нового типа был сделан на поддержке малоимущих родителей, которым не с кем было оставить ребенка днем, и в меньшей степени круглых сирот. После голода 1891–1892 гг. направление деятельности приютов сместилось от дневного призрения к заботе о сиротах. В Пермской губернии приютская сеть активно развивалась: к 1907 г. в городах, заводских поселках и селах региона действовало уже 43 приюта, из которых 13 были мариинскими (государственными) и 30 – частными благотворительными³⁰⁷. Однако учитывая, что приюты не принимали грудных детей, то их влияние на младенческую смертность в регионе могло быть разве что косвенным.

Что же происходило с подкидышами, если в городе не существовало учреждения для их призрения? По всей видимости, когда ребенка обнаруживали, полиция временно помещала его в одно из «богоугодных»

³⁰⁵ См.: Черноухов Э. А. Богадельни в казенных горных округах Урала в первой половине XIX в. // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 647–654; Он же. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы. Дис. на соиск. уч. степ. доктора ист. наук. Екатеринбург, 2016. С. 221–239.

³⁰⁶ Мариинское ведомство или Ведомство учреждений императрицы Марии – четвёртое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое регулировало благотворительную деятельность в Российской империи.

³⁰⁷ Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013. С. 29–86, 150–178.

заведений – детский приют, больницу или роддом³⁰⁸. Затем в кратчайшие сроки подыскивалась крестьянская или мещанская семья, которая изъявляла желание взять на себя заботу о подкидыше. Местный приказ общественного призрения, а после Великих реформ – местное самоуправление – выплачивали избранной семье специальное пособие для ухода за младенцем³⁰⁹. Зачастую ребенка брала под свою опеку именно та семья, к дому которой он был подкинут; об этом свидетельствуют многочисленные записи в метрических книгах Екатеринбурга и опубликованные на страницах газет случаи «адресного подкидывания», когда детей целенаправленно подбрасывали бездетным парам (см. Приложение 2). Однако жизнь этих детей была чрезвычайно коротка: при обсуждении призрения подкидышей на заседании Пермского губернского земского собрания в 1909 г. гласные упоминают, что в Перми такой подход давал 77% смертности всех подкидышей³¹⁰. Вероятно, такая смертность была обыкновенной для крупных городов рубежа XIX–XX вв., что постепенно заставляло органы власти и интеллигенцию возвращаться к мысли о необходимости возобновления учреждений по призрению грудных детей.

Первым и главным подобным заведением в Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в. стал Верх-Исетский сиротско-воспитательный дом им. С. А. Петрова, или Петровский дом. В 1881 г. в Екатеринбурге умер купец-старообрядец С. А. Петров, сам бывший внебрачным ребенком и подкидышем. Все свое состояние он завещал на учреждение воспитательного дома для круглых сирот и подкидышей. После окончательной реализации имущества купца в 1886 г. итоговый капитал составил более 376 тыс. рублей, а к 1890 г. благодаря накопленным процентам он возрос до 440 тыс. –

³⁰⁸ Например, в Перми, по всей видимости, до 1909 г. такой «передержкой» служил родильный покой Александровской больницы, в Екатеринбурге до 1893 г. – изредка Александровская богадельня и, возможно, Екатеринбургский родильный дом.

³⁰⁹ Дашкевич Л. А., Исаева М. В. Формирование институтов призрения детства в Пермской губернии: государственная и частная инициатива // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 1: Социально-политическая история. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 152.

³¹⁰ Журналы Пермского губернского земского собрания 40-й очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1910. С. 97.

гигантской по меркам тех лет суммы³¹¹. После многолетнего процесса, включавшего реализацию имущества С. А. Петрова, утверждение устава будущего воспитательного дома в имперском правительстве и создание организационной структуры в Екатеринбурге, в 1893 г. было открыто Екатеринбургское отделение Петровского дома. Оно просуществовало до 1897 г., когда было достроено большое капитальное здание на территории Верх-Исетского завода³¹². Главным отличием Петровского воспитательного дома от описанных ранее приютов была специализация именно на призрении подкидышей. С переездом в новое здание в 1897 г. в Доме открылось Отделение грудных детей, нанят большой штат кормилиц, в 1905 г. появилась молочная кухня. Численность опекаемых детей в Петровском доме поступательно росла вплоть до 1909 г., когда финансовые проблемы вынудили Дом ограничить количество опекаемых подкидышей до 50 (Рис. 25).

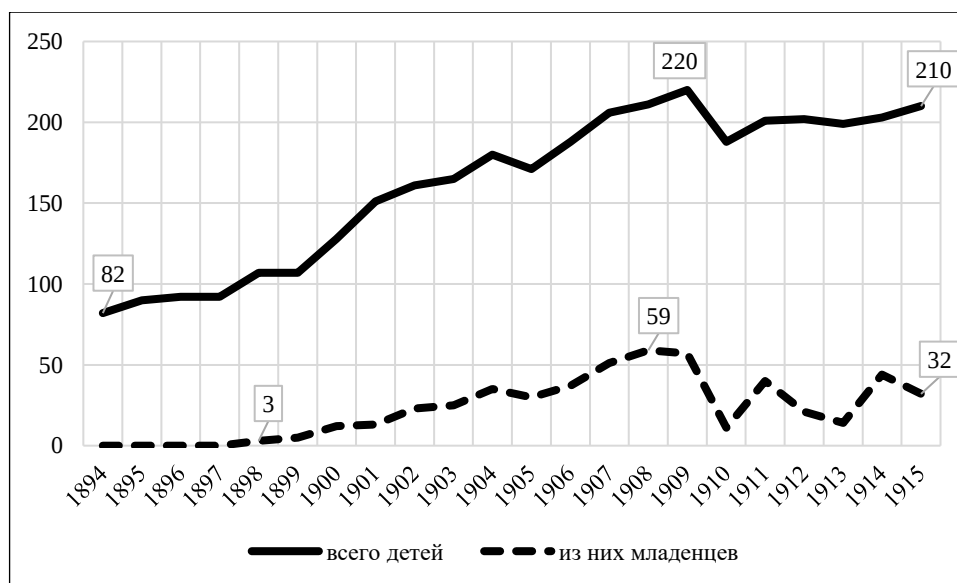


Рисунок 25. Количество призреваемых детей в Петровском воспитательном доме, абс.³¹³

³¹¹ Калачников В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова: к 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915. С. 3–8. Например, все доходы бюджета города Екатеринбурга за тот же год составили около 429 тыс. рублей.

³¹² Верх-Исетский завод — поселение-спутник пореформенного Екатеринбурга. Несмотря на то, что формально Петровский воспитательный дом располагался за пределами города, там воспитывались подкидыши в основном из Екатеринбурга, а крещения и отпевания воспитанников совершались в екатеринбургских церквях, т. е. демографические события попадали именно в городскую статистику.

³¹³ Сост. по: Калачников В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова: к 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915. С. 18–19. На графике подписаны первый, последний и максимальный показатели по обеим категориям призреваемых.

В том же 1909 г. Петровский дом отказался от самостоятельного ухода за грудными детьми и вернулся к усовершенствованной системе «рассеяния»: дети до трех лет отдавались частным кормилицам, последние получали строгие инструкции, пособие и доступ к стерилизованного молока³¹⁴. Что касается младенцев, которым не досталось места в Воспитательном доме из числа 50, то они, как и прежде, оставались на попечении земства. В. В. Калачников, которому попечительский совет Петровского дома поручил составить исторический очерк последнего, так описывал эту систему:

«Установление штата в 50 подкидышей, призреваемых за счет Губернского Земства, улучшив несколько финансовое положение Сиротско-Воспитательного Дома, не исчерпало однако всей потребности в призрении подкидышей. Число последних в городе продолжало возрастать с каждым годом и, при всегда заполненном штате вакансий Воспитательного Дома, большинство из них, после бесплодных странствований на руках обнаруживших их полицейских чинов из одного благотворительного учреждения города в другое, препровождались полицией в ближайшие к городу волостные правления, которые и выдавали их на воспитание в частные семьи с платой за счет Губернского Земства по 4 р. в месяц при посредстве местного уездного земства»³¹⁵.

В 1911 г. этот порядок несколько изменился. Роль «передержки» до передачи ребенка в приемную семью стал выполнять исключительно Петровский воспитательный дом, причем следующим образом: полицейский приносил подкидыша в Дом, там его осматривал врач и определял возраст, его крестили, подбирали белье и одежду, а затем через Верх-Исетское волостное правление выдавали заранее подысканной няне, с которой брали подписку. В роли такого агрегатора Петровский дом выдал на воспитание подкидышей: в 1911 г. – 75, в 1912 – 123, в 1913 – 94, в 1914 – 123, всего 415. С учетом 50 постоянно числящихся в заведении грудных детей Петровский

³¹⁴ Калачников В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова: к 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915. С. 13–14.

³¹⁵ Там же. С. 32.

воспитательный дом ежегодно участвовал в судьбе более чем 100 грудных подкидышей и сирот³¹⁶.

В 1916 г. в дополнение к Петровскому дому также на территории Верх-Исетского завода был открыт земско-городской патронат для брошенных младенцев на 30 человек³¹⁷. Однако можно предположить, что его работа оказала ограниченный эффект на ситуацию с подкидышами в Екатеринбурге, чья социальная инфраструктура к этому времени была парализована масштабным наплывом беженцев Первой мировой войны, в т. ч. брошенных и осиротевших детей.

Таким образом екатеринбургских подкидышей можно было разделить на четыре категории. Первая – те, кого сразу же забирали добровольные воспитатели, возможно, даже минуя полицию. Такой, казалось бы, благоприятный исход, тем не менее не улучшал шансы ребенка на выживание; как мы продемонстрировали ранее на примере Вознесенского прихода, смертность внебрачных детей – а подкидыши входили в их число – достигала чрезвычайно высокого показателя в 614 ‰. Нет основания считать, что у «чистых» подкидышей, лишенных ухода родной матери, смертность могла быть ниже. Описывая судьбу подкидышей в Екатеринбурге, штатный доктор Верх-Исетского воспитательного дома Б. М. Левенсон писал следующее:

«Внебрачные дети – а к таким относится громадное большинство всех подкидышей – обычно слабого развития и питания: матери этих детей, желая избавиться от ребенка, не только питаются недостаточно, но и прибегают к различным недобросовестным приемам, которые должны губительно влиять на жизнеспособность плода. Сверх того, подкинутый ребенок часами валяется в коридорах и участках и попадает в Воспитательные Дома простуженным и обычно с несварением желудка и кишек»³¹⁸.

³¹⁶ Калачников В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова: к 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915. С. 32–33.

³¹⁷ Кайдышева Н. Н. Власть и общество в деле попечения о детях в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы современной науки. 2013. № 28. С. 81–82.

³¹⁸ Левенсон Б. М. Медико-санитарный обзор Сиротско-Воспитательного Дома имени С. А. Петрова 1893–1914 гг. // Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова: к 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915. С. 58.

Вторая категория – «земские» подкидыши, которые доставлялись полицейскими в благотворительные учреждения, а затем вместе с месячным пособием в 4 руб., выплачиваемым губернским земством, передавались кормилице, как правило, крестьянке из близлежащего села; с 1911 г. «оператором» этого процесса стал Верх-Исетский воспитательный дом. Судить о смертности этих детей можно только косвенно: в случае смерти такого ребенка земство назначало пособие на похороны в 1,5 руб. В 1913 г. земство выделило 144 руб. таких похоронных денег, в 1914 – 138 руб., т. е. умерло 96 и 92 ребенка соответственно. Учитывая, что в 1913 г. на руки кормилицам были выданы 94 ребенка, а в 1914 – 123, то смертность составила 1 021 и 748 %³¹⁹. Даже при понятной условности подобных расчетов, очевидно, что смертность «земских» подкидышей достигала громадных значений; если верить опубликованным В. В. Калачниковым данным, в 1913 г. число умерших за год превысило число выданных нянькам младенцев (по всей видимости за счет выживших прошлогодних). Как отмечено выше, схожий масштаб вымирания таких «земских» подкидышей был и в Перми, что добавляет екатеринбургскому показателю правдоподобия.

Наконец, две последние категории – грудные дети, призреваемые в Петровском доме. Вплоть до 1904 г. все призреваемые младенцы в Доме вскармливались штатными кормилицами или с помощью искусственного питания, т. н. «рожковые» дети; они составляли третью категорию подкидышей. Несмотря на образцовые условия заведения смертность этих детей была довольно значительна: в 1906 г. у кормилиц Дома умерло 25 младенцев из 55, т. е. 454 %. В 1904 г. появилась четвертая категория младенцев, когда попечительский совет Петровского дома начал практиковать отдачу младенцев в семьи за плату в 5–8 руб. в месяц. Результаты такого подхода при условии отдачи ребенка только жительницам Екатеринбурга и

³¹⁹ Калачников В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова: к 25-летию его существования. Екатеринбург, 1915. С. 33. Отметим, что данные по выданным деньгам есть также за 1911 и 1912 гг., однако суммы за эти годы чрезвычайно малы (25,5 и 13,5 руб.), что скорее свидетельствует о перебоях с оплатой или многочисленных исключениях из правила, чем о низкой смертности.

Верх-Исетского завода, регулярном контроле за приемной семьей и здоровьем младенца оказались впечатляющими: в том же 1906 г. из отданных на сторону 66 подкидышей умерло 24 или 363 %. В период с 1904 по 1909 гг. эти две системы сосуществовали, а с 1909 г. был сделан окончательный выбор в пользу второй, и Отделение грудных детей внутри Дома было ликвидировано.

В Перми также остро стояла проблема брошенных грудных детей и их почти тотального вымирания. Но в отличие от Екатеринбурга в губернской столице не нашлось благотворителя, готового пожертвовать на призрение младенцев такую же гигантскую сумму, как С. А. Петров, поэтому попечение за подкидышами целиком легло на губернское земство. Последнее применяло традиционный способ, практикуемый и в Екатеринбурге: полиция доставляла подкидыша в родильный покой Александровской больницы, после чего земство старалось быстро подыскать ему крестьянку-кормилицу за 4-рублевое месячное пособие; подавляющая часть – до 77% – из этих младенцев умирала³²⁰. Лишь в 1909 г. гласные губернского земского собрания с оглядкой на опыт Петровского воспитательного дома попытались осторожно подступить к созданию специализированного учреждения. Итогом стала следующая резолюция:

«В виде опыта на один год, поручить управе вывести подкидышей из здания родильного покоя и поместить их особо, для чего нанять квартиру для приюта и оборудовать ее надлежащим образом. Подкидыши должны содержаться в приюте временно и, как только достаточно окрепнут, должны быть отдаваемы на воспитание в частные семьи с условием кормления их грудью до известного возраста. На дело призрения подкидышей, вместе с устройством приюта, ассигновать по смете 1910 г. 16 000 рублей»³²¹.

Спустя два года существования приюта смертность призреваемых подкидышей почти не изменилась, составив за 1912 г. 76 %. Некоторых губернских гласных смущали такие показатели, особенно в сравнении со

³²⁰ Журналы Пермского губернского земского собрания 40-й очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. Пермь, 1910. С. 97–100.

³²¹ Там же. С. 97.

смертностью в Верх-Исетском приюте в Екатеринбурге. Приведем цитату гласного А. П. Черногорова, который оправдывал такое положение дел:

«Разница в проценте смертности в земском приюте и в Петровском объясняется тем, что в Перми имеется собственно не приют для подкидышей, а больничка для больных и истощенных детей, которые задерживаются в приюте очень не надолго и по мере поступления их раздаются в частные семьи на воспитание. В Петровском же приюте дети воспитываются до 18-летнего возраста; вполне, конечно, понятно, что последние являются гораздо более жизнеспособными и поэтому разница в проценте смертности вполне естественная»³²².

Конечно, губернский гласный лукавил. К 1912 г. Петровский дом давно полностью перешел на систему «рассеяния», т. е. точно также отдавал грудных детей на воспитание кормилицам, где они находились до трех лет. Успех екатеринбургского заведения обеспечивался более высокой платой кормилицам (8 руб. против 4 земских в этот период), их строгим отбором (только жительницы города и завода) и регулярной проверкой здоровья отданного ребенка. Для создания подобных условий были необходимы немалые средства, которые были в распоряжении Петровского дома исключительно благодаря небывалому пожертвованию С. А. Петрова. Губернское земство не могло позволить себе подобных расходов, а его попытки кооперироваться с уездным земством и городской управой терпели неудачу: сотрудничество с уездными земцами было забаллотировано самими губернскими гласными³²³, а пермская городская дума систематически отклоняла приглашение губернского земства к софинансированию учреждения для подкидышей. Гласные думы ссылались на недостаток средств, а также справедливо отмечали, что большая часть подкидышей принадлежит не горожанам, а приносится в город жителями сельской

³²² Журналы Пермского губернского земского собрания 43-й очередной сессии и доклады комиссий. Пермь, 1913. С. 50–51.

³²³ Большинство губернских гласных высказывалось о несправедливости привлечения Пермского уездного земства к призрению подкидышей в Перми, т. к. пермские подкидыши якобы подбрасываются в Пермь населением всей губернии, а значит и обеспечивать их должно общегубернское земство.

местности Пермской губернии, забота о которых находится в ведении земства³²⁴.

Таким образом, мало того, что города были сами по себе местом, куда деревня экспортировала неблагополучную рождаемость через миграцию матерей-одинок и подкидыш, так органы местной власти сами искусственно концентрировали подобных детей в городах, что, вероятно, еще сильнее усиливало поток подкидышей, теперь уже адресный.

Наконец, последним важным объектом инфраструктуры, влиявшим на младенческую смертность в городах, были медицинские учреждения³²⁵. В Главе 2 нами была описана история и характер деятельности главного учреждения региона, специализировавшегося на родовспоможении, – Екатеринбургского роддома; уже на рубеже XIX–XX в. здесь стабильно принималось около 50 % родов в Екатеринбурге. Изучение состава рожениц в Екатеринбургском роддоме раскрывает его роль в качестве «точки импорта» сельской рождаемости в Екатеринбург и дополняет картину миграции матерей-одинок в город (Табл. 25).

Очевидно, что роддом был важнейшим каналом «импорта» рождаемости в Екатеринбург: в разные годы вплоть до четверти рожениц прибывали в Екатеринбургский роддом из других местностей³²⁶. Между тем, как и все родовспомогательные заведения, роддом во многом концентрировал осложненные роды. Благодаря профессионализму медиков удалось значительно снизить материнскую смертность, например, за 1880–1887 гг. из 1 537 рожениц только 20 умерло при родах, т. е. смертность составила 1,3 %.

³²⁴ См.: Журнал очередного собрания Пермской городской думы. 14-го октября 1909 года. № 8-й // Журналы Пермской Городской Думы за 1909 год. Пермь, 1910. С. 370–372; Доклад Городской управы «Об участии Городского управления в содержании приюта для подкидышей» // Журналы Пермской городской думы за 1913 год. Пермь, 1914. С. 1–3.

³²⁵ Медицина относится как к группе факторов, связанных с модернизацией и освещенных в Главе 2 (когда изучается динамика обращения стационарного населения к врачам), так и связанных с миграционным обменом (когда речь идет о посещении врача как мотиве приезда в город); в данной главе рассмотрен второй аспект.

³²⁶ Подчеркнем, что речь идет именно о местожительстве, а не приписки, которая составляла отдельную графу в документах роддома. Другими словами, годами жившие в Екатеринбурге селянки и заводчанки учитывались как местные жительницы.

Таблица 25. Роженицы в Екатеринбургском родильном доме, абс (%)³²⁷

		1880 ³²⁸	1890	1900	1912
Местожителъство	Екатеринбург	113 (81,9)	430 (73,1)	925 (83,6)	1 476 (78,6)
	Другое	18 (13,0)	153 (26,0)	166 (15,0)	400 (21,3)
Брачный статус	В браке	27 (19,6)	355 (60,4)	810 (73,2)	1 549 (82,5)
	Не в браке	104 (75,4)	228 (38,8)	291 (26,3)	327 (17,4)

Однако среди детей смертность была серьезно выше: за те же восемь лет из 1 571 новорожденного родились умершими или умерли сразу после родов 287 детей или 182 ‰; согласно описанию главного врача роддома В. М. Онуфриева большая часть из них была нежизнеспособными или мертворожденными³²⁹. Это означает, что мертворожденные, нежизнеспособные и самые слабые вскоре умершие дети, родившись в Екатеринбурге, сразу же попадали в городскую демографическую статистику, а в сельскую округу возвращались только жизнеспособные и окрепшие младенцы.

Кроме того, важной находкой стала значительная доля незамужних женщин среди пациенток роддома; ранее мы уже коснулись этого феномена (см. Табл. 23). Именно они в первое десятилетие его существования составляли большинство рожениц, и впоследствии сохраняли значительную долю, которая хоть и снижалась со временем, но в абсолютных числах продолжала расти. Это явление объяснимо первоначальным предубеждением к профессиональной медицине со стороны даже горожан, особенно к занятым в родовспоможении мужчинам-докторам, и одновременно частой безвыходной ситуацией для матерей-одинок, часто пришедших и беременных

³²⁷ Сост. по: Онуфриев В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург, 1888. С. 7–9; Онуфриев В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 сентября 1887 г. по 1 сентября 1891 г. // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. 1892. II год, вып. 2. Екатеринбург, 1893. С. VII–IX; Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 января 1900 года по 1 января 1912 года // Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXII очередной сессии (1901 года) и доклады Уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1902. С. 254–255; Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома за 1912 год // Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания... и доклады Уездной земской управы и комиссий 32 и 33 чрезвычайных сессий (3 февраля 1913 г., 25 и 26 ноября 1913 года). Екатеринбург, 1914. С. 56–58. Не учтено незначительное количество неизвестных («секретных»), т. е. богатых рожениц, по желанию отказавшихся от сбора личных данных.

³²⁸ Началом отчетных 1880 и 1890 гг. было 1 сентября, т. е. данные за 4 месяца предыдущего года и 8 месяцев указанного в качестве отчетного.

³²⁹ Онуфриев В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург, 1888. С. XXIII.

внебрачным ребенком. После освещения этой роли Екатеринбургского родильного дома попытка выявить корреляцию между внебрачной рождаемостью и младенческой смертностью для поселений Пермской губернии дала особенно интересные результаты (Табл. 26).

Таблица 26. Корреляция внебрачной рождаемости и младенческой смертности в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.³³⁰

	r	p-value
Екатеринбург	–0,53	0,0005
Пермь	–0,24	0,134
Малые города	0,41	0,0151
Все города	–0,46	0,0033
Деревня	0,161	0,3032

Деревенская младенческая смертность никак не коррелировала с внебрачной рождаемостью по причине, во-первых, незначительной доли последней, и, во-вторых, экспорта большей части даже немногочисленных рождений вне брака в города. Малые города, принимавшие часть этого экспорта и не имевшие инструментов купировать его последствия, получали не сильный, но значимый рост своей младенческой смертности.

Пермь, куда очевидно стекались сотни матерей-одиночек и подкидышей, так и не смогла справиться с этим явлением. Столица губернии за весь исследуемый период не обзавелась достаточной для такого крупного города медицинской инфраструктурой и лишь за счет модернизирующейся городской среды – неаграрной занятости, ослабления этнорелигиозных норм, распространения прогрессивных практик ухода за детьми и пр. – хотя бы избегала «штрафа» в младенческой смертности, не демонстрируя стойкой корреляции. Екатеринбург же сумел дать мощный ответ на этот вызов, создав дорогостоящее и масштабное учреждение, которое почти полностью абсорбировало городскую внебрачную рождаемость и буквально перевернуло ситуацию, когда именно внебрачные рождения оказались в привилегированном положении. В то время как респектабельные замужние

³³⁰ Сост. по: см. ссылку к Рис. 10.

горожанки еще сторонились больниц и предпочитали рожать дома, при помощи бабок-повитух и народной медицины, не имевшие выбора и часто находящиеся в отчаянном положении вдовы и девицы, зачавшие вне брака, шли в бесплатный родильный дом, где к их услугам был врач с университетским образованием, самые современные методы родовспоможения и койкоместо на несколько дней до и после родов с чистым бельем и питанием³³¹. Это не уникальная ситуация: во многих странах в XIX – начале XX в. новые родильные учреждения пользовались плохой репутацией и были ориентированы главным образом на неимущих. Например, в шведском Сундсвале в первые десятилетия XX в. первыми клиентками роддома были почти исключительно матери внебрачных детей, чьи дети в 1920–1925 гг. из-за этого выживали гораздо чаще по сравнению с законнорожденными³³².

Однако родильный дом был удачным решением лишь проблемы импорта неблагополучной рождаемости, но не смертности; рожденные за пределами Екатеринбурга младенцы, прибывавшие в город вместе с матерями и через подкидывание, вымирали в традиционных для городов тех лет катастрофических масштабах.

В Главе 3 мы подробно рассмотрели миграционный обмен между городской и сельско-заводской местностью как фактор младенческой смертности в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в., а именно причины миграций и механизм их влияния на младенческую смертность. Главные векторы влияния миграции на младенческую смертность в регионе можно определить сообразно с типом миграции – экономической, социокультурной и институциональной. Все виды миграции из села в город в той или иной степени приводили к росту городской младенческой смертности. Исключение составлял Екатеринбург, где, благодаря передовому для своего

³³¹ Онуфриев В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. Екатеринбург, 1888. С. XIII–XX.

³³² Wisselgren M. J. Att föda barn - från privat till offentlig angelägenhet: Förlossningsvårdens institutionalisering i Sundsvall 1900–1930. Umeå, 2005. С. 78–82, 108–112.

времени роддому, удалось кардинально улучшить выживаемость детей одиноких матерей-мигранток.

Заключение

По итогам диссертационного исследования мы можем предложить следующую факторную модель младенческой смертности в Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в. (Рис. 26). Режим младенческой смертности региона в середине XIX в. был органичной частью местного демографического порядка, который представлял собой значительно модифицированную общерусскую модель. Его главными факторами были нормы традиционной культуры, религиозные предписания, деятельность горных заводов и специальные режимы управления этноконфессиональными группами. Крупнейшей этнорелигиозной группой Пермской губернии были православные русские, которые управлялись посредством унифицированных имперских инструментов. Основа традиционных норм русских Пермской губернии имела главным образом среднерусское происхождение и сформировалась, вероятно, в ранее Новое время в центральной России как результат концентрации и закрепощения крестьянства аристократией и центральной властью, что повлекло за собой отдаленность обрабатываемых крестьянами наделов и интенсивную эксплуатацию. Конкретными компонентами комплекса традиционных норм были: высокие трудовые требования к беременным (следствие – многочисленные преждевременные роды и родовые повреждения); обоснованный страх за душу новорожденного (следствие – экстремально раннее погружное крещение); и высокие трудовые требования к кормящим женщинам (следствие – короткое грудное вскармливание и ранний прикорм). В сумме описанные предписания обеспечивали максимальную занятость матерей в хозяйстве, таким образом принося в жертву определенную долю новорожденных ради выживания всей семьи. После миграции северно- и среднерусских крестьян на Урал их паттерны младенческой смертности претерпели значительные изменения, которые происходили в двух противоположных направлениях. Одна группа крестьян, осев на горных заводах, начала трансформироваться в принципиально новый социальный слой мастеровых.

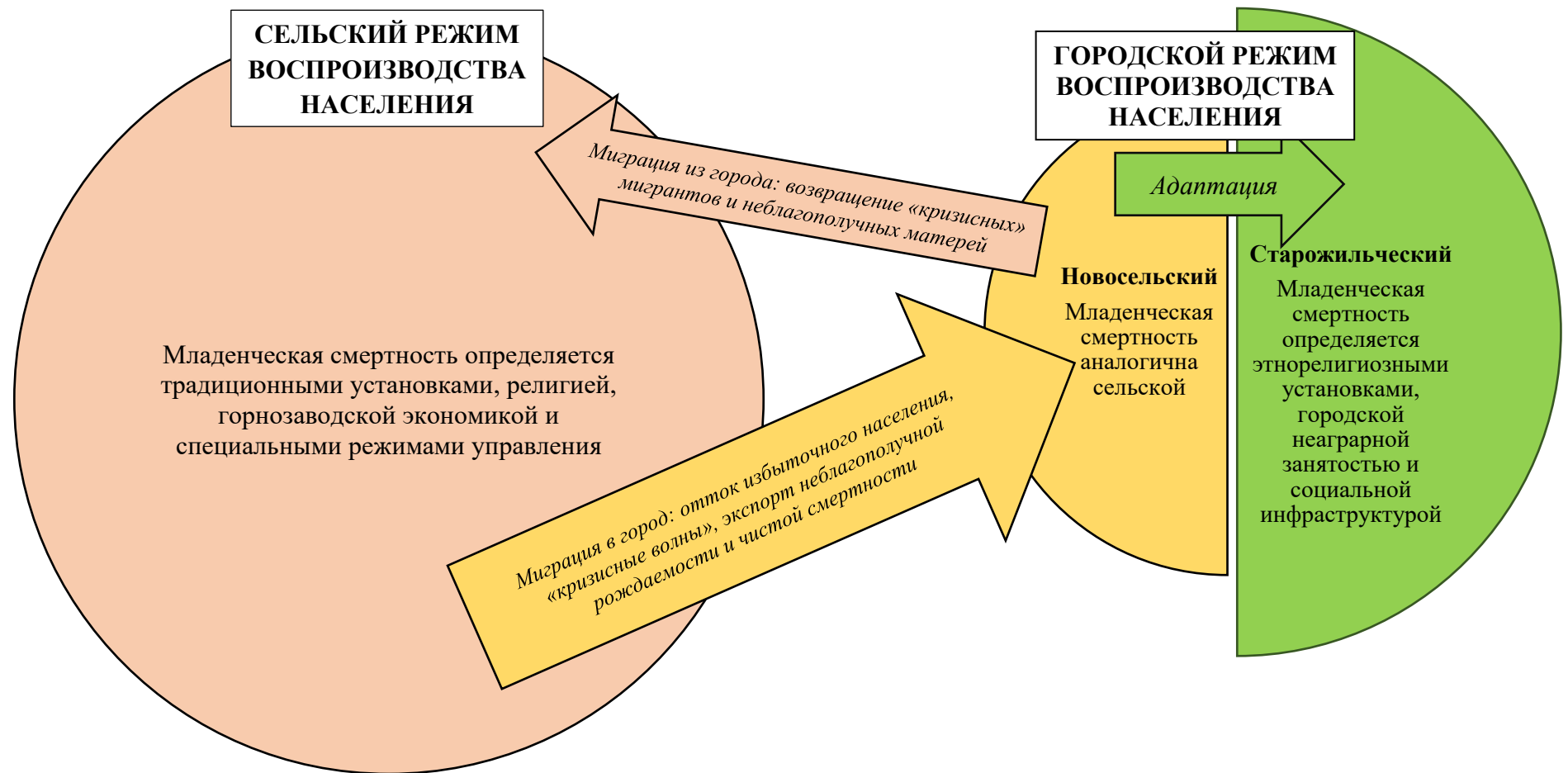


Рисунок 26. Факторная модель младенческой смертности в Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в., абс.

Заводская младенческая смертность была значительно ниже из-за системы минимального социального обеспечения детей и матерей, практиковавшейся на уральских заводах, а также в силу более высокой грамотности и меньшей приверженности традиции среди мастеровых по сравнению с крестьянами. Другая группа крестьян-мигрантов, получивших статус государственных на горнозаводском Урале, оказалась в менее выгодном положении в смысле выживания младенцев. Государственные крестьяне-землепашцы активно привлекались местными органами власти для строительства заводов, обеспечения их продовольствием и выполнения множественных повинностей. Последние были особо тяжкими, т. к. в условиях больших уральских расстояний места их отправления зачастую были за сотни верст от места жительства крестьянина. Систематическое отвлечение мужчин-крестьян от собственного земледельческого хозяйства привело к еще большей экстенсификации режима воспроизводства уральского крестьянства по сравнению с нечерноземными губерниями. Начавшиеся в начале XIX в. послабления относительно заводских повинностей государственных крестьян оказывали медленный эффект, т. к. влияние столетней эксплуатации успело закрепиться в традиционных нормах крестьянского населения. В результате Пермская губерния середины XIX в. демонстрировала высочайшие показатели младенческой смертности в Российской империи.

В Пермской губернии XIX в. существовало несколько крупных этнорелигиозных групп, уровень младенческой смертности которых отличался от православных русских. Это русские старообрядцы, православные коми-пермяки и тюрки-мусульмане. Старообрядцы демонстрировали значительно меньшие показатели младенческой смертности по сравнению с православными. Можно предположить, что это было следствием ревностного следования дониконовским православным предписаниям, включавшим крещение ребенка лишь спустя неделю после рождения и обязательную перемену воды после каждого младенца при групповом крещении. Кроме того, мог иметь значение специальный режим

управления старообрядцами. «Раскольники», будучи дискриминируемой религиозной группой, были во многом искусственно, с разрешения или попуска органов центральной и местной власти, сконцентрированы на горных заводах Урала, таким образом пользуясь преимуществами заводской социальной системы гораздо шире, чем это было доступно православным русским.

Коми-пермяки Западного Урала имели более выгодные этнокультурные установки в смысле выживания младенцев по сравнению с русскими – в их среде практиковалось обязательное долгое грудное кормление и отсутствовал сниженный статус у незаконнорожденных детей и их матерей. Однако в ходе колонизации Урала российская центральная власть и местная аристократия сформировали специфический режим управления коми-пермяками, который выразился в их значительном закрепощении: 2/3 коми-пермяков Пермской губернии были частновладельческими крепостными и почти все помещичьи крепостные губернии были коми-пермяками. Многолетняя двойная интенсивная эксплуатация коми-пермяцких крестьян, как в виде извлечения сельскохозяйственной ренты (как в европейской России), так и в виде отправления тяжелых заводских повинностей (как на Урале), привели к значительной экстенсификации их режима воспроизводства, в т. ч. повышению младенческой смертности, что становится очевидно при сравнении с незакрепощенной частью коми-пермяков.

Мусульмане Пермской губернии, в первую очередь башкиры, татары и мишари, оказались в гораздо более выгодной позиции. Предписанный Кораном чрезвычайно благоприятный для выживания младенцев комплекс религиозных предписаний (долгое кормление грудью и низкие трудовые требования к беременным и кормящим женщинам) сочетались с комплиментарным по отношению к уральским мусульманам режимом управления. Башкиры-вотчинники оказались в привилегированном положении, располагая собственными безусловными земельными владениями и зачастую кормясь сдачей земли в аренду, т. е. имели огромный резерв

времени для ухода за детьми. Татары и мишари, будучи как правило собственниками или припущенниками башкир, пусть и менее состоятельными по сравнению с русскими крестьянами, тем не менее были лично свободны и не платили обременительных выкупных платежей. Свободный резерв времени, сил и частично денег мусульмане Урала инвестировали в т. ч. в здоровье детей, усиливая благоприятный эффект от религиозных предписаний.

Городское население Пермской губернии в середине XIX в. воспроизводилось в режиме даже более экстенсивном, чем сельский. Судя по всему, в городе к факторам сельского демографического порядка добавлялись антисанитария, насилие и концентрация институционального населения. Однако с началом Великих реформ региональный режим воспроизводства населения начал стремительно модернизироваться, в первую очередь его городская часть. Темпы демографической трансформации Пермской губернии во многом опережали общероссийские в первую очередь за счет прежней экстремальной экстенсивности режима воспроизводства населения и как следствие большого резерва для его рационализации. Младенческая смертность была одной из главных осей этого процесса и в то же время интегральным индикатором всех остальных. Спад смертности грудных детей имел специфику внутри региона: сельская местность постепенно снижала показатели, остававшиеся, впрочем, крайне нестабильными; малые города имели чуть меньший и более устойчивый уровень смертности грудных детей; наиболее впечатляющее снижение продемонстрировали Пермь и Екатеринбург, причем екатеринбургская динамика характеризовалась большей поступательностью.

В городах Пермской губернии начал формироваться пореформенный, более интенсивный, городской режим воспроизводства населения. Главными факторами спада младенческой смертности в городах стали городская разноплановая экономическая занятость, ослабевание традиционных и религиозных норм и создание медицинской инфраструктуры; наиболее явно

эффект всех трех факторов проявился в Екатеринбурге. Трансформация младенческой смертности в городах Пермской губернии довольно сильно отличалась от своего аналога в Западной и Северной Европе. Последний заключался в первую очередь в длительном, в течение столетий, повышении доходов и уровня образования населения, улучшении материнского и детского питания, снижении трудовой нагрузки на беременных и рожениц, концентрации внимания семьи и всего общества на ребенке и вопросах его выживания; и лишь в XIX в., ненамного опережая Россию, разрушении традиции и создании медицинской инфраструктуры. Уральский и, вполне возможно, российский тип модернизации городского демографического порядка подразумевал, что в откровенно нуждающейся, запаздывающей в экономическом развитии среде резко запускались прогрессивные институциональные процессы, а именно ослабление и в перспективе разрушение предписанных традицией норм демографического календаря и крещения, внедрение искусственного вскармливания, профессиональных родовспоможения и педиатрии.

Наряду с формированием городского режима воспроизводства населения Великие реформы кратно усилили внутри- и межрегиональную миграцию, в результате чего два режима воспроизводства, функционировавшие в Пермской губернии – сельский и городской, начали активно взаимодействовать. Интенсивная и все нараставшая урбанизация сформировала мощную и разветвленную систему сельско-городских миграционных связей. Город и деревня использовали эту миграционную систему как амортизатор и канал вытеснения кризисного для города/села населения. Однако в условиях несопоставимости размеров двух населений вытеснение селян в город имело гораздо большие последствия для последнего, чем вытеснение неблагополучных горожан в деревню. Инфраструктура некрупных даже по российским меркам городов Пермской губернии перегружалась потоком мигрантов из деревни, а городская среда с трудом успевала модернизировать их демографическое поведение, что провоцировало

в т. ч. стабильный «штраф» к младенческой смертности в городе. К видам таких миграций относилась *экономическая* – «фоновое» переселение крестьян в город в результате естественного прироста населения в деревне и повышения производительности труда; резкие и масштабные притоки крестьян после неурожаев; миграции мастеровых и заводских крестьян в города в ходе затяжного кризиса уральской горнозаводской промышленности. «Кризисная» миграция создавала условия, когда мигранты привносили в город смерти и неблагополучные рождения, а после этого возвращались в сельскую местность.

Значительную долю в сельский экспорт неблагополучной рождаемости и смертности в город вносила миграция *по социокультурным причинам*, включавшая в первую очередь переселения матерей-одиночек. Бытовая и правовая дискриминация матерей внебрачных детей, стигматизация вдовства и правовая дискриминация вдов с законными детьми часто вынуждали женщин прибегать к подкидыванию, переезду в город, за пределы влияния общины, или, реже, к инфантициду. Серьезное влияние от вынужденного импорта неблагополучной рождаемости испытывали малые уездные города губернии, Пермь смогла его частично купировать, а Екатеринбург, благодаря уникальным для региона учреждениям – Екатеринбургскому родильному дому и Верх-Исетскому воспитательному дому, кардинально улучшил выживаемость рожденных в городе внебрачных детей. Однако приток чистой смертности продолжал оставаться нерешаемой проблемой для всех городов.

Наконец, важным элементом в миграционном обмене города и деревни были перемещения *по институциональным причинам*. Заведения детского призрения, которые располагались в городах и куда целенаправленно свозили сотни подкидышей со всего региона, оказывали колоссальное негативное влияние на младенческую смертность в городах. Из медицинских учреждений, ориентированных на детей и притягивавших сельское население, можно выделить лишь роддома в Перми и Екатеринбурге, которые, однако, как видно на примере Екатеринбурга, по итогу оказывали скорее положительное

влияние. Также негативный эффект на младенческую смертность можно предположить от тюрем и содержащихся при матерях-арестантках младенцев.

Таким образом, к началу XX в. режим воспроизводства населения Пермской губернии и его составляющая – режим младенческой смертности – значительно изменились. Если в середине XIX в. их главными факторами были традиционные нормы, религиозные предписания, городская экономика и режимы управления этноконфессиональными группами, то через полвека к ним добавились вызванные реформами Александра II модернизация и урбанизация. Первая дала начало обновлению городского режима воспроизводства населения, сделав его более интенсивным, со значительно меньшей младенческой смертностью, а вторая запустила процесс активного взаимодействия между сельским и городским режимами. Город с его новым демографическим порядком выступал в этой системе в роли преобразователя, проходя через который сельский иммигрант значительно модернизировал собственное демографическое поведение и здоровьесберегательную культуру. Описанный механизм активно работал и расширялся за счет роста темпов урбанизации и экспансии городской культуры вплоть до начала Первой мировой войны. Война и следовавший ей долгий революционный период вызвали социальную катастрофу, которая коренным образом поменяла ход демографического развития региона.

Перспективы дальнейшей разработки темы. К числу главных направлений дальнейшего изучения темы можно отнести исследование социальной дифференциации младенческой смертности в Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в. на базе сведений первичных источников; изучение младенческой смертности в смежных регионах Урала, Сибири и Русского Севера; расширение хронологических рамок как вглубь – в XVIII в., так и в сторону современности – в XX в.; освещение других сторон демографического порядка пореформенной Пермской губернии – смертности детей старше года, общей смертности, рождаемости, брачности, миграции.

Список источников и литературы**Источники*****Неопубликованные*****Государственный архив Свердловской области (ГАСО)**

Ф. 6. Екатеринбургская духовная консистория, г. Екатеринбург
Пермской губернии (1738–1918).

1. Оп. 7. Д. 856.
2. Оп. 9. Д. 759.
3. Оп. 9. Д. 782.
4. Оп. 9. Д. 790.
5. Оп. 9. Д. 797.
6. Оп. 9. Д. 804.
7. Оп. 9. Д. 840.
8. Оп. 9. Д. 847.
9. Оп. 9. Д. 856.
10. Оп. 9. Д. 866.
11. Оп. 9. Д. 871.
12. Оп. 9. Д. 878.
13. Оп. 9. Д. 886.
14. Оп. 9. Д. 896.
15. Оп. 9. Д. 904.
16. Оп. 9. Д. 911.
17. Оп. 9. Д. 917.
18. Оп. 9. Д. 923.
19. Оп. 9. Д. 928.
20. Оп. 9. Д. 931.
21. Оп. 9. Д. 933.
22. Оп. 13. Д. 50.
23. Оп. 13. Д. 60.
24. Оп. 13. Д. 76.

25. Оп. 13. Д. 99.
26. Оп. 13. Д. 121.
27. Оп. 13. Д. 143.
28. Оп. 13. Д. 158.
29. Оп. 13. Д. 188.
30. Оп. 13. Д. 212.
31. Оп. 13. Д. 232.
32. Оп. 13. Д. 261.
33. Оп. 13. Д. 292.
34. Оп. 13. Д. 311.
35. Оп. 13. Д. 339.

Ф. 62. Екатеринбургская городская управа, г. Екатеринбург Пермской губернии (1870–1918).

36. Оп. 1. Д. 524. Л. 35.
37. Оп. 1. Д. 524. Л. 126.

Опубликованные

1. [Михаил, иером.]. О крещении через погружение и обливание // Прибавления к Творениям св. Отцов. – 1855. – Кн. 4. – Ч. 14. – С. 432–471.
2. «Распределение жителей г. Перми по сословиям ...» // Пермские губернские ведомости. № 56. 1869. 12 июня. С. 244.
3. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1898 год / под ред. Р. Попова. – Пермь : Типо-лит. Губ. Прав., 1898. – [533] с.
4. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год / под ред. Р. Попова. – Пермь : Типо-лит. Губ. Прав., 1899. – [581] с.
5. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 год / под ред. Р. Попова. – Пермь : Тип. С. П. Басовой, 1900. – [352] с.
6. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1904 год / под ред. Р. Попова. – Пермь : Типо-лит. Перм. Губ. Прав., тип. Перм. Губ. Зем., 1904. – [488] с.

7. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1905 год / под ред. Р. Попова. – Пермь : Типо-лит. Губ. Прав., 1905. – [488] с.
8. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 год. – Пермь : Типо-лит. Губ. Прав., 1907. – [484] с.
9. Бахарев, Д. С. База данных «Метрические книги Богоявленского прихода г. Екатеринбурга 1880–1919 гг.: раздел о смертях» / Д. С. Бахарев, Е. М. Главацкая. Данные в формате *xlsx*. 680 Кб. URL: <https://urapp-urgj.urfu.ru/>. Дата регистрации: 08.12.2020. Режим доступа: на договорной основе.
10. Бахарев, Д. С. База данных «Метрические книги православной Вознесенской церкви Екатеринбурга за 1880–1919 гг.: раздел об умерших» / Д. С. Бахарев, Е. М. Главацкая. Данные в формате *xlsx*. 1,32 Мб. URL: <https://urapp-urgj.urfu.ru/>. Дата регистрации: 19.02.2019. Режим доступа: на договорной основе.
11. Бахарев, Д. С. База данных «Православный приход села Кисловское Екатеринбургского уезда Пермской губернии: умершие в 1908–1917 гг.» / Д. С. Бахарев, Е. М. Главацкая. Данные в формате *xlsx*. 479 Кб. URL: <https://urapp-urgj.urfu.ru/>. Дата регистрации: 21.03.2022. Режим доступа: на договорной основе.
12. Волости и гмины 1890 г. Т. 31. Пермская губерния. – СПб. : ЦСК МВД, 1890. – [2], 28, [1] с.
13. Гедройц-Юрага, В. Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска : (1878–1887) / В. Гедройц-Юрага. – Омск : [б. и.], 1890. – С. 117–180.
14. Город Екатеринбург / под ред. И. И. Симанова. – Екатеринбург : Уральский рабочий, 2007. – (Репринтное издание по: Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1889). – [1051] с.
15. Городские происшествия // Екатеринбургская Неделя. – 1893. – № 14. – С. 294.
16. Городские происшествия // Екатеринбургская Неделя. – 1893. – № 38. – С. 781.

17. Гулин, В. С. Уральская горнозаводская промышленность в цифрах за 50 лет и дальнейшие пути ее развития / В. С. Гулин. – М. : Институт цветных металлов, 1930. – 83 с.
18. Движение населения в Европейской России за 1885 год. – СПб. : Типография МВД, 1890. – [2], VIII, 211 с.
19. Движение населения в Европейской России за 1886 год. – СПб. : Типография и Фототипия В. И. Штейн, 1890. – [2], 16, 211 с.
20. Движение населения в Европейской России за 1887 год. – СПб. : Типография и Фототипия В. И. Штейн, 1891. – [2], 30, 211 с.
21. Движение населения в Европейской России за 1888 год. – СПб. : Типография и Фототипия В. И. Штейна, 1892. – [2], 10, 211 с.
22. Движение населения в Европейской России за 1889 год. – СПб. : Типография и Фототипия В. И. Штейна, 1893. – [4], VI, 211 с.
23. Движение населения в Европейской России за 1890 год. – СПб. : Типо-литография П. П. Сойкина, 1895. – [3], VI, 211 с.
24. Движение населения в Европейской России за 1891 год. – СПб. : [б.и.], 1895. – [5], VI, 211 с.
25. Движение населения в Европейской России за 1892 год. – СПб. : Типо-литогр. и фототипия П. И. Бабкина, 1896. – VI, 211 с.
26. Движение населения в Европейской России за 1893 год. – СПб. : Типо-Литогр. П. И. Бабкина, 1897. – [3], VII, 211 с.
27. Движение населения в Европейской России за 1894 год. – СПб. : Типо-Литогр. П. И. Бабкина, 1898. – [2], VI, 211 с.
28. Движение населения в Европейской России за 1895 год. – СПб. : «Товарищество Художественной Печати», 1899. – [4], VI, 211 с.
29. Движение населения в Европейской России за 1896 год. – СПб. : «Товарищество Художественной Печати», 1899. – [3], VII, 211 с.
30. Движение населения в Европейской России за 1897 год. – СПб. : [б. и.], 1900. – [2], XVI, 211 с.

31. Движение населения в Европейской России за 1898 год. – СПб. : Тип. «Т-ва Художественной Печати», 1903. – [3], VI, 211 с.
32. Движение населения в Европейской России за 1899 год. – СПб. : Тип. «Т-ва Художественной Печати», 1904. – [2], VII, 211 с.
33. Движение населения в Европейской России за 1900 год. – СПб. : «Центральная» типо-лит. М. Я. Минкова, 1906. – [2], X, 211 с.
34. Движение населения в Европейской России за 1901 год. – СПб. : «Пушкинская Скоропечатня», 1906. – [2], XXI, 248 с.
35. Движение населения в Европейской России за 1905 год. – СПб. : Тип. Штаба Петроградского военного округа, 1914. – [2], XVI, 251 с.
36. Движение населения в Европейской России за 1906 год. – СПб. : Тип. Штаба Петроградского военного округа, 1914. – [2], XVI, 251 с.
37. Движение населения в Европейской России за 1907 год. – СПб. : Тип. Штаба Петроградского военного округа, 1914. – [2], XVI, 251 с.
38. Движение населения в Европейской России за 1908 год. – СПб. : Тип. Петроградской Одиночной тюрьмы, 1914. – [4], XVI, 256, [1] с.
39. Движение населения в Европейской России за 1909 год. – СПб. : Тип. Штаба Петроградского военного округа, 1914. – [2], XVI, 251 с.
40. Движение населения в Европейской России за 1910 год. – СПб. : Тип. Штаба Петроградского военного округа, 1914. – [2], XV, 251 с.
41. Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири : Енисейской и Тобольской за 1902 год. – СПб. : Тип. «Друкаръ», 1907. – [4], [XXII], 277 с.
42. Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири : Енисейской и Тобольской и Семипалатинской области за 1903 год. – СПб. : Тип. Т-ва «Ш. Буссель Н-ки», 1909. – [3], XXIII, 277 с.
43. Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири : Иркутской и Енисейской за 1904 год. – СПб. : Тип. Т-ва «Ш. Буссель Н-ки», 1911. – [2], XXI, 277 с.

44. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 1. Шадринский уезд. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1903. – [2], II, 78, [6] с.
45. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 10, 11. Кунгурский и Красноуфимский уезды. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1906. – [2], 103 с.
46. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 12. Осинский уезд. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1906. – [1], 61 с.
47. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 2. Екатеринбургский уезд. Пермь : Электротип. губ. зем. упр., 1906. – [2], 77 с.
48. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 3. Ирбитский уезд. – Пермь : Электротип. губ. зем. упр., 1906. – [2], 55 с.
49. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 4. Пермский уезд. – Пермь : Электротип. губ. зем. упр., 1906. – [2], 57 с.
50. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 5. Чердынский уезд. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1906. – [2], 57 с.
51. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 6: Верхотурский уезд. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1906. – [1], 65 с.
52. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 7. Камышловский уезд. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1906. – [2], 67 с.
53. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 8. Соликамский уезд. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1906. – 63 с.
54. Движение населения Пермской губернии с 1882 г. по 1901 г. Ч. 9. Оханский уезд. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1906. – [2], 57 с.
55. Движение населения по Шадринскому уезду. 1912 г. – Шадринск : Тип. С. И. Иванчикова, 1913. – 36 с.
56. Доклад Городской управы «Об участии Городского управления в содержании приюта для подкидышей» // Журналы Пермской городской думы за 1913 год. – Пермь : тип. Я. С. Гребнева, 1914. – С. 1–3.
57. Ерогин, П. М. О призрении крестьянских сирот / П. М. Ерогин // Вестник благотворительности. – 1898. – № 5. – С. 16–24.

58. Ершов, С. М. Материалы для санитарной статистики Свияжского уезда : Опыт сравн. демографии рус. и татар. народностей : Дис. на степ. д-ра мед / С. М. Ершов. – СПб. : Императорская Военно-медицинская академия, 1888. – [4], II, 197 с.

59. Ефимов, А. И. Православное население Томской губернии по данным 1870–1880 годов : демографический очерк / А. И. Ефимов. – СПб. : ЦСК МВД, 1890. – 43, [7] с.

60. Жизнь Приуралья в 1887 г. (по корреспонденциям «Екатеринбургской Недели» // Екатеринбургская Неделя. – № 1. – 1887. – С. 7–10.

61. Журнал очередного собрания Пермской городской думы. 14-го октября 1909 года. № 8-й // Журналы Пермской Городской Думы за 1909 год. – Пермь : Электр. тип. н-ков П. Ф. Каменского, 1910. – С. 368–380.

62. Журналы Пермского губернского земского собрания 40-й очередной сессии и доклады комиссий сему собранию. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1910. – XVIII, 440 с.

63. Журналы Пермского губернского земского собрания 43-й очередной сессии и доклады комиссий. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1913. – XV, 272 с.

64. Калачников, В. В. Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова : к 25-летию его существования / В. В. Калачников. – Екатеринбург : тип. т-ва «Урал. край», 1915. – 59 с.

65. Календарь Пермской губернии на 1886 год. Год четвертый / под ред. Р. Румы. – Пермь : Типо-лит. губ. прав., 1885. – [336] с.

66. Кокоулин, К. К. Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губернии (брачность, рождаемость, смертность). Статистические материалы за 25 лет, 1873–1897 / К. К. Кокоулин // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – 1903. – Т. 34. – № 2. – С. 137–148.

67. Коран / пер. смыслов Э. Р. Кулиева. – М. : Умма, 2007. – Вып. 6-е, испр. – 686 с.

68. Котелянский, Б. И. Краткий очерк деятельности акушерского отделения Екатеринбургского родильного дома за двухлетний период (1887–1889 гг.) / Б. И. Котелянский // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. I год. – Пермь : Тип. губ. зем. упр., 1891. – С. 70–74.

69. Красноперов, Е. И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем, императором Александром II / Е. И. Красноперов. – Пермь : Пермск. губ. земство, 1886. – 205 с.

70. Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. / под ред. В. Сумарокова. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1912. – 21, 158 с.

71. Левенсон, Б. М. Медико-санитарный обзор Сиротско-Воспитательного Дома имени С. А. Петрова 1893–1914 гг. / Б. М. Левенсон // Исторический очерк Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома имени Семена Алексеевича Петрова : к 25-летию его существования / В. В. Калачников. – Екатеринбург : тип. т-ва «Урал. край», 1915. – С. 55–59.

72. Малескриптов. Что говорят метрические книги про г. Екатеринбург? / Малескриптов // Екатеринбургская Неделя. – 1884. – № 27. – С. 468–470.

73. Малиев, Н. М. Антропологический очерк племени пермяков : Материалы для сравн. анатомии фин. народностей / Н. М. Малиев. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1887. – 69 с.

74. Материалы к оценке земель Пермской губернии : Т. 5. Шадринский уезд. Вып. 2. Свод экономических данных подворной переписи. – Пермь : Тип. губ. зем. упр., 1904. – [5], 401 с.

75. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома за 1912 год // Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания ... и доклады

Уездной земской управы и комиссий 32 и 33 чрезвычайных сессий (3 февраля 1913 г., 25 и 26 ноября 1913 года). – Екатеринбург : [б. и.], 1914. – С. 56–58.

76. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 января 1900 года по 1 января 1901 года // Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXII очередной сессии (1901 года) и доклады Уездной земской управы и комиссий. – Екатеринбург : тип. газ. «Уральская жизнь», 1902. – С. 253–257.

77. Местная хроника // Пермские губернские ведомости. – 1898. – № 3. – (Часть неофициальная). – С. 3.

78. Младенческая смертность по субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=0 (дата обращения: 07.03.2022).

79. Мозель, Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба : Пермская губерния. Ч. 1 / Х. Мозель. – СПб. : Тип. Ф. Персона, 1864. – 457 с.

80. Обзор Пермской губернии за 1882 год. – [Пермь] : [б. и.], 1882. – [60] с.

81. Обзор Пермской губернии за 1900 год. – Пермь : Типо-лит. губ. прав., 1901. – II, 133 с.

82. Однодневная перепись жителей губернского города Перми, произведенная 7-го Апреля 1890 года. – Пермь : Тип. наследников П. Ф. Каменского, 1892. – 107 с.

83. Онуфриев, В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 апреля 1877 г. по 1 сентября 1887 г. / В. М. Онуфриев. Екатеринбург : тип. М. И. Филипповой, 1888. – [4], XXIV, 180, 8 с.

84. Онуфриев, В. М. Медицинский отчет Екатеринбургского родильного дома с 1 сентября 1887 г. по 1 сентября 1891 г. / В. М. Онуфриев // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. 1892. II год,

вып. 2. – Екатеринбург : Тип. В. Н. Алексеева и А. П. Степанова, 1893. – С. [6], X, 179, 16.

85. Падарин, М. А. Годичный отчет земского врача Падарина и некоторые общие соображения по устройству медицинской части в Осинском уезде / М. А. Падарин // Сборник Пермского земства. 1872. Сентябрь–октябрь. – Пермь : тип. Поповой, 1872. – С. 78–103.

86. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1888 год / под ред. А. И. Прозоровского. – Пермь : Типо-лит. губ. прав., 1887. – [435] с.

87. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31 : Пермская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : ЦСК МВД, 1904. – [4], XII, 301 с.

88. Пермская губерния в сельско-хозяйственном отношении. Обзор 1902 года. – Пермь : Тип. губ. зем. упр., 1903. – [226] с.

89. Покровский, Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России : материалы для мед.-антропол. исслед. / Е. А. Покровский. М. : тип. А.А. Карцева, 1884. – [2], 380, IV с.

90. Полевской зав. // Уральская жизнь. – 1903. – № 82. – С. 2.

91. Радзиловская, Ф. Н. Мальцевская женская каторга / Ф. Н. Радзиловская, Л. П. Орестова // На женской каторге : сборник воспоминаний / с предисл. и под ред. Веры Фигнер. – М. : Изд-во политкаторжан, 1930. – С. 18–53.

92. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3 : Калужская губерния / под ред. Д. А. Баранова, А. В. Коновалова. – СПб. : Деловая полиграфия, 2004. – 647 с.

93. Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 год. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1915. – 137 с.

94. Санитарный обзор Пермской губернии за 1912 год. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1916. – 105 с.

95. Санитарный обзор Пермской губернии за 1913 год. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1916. – 91 с.
96. Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 год. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1916. – 97 с.
97. Санитарный обзор Пермской губернии за 1915 год. – Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1918. – 75 с.
98. Сборник сведений по России за 1884–1885 г. – СПб. : тип. тов. «Общественная польза»; тов. «Печатня С. П. Яковлева»; МВД, 1887. – [8], XVIII, 313, [1] с.
99. Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Отдел хозяйственной статистики / под ред. П. Н. Зверева. – Екатеринбург : Тип. «Екатеринбургской Недели», 1891. – [1093] с.
100. Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду, Пермской губернии. – Пермь : Тип. губ. зем. упр., 1889. – 6, [2], 1191 с.
101. Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – II, 224 с.
102. Семенова-Тян-Шанская, О. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний / О. Семенова-Тян-Шанская. – М. : Ломоносов, 2010. – 192 с.
103. Семенов-Тян-Шанский, П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. Ч. 1, Отд. I–III / П. П. Семенов-Тян-Шанский, А. А. Достоевский. – СПб. : [б. и.], 1896. – [XXX], 468 с.
104. Сибирский летописец. Судебная хроника. Подброшенный ребенок / Сибирский летописец // Уральская жизнь. – 1907. – № 21. – С. 3.
105. Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1912 году в Европейской России // Статистика Российской империи. – 1918. – № 95. – VI, 62 с.
106. Список населенных мест Пермской губернии. – Пермь : Тип. Перм. губ. зем. упр., 1905. – VIII, 526 с.

107. Список населенных мест по сведениям 1869 года. Вып. 31 : Пермская губерния. – СПб. : Тип. МВД, 1875. – 4, CDLX, 3, 443 с.
108. Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год / под ред. А. Бушена. – СПб. : тип. К. Вульфа, 1863. – X, 330 с.
109. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 12. Движение населения в Европейской России за 1868 год. – СПб. : [б. и.], 1877. – [6], II, 278 с.
110. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 13. Движение населения в Европейской России за 1869 год. – СПб. : [б. и.], 1877. – [10], 263 с.
111. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 14. Движение населения в Европейской России за 1870 год. – СПб. : [б. и.], 1879. – [8], XXXII, 285 с.
112. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 17. Движение населения в Европейской России за 1871 год. – СПб. : [б. и.], 1881. – IX, 375 с.
113. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 18. – СПб. : Тип. МВД, 1882. – [6], VIII, 359 с.
114. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 20. Движение населения в Европейской России за 1873 год. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1882. – [4], VII, 359 с.
115. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 21. Движение населения в Европейской России за 1874 год. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1882. – [10], VIII, 303 с.
116. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 22. Движение населения в Европейской России за 1875 год. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1883. – [8], XII, 357 с.

117. Статистический временник Российской империи. Сер. 2, вып. 8. Движение населения в Европейской России за 1867 год. – СПб. : Тип. МВД, 1872. – [6], X, [2], 461 с.
118. Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 21. Движение населения в Европейской России за 1882 год. – СПб. : Тип. Этингера, 1887. – [8], X, 403, [1], 6 с.
119. Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 23. Движение населения в Европейской России за 1883 год. – СПб. : Тип. Н. Н. Стефанова, 1887. – [8], VIII, 397 с.
120. Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 24. Движение населения в Европейской России за 1884 год. – СПб. : Тип. МВД, 1889. – [131] с.
121. Статистический временник Российской империи. Сер. 3, вып. 7. Движение населения в Европейской России за 1880 год. – СПб. : Тип. МВД, 1887. – [8], VI, 387 с.
122. Сто лет деятельности Императорского Клинического повивального института : (1797 г. – 1897 г.) : Ист.-мед. очерк / под ред. проф. Дм. Отта. СПб. : Гос. тип., 1898. – [1281] с.
123. Сухарев, А. А. Казанские татары : (Уезд Казанский) : Опыт этногр. и мед.-антропол. исслед. : Дис. на степ. д-ра мед. / А. А. Сухарев. СПб. : тип. П. П. Сойкина, 1904. – 195 с.
124. Талько-Грынцевич, Ю. Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основании записей смертности в одиннадцати приходах за двадцать три года 1869–1891 / Ю. Талько-Грынцевич. – М. : т-во тип. А. И. Мамонтова, 1898. – 2, 18 с.
125. Тезяков, Н. Вотяки Больше-Гондырской волости / Н. Тезяков. – Чернигов : Земская типография, 1892. – 2, 87 с.
126. Успенский, В. П. Москва: краткий очерк развития и современного состояния городской врачебно-санитарной организации / В. П. Успенский. – М. : Городская тип., 1911. – VI, 131 с.

127. Хирин, Д. Медицинский отчет по Детской больнице Общества Красного Креста в г. Екатеринбурге за 1912 год / Д. Хирин. – Екатеринбург : тип. т-ва «Урал. край», 1913. – 29 с.

128. Хирин, Д. Медицинский отчет по Детской больнице Общества Красного Креста в г. Екатеринбурге за 1913 год / Д. Хирин. – Екатеринбург : тип. т-ва «Урал. край», 1914. – 26 с.

129. Ходнев, А. И. История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года / А. И. Ходнев. – СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1865. – IX, 667 с.

130. Хроника // Екатеринбургская Неделя. – 1887. – № 3. – С. 52.

131. Хроника. Подкинутый младенец // Пермские губернские ведомости. – 1899. – № 41. – (Часть неофициальная). – С. 3.

132. Хроника. Подкинутый ребенок // Пермские губернские ведомости. – 1903. – № 25. – (Часть неофициальная). – С. 2.

133. Хроника. Подкинутый ребенок // Пермские губернские ведомости. – 1903. – № 127. – (Часть неофициальная). – С. 2.

134. Хроника. Подкинутый ребенок // Пермские губернские ведомости. – 1906. – № 94. – (Часть неофициальная). – С. 3.

135. Шестаков, И. Насущные нужды инвенских инородцев-Пермяков Соликамского уезда / И. Шестаков. – Пермь: [б. и.], 1898. – 6 с.

136. Янович, В. М. Пермяки: этнографический очерк / В. М. Янович. – СПб. : Тип. МВД, 1903. – 122 с. Mitchell, B. R. International Historical Statistics, Europe : 1750–1993 / B. R. Mitchell. – 4th edition. – Indianapolis : Macmillan, 1998. – 1113 p.

Литература

1. Дело жизни – борьба с детской смертностью // Медицина и здоровье. – 2007. – № 7 (15). – С. 31.

2. Авдеев, А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР / А. Авдеев // Историческая

демография: Сборник статей / Под ред. М. Б. Денисенко, А. И. Троицкой. – М. : МАКС Пресс, 2010. – Вып. 2. – С. 13–72.

3. Авдеев, А. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине 19 века: брачность, рождаемость, младенческая смертность / А. Авдеев, А. Блюм, И. Троицкая // Российский демографический журнал. – 2002. – № 1. – С. 37–45.

4. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.) : региональное измерение : [коллективная монография] / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, О. Н. Богатырева [и др.]; под ред. И. В. Побережникова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. – 313 с.

5. Алексеев, В. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней / В. В. Алексеев, Д. В. Гаврилов. – М. : Наука, 2008. – 886 с.

6. Алферова, Е. Ю. Уральский город пореформенного времени: тенденции демографического развития / Е. Ю. Алферова // Проблемы социально-политической истории Урала в XIX – начале XX вв: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Т. А. Андреева. – Челябинск : ЧелГУ, 1991. – С. 68–80.

7. Алферова, Е. Ю., Голикова, С. В., Епанчицев, С. П., Корнилов, Г. Е., Кузьмин, А. И., Оруджиева, А. Г. Этнодемографическое развитие Урала в XIX – XX вв. (историко-социологический подход) / Е. Ю. Алферова, С. В. Голикова, С. П. Епанчицев, С. П. [и др.]; под ред. В. В. Алексеева. – Екатеринбург : изд. «Екатеринбург», 2000. – 104 с.

8. Алферова, Е. Ю. Влияние неурожая и голода 1891–1892 гг. на материальное положение городского населения Урала / Е. Ю. Алферова // Положение и борьба рабочих Урала в период капитализма: сб. науч. трудов / под ред. Д. В. Гаврилова. – Свердловск : УрО АН СССР. – С. 95–106.

9. Араловец, Н. А. Демографические последствия сплошной коллективизации и голода 1932–1933 гг. / Н. А. Араловец // Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3-х т. Т. 1. 1900–1939 / под ред. Ю. А. Полякова, В. Б. Жиромской. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 265–276.

10. Архангельский, В. Н. Современный Екатеринбург в демографическом измерении / В. Н. Архангельский // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2023. – С. 401–417.
11. Баранов, А. А. Младенческая смертность: уроки истории и перспективы снижения / А. А. Баранов, В. Ю. Альбицкий // Казанский медицинский журнал. – 2011. – Т. 92. – № 5. – С. 690–694.
12. Безгин, В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века / В. Б. Безгин. – Тамбов: РГНФ, ТГТУ, 2015. – 192 с.
13. Безгин, В. Б. Правовое положение внебрачных детей в русском селе конца XIX – начала XX века / В. Б. Безгин // Право и образование. – 2010. – № 8. – С. 124–129.
14. Безруких, М. М. Возрастная физиология: физиология развития ребенка. / М. М. Безруких, В. Д. Сонькин, Д. А. Фарбер. – М. : Академия, 2003. – 412 с.
15. Бикбулатов, Н. В. Земледелие зауральских башкир в XIX – начале XX в. / Н. В. Бикбулатов, М. В. Мурзабулатов // Этнография Башкирии / под ред. Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева. – Уфа: БФАН СССР, 1976. – С. 97–117.
16. Бирюкова, С. С. Демографические исследования в современном контексте: долгосрочные тренды развития и влияние внешних шоков / С. С. Бирюкова, В. А. Козлов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 2. – С. 3–13.
17. Бобицкий, А. В. Брачность мусульман Екатеринбурга в начале XX века по материалам метрических книг / А. В. Бобицкий // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Исторического факультета Уральского федерального университета. Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 г. / отв. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 285–288.

18. Болковский, А. Л. История екатеринбургской тюрьмы / А. Л. Болковский // Урал. – 2007. – № 12. – С. 148–224.
19. Боровик, Ю. В. Проблемы анализа младенческой и детской смертности у старообрядцев уральского города / Ю. В. Боровик // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2020. – Т. 22. – № 1 (196). – С. 127–140.
20. Боровик, Ю. В. Смертность от оспы в уральском городе (на примере Екатеринбурга начала XX в.) / Ю. В. Боровик // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2021. – Т. 23. – № 4. – С. 246–267.
21. Боровик, Ю. В. Проблемы анализа младенческой и детской смертности у старообрядцев уральского города / Ю. В. Боровик // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2020. – Т. 22. – № 1 (196). – С. 127–140.
22. Боровик, Ю. В. Социальный облик городского православного прихода на рубеже XIX–XX вв. по данным метрических книг Богоявленского собора Екатеринбурга / Ю. В. Боровик // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. Материалы международной конференции. Москва, 4–6 декабря 2020 г. / редкол.: чл.-кор. РАН Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров, И. М. Гарскова; отв. ред. И. М. Гарскова. – М. : МАКС Пресс, 2020. – С. 154–160.
23. Брюханова, Е. А. Заключение тобольских тюрем в конце XIX в.: социально-демографический портрет по материалам переписи 1897 г. / Е. А. Брюханова, О. И. Чекрыжева // Былые годы. – 2021. – Т. 16. – № 2. – С. 936–947.
24. Бурлуцкая (Банникова), Е. В. Детская смертность в купеческих семьях Оренбурга второй половины XIX в. / Е. В. Бурлуцкая (Банникова) // Клио. – 2017. – № 7(127). – С. 80–85.
25. Вейнберг, Л. Б. Пермская губерния / Л. Б. Вейнберг // ЭСБЕ. – Т. XXIII. – 1898. – URL:

<https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%B3%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D1%8F&oldid=2308959> (дата обращения: 10.05.2020).

26. Вигдорчик, Н. А. Детская смертность среди петербургских рабочих: (По данным анкеты) / Н. А. Вигдорчик. – М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1914. – [2], 43 с.

27. Винник, М. В. Сезонность демографических процессов (на примере метрических книг Покровского прихода г. Барнаул, 1877–1886 гг.) / М. В. Винник // Демографические аспекты социально-экономического развития. Сборник статей / Под ред. М. Б. Денисенко. – М. : МАКС Пресс, 2012. – С. 251–267.

28. Вишневская, А. В. Брачность православного населения Екатеринбурга в начале XX века (по материалам метрических книг Екатерининского собора) / А. В. Вишневская // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сб. ст. X Уральского демографического форума: в 2 т. Т. II / отв. ред. О. А. Козлова. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2019. – С. 64–68.

29. Вишневский, А. Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций / А. В. Вишневский. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 368 с.

30. Вишневский, А. Г. Режим воспроизводства населения / А. Г. Вишневский // Большая российская энциклопедия. – 2023. – URL: <https://bigenc.ru/c/rezhim-vosproizvodstva-naseleniia-5d93a6> (дата обращения: 23.04.2024).

31. Вишневский, А. Г. Есть ли альтернативы у безальтернативного? / А. Г. Вишневский // Общественные науки и современность. – 2012. – № 2. – С. 78–91.

32. Вишневский, А. Г. Это ключ от другого замка / А. Г. Вишневский // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 150–155.

33. Владимиров, В. Н. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.) / В. Н. Владимиров, Д. Е. Сарафанов. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. – 114 с.
34. Владыкин, А. Л. Новорожденные: пол, размеры, мертворождаемость, смертность, заболевания / А. Л. Владыкин. – СПб. : Гос. тип., 1912. – [6], 108 с.
35. Власова, В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни / В. В. Власова. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2010. – 170 с.
36. Гиляров, А. М. Популяционная экология / А. М. Гиляров. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 191 с.
37. Гиляровский, Ф. В. Исследования о рождении и смертности детей в Новгородской губернии / Ф. В. Гиляровский; под ред. А. Артемьева. – СПб. : тип. К. Вульфа, 1866. – [8], [4], LXXVII, [3], 664 с.
38. Главацкая, Е. М. Женское «одиночество» в Пермской губернии во второй половине XIX — начале XX в. / Е. М. Главацкая, А. В. Бобицкий, Е. А. Заболотных // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2023. – Т. 25. – № 4. – С. 40–58.
39. Главацкая, Е. М. Внебрачная рождаемость на Урале в конце XIX – начале XX в. / Е. М. Главацкая, Е. А. Заболотных // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2022. – Т. 24. – № 4. – С. 89–109.
40. Голикова, С. В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты / С. В. Голикова. – Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2012. – 176 с.
41. Голикова, С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демограф. процессы и традиции / С. В. Голикова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2001. – 197 с.
42. Голикова, С. В. Факторы увеличения числа незаконнорожденных детей на Урале XIX – начала XX в. / С. В. Голикова // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского

демографического форума с международным участием / отв. ред. А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2015. – С. 43–50.

43. Голикова, С. В. Формирование горнозаводского населения Урала как социокультурной общности (XVIII–XIX вв.) / С. В. Голикова // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 118–124.

44. Голикова, С. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века) / С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. – М. : Наука, 2000. – 261 с.

45. Голикова, С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия / С. В. Голикова // Документ. Архив. История. Современность. – 2005. – № 5. – С. 99–110.

46. Гончаров, Ю. М. Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX в. / Ю. М. Гончаров. – Барнаул: АЗБУКА, 2019. – 148 с.

47. Горбачев, О. В. Российские мигранты и миграционная политика в XX веке / О. В. Горбачев // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2021 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР» (ПермГАСПИ. 30 ноября – 1 декабря 2021 г.): Сборник материалов. – Пермь: Уральский рабочий, 2022. – С. 227–235.

48. Гундобин, Н. П. Детская смертность в России и меры борьбы с нею / Н. П. Гундобин. – СПб.: Лит.-мед. журн. д-ра Окса, 1906. – 31 с.

49. Дашкевич, Л. А. Формирование институтов призрения детства в Пермской губернии: государственная и частная инициатива / Л. А. Дашкевич, М. В. Исаева // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 1: Социально-политическая история. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 137–152.

50. Делекторский, Н. И. Смертность детей за границей, в России и в Томске, и «Капля молока» / Н. И. Делекторский. – Томск : тип. Губ. упр., 1910. – [4], 24 с.

51. Демина, Ю. В. Голод 1891–1892 гг. в Екатеринбургском уезде: причины, последствия (на материалах журналов уездных земских собраний) / Ю. В. Демина // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.) / отв. ред. Г. Е. Корнилов. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2015. – С. 108–120.
52. Диатроптов, П. Н. Рождаемость и смертность в Одессе в 1890 г. / П. Н. Диатроптов // Статистическое обозрение Одессы за 1890 г. – Одесса : Одесское городское общественное управление, 1892. – Приложения. С. 1–63.
53. Дулов, А. В. Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. / А. В. Дулов. – М. : Наука, 1983. – 255 с.
54. Егоровская, Р. А. Земская медицина в Шадринском уезде Пермской губернии с 1870 по 1910 г. Краткий очерк ее развития / Р. А. Егоровская. – Шадринск : Тип. К. Е. Доронина, 1912. – 68, 4 с.
55. Егорышева, И. В. Проблема детской смертности в России в трудах русских врачей и ученых (XVIII – начало XX века) / И. В. Егорышева // Здравоохранение Российской Федерации. – 2012. – № 4. – С. 53–56.
56. Егорышева, И. В. Вклад Вольного экономического общества в изучение проблемы детской смертности / И. В. Егорышева, С. Г. Гончарова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2013. – № 4. – С. 47–48.
57. Жегусов Ю. И. Этнические особенности алкоголизации в Республике Саха (Якутия): модели потребления / Ю. И. Жегусов, З. И. Корякина, О. Г. Бессонова // Социологические исследования. – 2020. – № 3. – С. 100–107.
58. Жиров, Н. А. Микродемографический анализ крестьянской смертности в Орловской деревне в начале XX века / Н. А. Жиров // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2016. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 16–21.

59. Жукова, А. Е. [Глава 2.] Внутридомовая прислуга / А. Е. Жукова // Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / под ред. В. А. Верemenko. – СПб. : Медиапaпир, 2021. – С. 52–116
60. Журавлева, В. А. Младенческая смертность в уральских городах и меры по ее снижению в 1920-е гг. / В. А. Журавлева // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3. – С. 96–102.
61. Зайцева, С. В. Факторы, оказывавшие влияние на рождение внебрачных детей в Российской империи во второй половине XIX в. / С. В. Зайцева // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2010. – Т. 4. – № 2. – С. 144–152.
62. Захарова, С. Верoисповедание, религиозность и рoждаемость в России. Есть ли взаимосвязь? / С. Захарова, Е. Чурилова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022. – Т. 40. – № 4. – С. 77–104.
63. Зверев, В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода / В. А. Зверев. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. – Вып. 2-е изд., испр. и доп. – 275 с.
64. Зверев, В. А. Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев // Государство и общество Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск : Параллель, 2008. – С. 96–112.
65. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольская, Р. Б. Казаков [и др.]; под ред. М. Ф. Румянцевой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
66. Исупов, В. А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка / В. А. Исупов // Демографическое обозрение. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 82–92.
67. Кабакова, Г. И. Дети некрещенные / Г. И. Кабакова // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. – М. : Институт славяноведения РАН, 1995. – С. 86–88.

68. Кадио, Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940 / Ж. Кадио. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 336 с.
69. Казьмина, О. Е. Основы этнодемографии / О. Е. Казьмина, П. И. Пучков. – М. : Наука, 1994. – 253 с.
70. Кайдышева, Н. Н. Власть и общество в деле попечения о детях в Пермской губернии в годы Первой мировой войны / Н. Н. Кайдышева // Актуальные вопросы современной науки. – 2013. – № 28. – С. 79–88.
71. Карачурина Л. Б. Вектор урбанизационного процесса / Л. Б. Карачурина, П. М. Полян // Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3-х т. Т. 3. Кн. 3. 1991–2000 / под ред. Ю. А. Полякова, В. Б. Жиромской, В. Т. Исупова. – М. : РОССПЭН, 2012. – С. 20–53.
72. Каткова, И. П. Младенческая смертность / И. П. Каткова // Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. – М. : Советская энциклопедия, 1985. – С. 255–256.
73. Кащенко, С. Г. Население уездов столичной губернии в XVIII – первой половине XIX в.: историко-демографические очерки / С. Г. Кащенко, М. А. Маркова. – СПб. : Курсив, 2013. – 200 с.
74. Кваша, Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке / Е. А. Кваша // Социологические исследования. – 2003. – Т. 230. – № 6. – С. 47–55.
75. Климов, В. В. Олан вуттез = Корни бытия: коми-пермяккез йылись пассез / В. В. Климов. – Кудымкар : Коми-Пермяцкӧй книжнӧй издательство, 2007. – 367 с.
76. Клупт, М. А. Демография на политической арене XX и XXI столетий / М. А. Клупт. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та, 2020. 303 с.
77. Клупт, М. А. Парадигмы и оппозиции современной демографии / М. А. Клупт // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 34–56.
78. Клупт, М. А. Региональные альтернативы глобального демографического развития / М. А. Клупт // Общественные науки и современность. – 2012. – № 2. – С. 66–77.

79. Клупт, М. А. Теория демографического развития: институциональная перспектива / М. А. Клупт // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 2. – С. 139–149.
80. Ковальченко, И. Д. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX века / И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов // *История СССР*. – 1966. – № 4. – С. 55–80.
81. Козьмина, К. И. Истоки уральской педиатрии / К. И. Козьмина. – Екатеринбург : Лифт, 2014. – 95, [1] с.
82. Копырина, С. Н. Социальная инфраструктура поселков казенных заводов Урала в 20–50-е гг. XVIII в. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук // С. Н. Копырина. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2023. – 331 с.
83. Корнилов, Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. / Г. Е. Корнилов // *Уральский исторический вестник*. – № 3 (44). – 2014. – С. 80–89.
84. Круглов В. Н. Царь-голод. Факты против мифов / В. Н. Круглов // *Сборник Русского исторического общества* / сост. и отв. ред. И. А. Настенко. – М. : Русская панорама, 2011. – С. 87–106.
85. Кузеев, Р. Г. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) / Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова // *Археология и этнография башкир* / под ред. Р. Г. Кузеева и К. В. Сальникова. – Уфа : БФАН СССР, 1962. – С. 171–267.
86. Куркин, П. И. Детская смертность в Московской губернии и ее уездах в 1883–1897 гг.: с приложением очерка о детской смертности в волостных районах в 1896–1900 гг. / П. И. Куркин. – М. : Печатня С. П. Яковлева, 1902. – XLIV, 294 с.
87. Куркин, П. И. Смертность малых детей: Статистика дет. смертности / П. И. Куркин. – М. : Моск. о-во борьбы с дет. смертностью, 1911. – [1], 34 с.

88. Ливи Баччи М. Демографическая история Европы / М. Ливи Баччи. – СПб. : Alexandria, 2010. – 298, [2] с.
89. Ломоносов, М. В. [О сохранении и размножении российского народа] / М. В. Ломоносов // Сочинения. – М.; Л.: Гослитиздат, 1961. – С. 466–479.
90. Луканин, А. М. О движении народонаселения в Чердынском уезде в десятилетие 1841–1850 г. (Статья первая) / А. М. Луканин // Вестник Императорского Русского географического общества. – 1859. – № 26. – II. Исследования и материалы. С. 1–28.
91. Луканин, А. М. О движении народонаселения по Соликамскому уезду за десятилетие, 1841–1850 г. / А. М. Луканин. – [СПб.] : [Рус. геогр. о-во], 1855. – 58, 3 с.
92. Лядова, В. В. Некоторые аспекты развития городской медицины Перми в последней трети XIX – начале XX в. / В. В. Лядова // История медицины и образования города Перми – три века служения людям: материалы научно-практической конференции (Пермь, 30 октября 2019 г.) / редкол.: Н. А. Невоструев, М. Г. Нечаев, А. А. Маткин; отв. ред. А. А. Маткин. – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019. – С. 127–135.
93. Мазур, Л. Н. Особенности демографического развития Екатеринбурга в конце XIX – начале XXI в. / Л. Н. Мазур // Уральский исторический вестник. – 2022. – Т. 76. – № 3. – С. 131–143.
94. Марийцы. Историко-этнографические очерки : [коллективная монография] / отв. ред. А. С. Казимов. – Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2013. – 482 с.
95. Матусевич, И. О. Детская смертность в зависимости от густоты и скученности населения по участкам гор. С.-Петербурга. Дис. на степ. д-ра мед / И. О. Матусевич. – СПб. : Императорская Военно-медицинская академия, 1904. – 95 с.

96. Машарипова, А. Х. Детская смертность у коми-зырян нижнего Притоболья в конце XIX – начале XX в. / А. Х. Машарипова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1 (24). – С. 133–137.
97. Медовиков, П. С. Причины детской смертности / П. С. Медовиков. – Петроград : Гос. тип., 1916. – IV, 41 с.
98. Менщиков, И. С. Девиантное и деликвентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. / И. С. Менщиков, С. Г. Федоров. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. – 260 с.
99. Микитюк, В. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: Очерки городского быта / В. Микитюк, О. Яхно. – Екатеринбург : Издательство АМБ, 2014. – 488 с.
100. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 573 с.
101. Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Т. 1. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. – 896 с.
102. Миронов, Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 640 с.
103. Мухина, З. З. Женское отходничество в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX в.) / З. З. Мухина // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность : Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 марта 2016 года / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. В. А. Веремченко. – СПб. : Ленинград. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 351–356.
104. Налимов, А. О движении народонаселения по Ново-Ладожскому уезду за десятилетие 1846–1855 / А. О. Налимов // Вестник Императорского Русского географического общества. – 1860. – № 30. – С. 97–114.

105. Население России 2019 : двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / под ред. С. В. Захарова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 344 с.

106. Натхов, Т. В. Младенческая смертность в пореформенной России: динамика, региональные различия и роль традиционных норм / Т. В. Натхов, Н. А. Василенок // Историческая информатика. – 2020. – № 3. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33356 (дата обращения: 07.05.2021).

107. Никитенко, В. П. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 год. Дис. на степ. д-ра мед. / В. П. Никитенко. – СПб. : Императорская Военно-медицинская академия, 1901. – 2, 265 с.

108. Никольский, Д. Заметки о санитарном состоянии России и в частности городского населения Пермской губернии / Д. Никольский // Екатеринбургская Неделя. – 1886. – № 16. – С. 258–259.

109. Никольский, Д. Заметки о санитарном состоянии России и в частности городского населения Пермской губернии (продолжение) / Д. Никольский // Екатеринбургская Неделя. – 1886. – № 17. – С. 274.

110. Никольский, Д. Заметки о санитарном состоянии России и в частности городского населения Пермской губернии (окончание) / Д. Никольский // Екатеринбургская Неделя. – 1886. – № 18. – С. 287–288.

111. Новосельский, С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России / С. А. Новосельский // Календарь для врачей всех ведомств. Ч. 2 / под ред. д-ра мед. П. Н. Булатова. – Петроград : К. Л. Риккер, 1916. – С. 14–94.

112. Новосельский, С. А. Смертность и продолжительность жизни в России / С. А. Новосельский. – Петроград : тип. МВД, 1916. – [2], 208 с.

113. Одляницкий-Почобут, В. С. Смертность грудных детей в С.-Петербурге в зависимости от времени их рождения по месяцам и временам года в 1896–1900 гг. Дис. на степ. д-ра мед / В. С. Одляницкий-Почобут. – СПб. : Военно-медицинская академия, 1903. – 170 с.

114. Палкин, А. С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика / А. С. Палкин; под ред. В. И. Байдина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 338 с.
115. Пантюхов, И. В. Статистические заметки о детской смертности в Киеве / И. В. Пантюхов. – [Киев]: тип. М.П. Фрица, 1874. – 8 с.
116. Перетц, В. Г. Медицинский обзор 50-летней деятельности Свердловского акушерско-гинекологического института / В. Г. Перетц // Уральский медицинский журнал. – 1928. – № 1. – С. 97–113.
117. Поляков, Ю. А. Население России в годы Гражданской войны. Демографические последствия голода 1931–1932 гг. / Ю. А. Поляков // Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3-х т. Т. 1. 1900–1939 / под ред. Ю. А. Полякова, В. Б. Жиромской. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 83–133.
118. Предтеченский, В. Некоторые цифровые данные о детской смертности в Пермской губернии / В. Предтеченский // Труды VI Съезда врачей Пермской губернии 1–11 ноября 1895 года. – Пермь : Тип. губ. зем. упр., 1896. – С. 200–233.
119. Предтеченский, В. О состоянии медицинской помощи в Пермской губернии / В. Предтеченский // Труды VI Съезда врачей Пермской губернии 1–11 ноября 1895 года. – Пермь : Тип. губ. зем. упр., 1896. – С. 125–146.
120. Пруцкова, Е. В. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста / Е. В. Пруцкова, И. В. Павлюткин, О. Н. Борисова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 2. – С. 103–126.
121. Птуха, М. В. Очерки по статистике населения / М. В. Птуха. – М. : Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – 459 с.
122. Пушкарева, Н. Сметая запреты : Очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков / Н. Пушкарева, А. Белова, Н. Мицюк. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 626 с.

123. Пьянков, С. А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX века / С. А. Пьянков. – Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2014. – 212 с.
124. Растянников, В. Г. Урожайность хлебов в России : 1795–2007 / В. Г. Растянников, И. В. Дерюгина. – М. : ИВ РАН, 2009. – 192 с.
125. Рашин, А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : Стат. очерки / А. Г. Рашин; под ред. С. Г. Струмилина. – М. : Госстатиздат, 1956. – 352 с.
126. Руденко, С. И. Башкиры : историко-этнографические очерки / С. И. Руденко. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 392 с.
127. Русских, Н. А. К вопросу о кормлении детей до 1 года / Н. А. Русских // Записки Уральского медицинского общества в г. Екатеринбурге. I год. – Пермь : Тип. губ. зем. упр., 1891. – С. 75–84.
128. Рыбаковский, Л. Л. История и теория миграции населения. Кн. 3 : Теория трех стадий миграционного процесса / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-Информ, 2019. – 218 с.
129. Сарафанов, Д. Е. Сезонность младенческой смертности в Барнауле во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам метрических книг) / Д. Е. Сарафанов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2020. – Т. 22. – № 2 (198). – С. 59–78.
130. Сарафанов, Д. Е. Смертность населения в Барнауле в XIX веке / Д. Е. Сарафанов // Демоскоп Weekly. – 2007. – № 301–302. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0301/analit03.php> (дата обращения: 30.04.2018).
131. Сафронова, М. О. Детская смертность в Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв. / М. О. Сафронова // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. – 2020. – № 4. – С. 25–35.
132. Свирская, В. Караванный бунт / В. Свирская // Вопросы истории. – 1945. – № 3–4. – С. 118–123.

133. Селюгин, С. А. Внебрачная рождаемость и смертность внебрачных детей в С.-Петербурге / С. А. Селюгин. – СПб. : тип. Штаба Отд. корп. жандарм., 1906. – 4, 103 с.

134. Серебренников, П. Н. К вопросу о смертности детей на первом году жизни, в Пермской губернии : (сообщение д-ра П. Н. Серебренникова в экономическом обществе 14 декабря [1894 г.]) / П. Н. Серебренников. – Пермь : тип. Губ. прав., 1894. – 10 с.

135. Серебренников, П. Н. Опыт медико-топографического описания г. Ирбити Пермской губернии : С пл. города и диагр. : Дис. на степ. д-ра мед / П. Н. Серебренников. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1885. – [2], IV, [2], 141 с.

136. Смертин, П. Р. Сопоставление показателей детской смертности в Перми в XVIII веке по данным метрических книг и палеоантропологических исследований / П. Р. Смертин // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2023. – № 2 (61). – С. 162–171.

137. Снигирев, В. С. О смертности детей на первом году жизни : Опыт мед.-стат. исслед. в Ставроп. губ. с 1857 по 1862 г. Дис. на степ. д-ра мед / В. С. Снигирев. – СПб. : Императорская Военно-медицинская академия, 1863. – 31 с.

138. Соколов, Д. А. Смертность в России и борьба с ней : доклад в соединенном собрании Общества русских врачей / Д. А. Соколов, В. И. Гребенщиков. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – 76, [3] с. с.

139. Татарникова, А. И. Повседневная жизнь крестьян в экстремальных условиях переселения в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) / А. И. Татарникова // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 9. – С. 1–13.

140. Трапезникова, О. Н. Парадоксы северного земледелия : история и география агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины / О. Н. Трапезникова. – М. : ГЕОС, 2019. – 256 с.

141. Троицкая, И. А. Первая российская номенклатура болезней и диагностика причин смерти в XIX в.: частный случай / И. А. Троицкая, А. А. Авдеев // Население и экономика. – 2018. – № 2 (4). – С. 1–46.

142. Филиппов, Д. М. Смертность детей в возрасте 0–15 лет в С.-Петербурге за 1881–1890 гг. : Дис. на степ. д-ра мед / Д. М. Филиппов. – СПб. : тип. Э. Арнгольда, 1894. – [2], 194, 49 с.

143. Хабарова, О. В. Анализ основных аспектов смертности населения г. Севастополя в XIX в. при помощи базы данных (по материалам метрических книг) / О. В. Хабарова // Круг идей : Междисциплинарные подходы в исторической информатике. Труды X конференции Ассоциации «История и компьютер». – М. : Изд-во Московского университета, 2008. – С. 115–133.

144. Христолюбова, Л. С. Женщина в удмуртском обществе, XVIII – начало XXI в. / Л. С. Христолюбова. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 328 с.

145. Чагин, Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX-XXI вв. / Г. Н. Чагин. – Екатеринбург : Сократ, 2014. – 320 с.

146. Черноухов, Д. Э. Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук / Д. Э. Черноухов. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2020. – 254 с.

147. Черноухов, Э. А. Богадельни в казенных горных округах Урала в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Историко-педагогические чтения. – 2013. – № 17. – С. 647–654.

148. Черноухов, Э. А. Заведения общественного призрения в частных горнозаводских хозяйствах Урала в первой половине XIX в. / Э. А. Черноухов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2014. – № 3 (130). – С. 249–255.

149. Черноухов, Э. А. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы. Дис. на соиск. уч. степ.

доктора ист. наук / Э. А. Черноухова. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. – 535 с.

150. Черныш, М. И. Неурожаи 1891–1892 гг. на Урале и их социально-экономические последствия (по материалам Пермской губернии) / М. И. Черныш // Исследования по истории Урала. Вып. 1. – Пермь : изд. «Звезда», 1970. – С. 224–246.

151. Чертенков, К. О. Межэтнические различия в разводимости на Северном Кавказе / К. О. Чертенков // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10. – № 2. – С. 41–62.

152. Шабалов, Н. П. Профессор Н. П. Гундобин как педиатр и гражданин России (к 150-летию со дня рождения) / Н. П. Шабалов // Педиатрия. – 2010. – Т. 89. – № 6. – С. 149–151.

153. Шабалов, Н. П. 150 лет старейшей в России кафедре детских болезней Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова / Н. П. Шабалов, В. Г. Арсентьев // Педиатрия. – 2015. – Т. 94. – № 3. – С. 213–216.

154. Шагов, М. А. Кисловская волость Екатеринбургского уезда (Санитарно-бытовое описание) / М. А. Шагов // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. – 1914. – № 9. – С. 479–521.

155. Шелестов, Д. К. Граунт Джон / Д. К. Шелестов // Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. – М., 1985. – С. 100.

156. Шепукова, Н. М. Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России (XVIII – первая половина XIX в.) / Н. М. Шепукова // Вопросы истории. – 1959. – № 12. – С. 123–136.

157. Шустов, С. Г. Завершение выкупной операции в Пермской губернии (1881–1906 годы) / С. Г. Шустов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – Т. 166. – № 28. – С. 72–80.

158. Шустрова, Е. Ю. Детская смертность в русской деревне XIX века (по данным когортного анализа Сандыревского прихода Ярославской

епархии) / Е. Ю. Шустрова // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 2012. – № 38. – С. 65–66.

159. Шушарина, Н. П. Незаконнорожденные дети и отношение к ним русских крестьян (по метрическим книгам Казанско-Богородицкой церкви села Песковского Шадринского уезда Пермской губернии 1838–1900 гг.) / Н. П. Шушарина // XV Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 7–8 декабря 2017 г.) / редкол. : В. В. Меншиков [и др.]. – Курган : Курганский государственный университет, 2017. – С. 66–68.

160. Щербаков, А. С. О чрезмерной детской смертности в г. Ростове-на-Дону / А. С. Щербакова. – СПб. : тип. Э. Арнгольда, 1891. – 8 с.

161. Яровой, Г. В. Государственные крестьяне в законодательстве первой половины XIX века / Г. В. Яровой // Вопросы истории Урала. Вып. 7. – Свердловск : УрГУ, 1967. – С. 165–174.

162. Яровой, Г. В. Денежные и натуральные повинности государственных крестьян Урала в дореформенный период / Г. В. Яровой // Вопросы истории Урала. Вып. 14. – Свердловск: УрГУ, 1976. – С. 83–105.

163. Abade, A. Birth, marriage and death in illegitimacy: a study in northern Portugal / A. Abade, J. Bertranpetit // Journal of Biosocial Science. – 1995. – No 27. – P. 443–455.

164. Arsenault Morin, A. Infant mortality and the role of seigneurial tenure in Canada East, 1851 : Schriftenreihe des Promotionsschwerpunkts Globalisierung und Beschäftigung, No. 47/2015 / A. Arsenault Morin, V. Geloso, V. Kufenko. – Stuttgart : Universität Hohenheim, 2015. – 23 p.

165. Bakharev, D. Chapter 11. Infant mortality in the late 19th and early 20th century Urals: macro and micro analyses / D. Bakharev, E. Glavatskaya // Nominative Data in Demographic Research in the East and the West : monograph / eds. E. Glavatskaya [et al.]. – Ekaterinburg : Ural University Press, 2019. – P. 202–219.

166. Blaikie, A. Infant survival chances, unmarried motherhood and domestic arrangements in rural Scotland, 1845–1945 / Blaikie A. // *Local Population Studies*. – 1998. – No 60. – P. 34–46.

167. Budnik, A. Biological and Cultural Causes of Seasonality of Deaths in Historical Populations From Poland Budnik / A. Budnik, G. Liczbińska // *Collegium Antropologicum*. – 2015. – Vol. 39. – No 3. – P. 491–499.

168. Budnik, A. Urban and rural differences in mortality and causes of death in historical Poland / A. Budnik, G. Liczbińska // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2006. – Vol. 129. – No 2. – P. 294–304.

169. Campbell, C. Historical demography / C. Campbell // *California Center for Population Research On-Line Working Paper Series*. – 2012. – P. 1–32.

170. Debiasi, E. The long-term consequences of parental death in childhood on mortality and the role of socioeconomic status: evidence from Sweden at the turn of the 20th century / E. Debiasi, M. Rosenbaum-Feldbrügge, B. Eriksson // *The History of the Family*. – 2021. – Vol. 26. – No 4. – P. 657–681.

171. Eugercios, B. A. R. Understanding Infant Mortality in the City: Exploring Registration and Compositional Effects. Madrid, 1905–1906 / B. A. R. Eugercios, D. R. Fariñas // *New Approaches to Death in Cities during the Health Transition* / eds. D. Ramiro Fariñas, M. Oris. – Cham : Springer International Publishing, 2016. – P. 19–42.

172. Fildes, V. Infant feeding practices and infant mortality in England, 1900–1919 / V. Fildes // *Continuity and Change*. – 1998. – Vol. 13. – No 2. – P. 251–280.

173. Frisbie, W. P. Infant Mortality / W. P. Frisbie // *Handbook of Population* / edited by D. L. Poston, M. Micklin. – N. Y. : Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2005. – P. 251–282.

174. Gardarsdóttir, Ó. The implications of illegitimacy in late-nineteenth-century Iceland: the relationship between infant mortality and the household position of mothers giving birth to illegitimate children / Ó. Gardarsdóttir // *Continuity and Change*. – 2000. – Vol. 15. – No 3. – P. 435–461.

175. Glavatskaya, E. Urban infant mortality and religion at the end of the nineteenth and in the early twentieth century: the case of Ekaterinburg, Russia / E. Glavatskaya, J. Borovik, G. Thorvaldsen // *The History of the Family*. – 2018. – Vol. 23. – No 1. – P. 135–153.

176. Huh, Y. Motherhood versus Fatherhood: The Effect of Parent Death on Post-Neonatal and Child Mortality from 1850–1920 / Y. Huh // *International Journal of Gender & Women's Studies*. – 2015. – Vol. 3. – No 2. – P. 12–19.

177. Kearns, G. The urban penalty and the population history of England / G. Kearns // *Society, health, and population during the demographic transition* / eds. : A. Brändström & L.-G. Tedebrand. – Stockholm : Almqvist and Wiksell International, 1988. – P. 213–236.

178. Kytir, J. Historical regional patterns of infant mortality in Austria / J. Kytir, C. Kock, R. Munz // *European Journal of Population*. – 1995. – Vol. 11. – No 3. – P. 243–259.

179. McKeown, T. Medical evidence related to English population changes in the eighteenth century / T. McKeown // *Population Studies : McKeown A Journal of Demography*. – 1955. – Vol. 9. – No 2. – P. 119–141.

180. McQuillan K. Culture, religion, and demographic behaviour : Catholics and Lutherans in Alsace, 1750–1870 / K. McQuillan. – [Liverpool]; Montreal : Liverpool University Press; McGill-Queen's University Press, 1999. – 227 p.

181. Minello, A. First signs of transition: The parallel decline of early baptism and early mortality in the province of Padua (northeast Italy), 1816–1870 / A. Minello, G. Dalla-Zuanna, G. Alfani // *Demographic Research*. – 2017. – Vol. 36. – P. 759–802.

182. Perez-Patron, M. Infant Mortality / M. Perez-Patron, B. DeSalvo // *Handbook of Population* / ed. D. L. Poston. – Cham : Springer International Publishing, 2019. – P. 343–354.

183. Pounds, N. J. G. An historical geography of Europe / N. J. G. Pounds. – Cambridge; New York : Cambridge University Press, 1990. – 484 p.

184. Pozzi, L. Infant and child mortality in the past / L. Pozzi, F. D. Rarimo // *Annales de demographie historique*. – 2015. – No 1. – P. 55–75.
185. Preston, S. H. Population Studies of Mortality / S. H. Preston // *Population Studies*. – 1996. – Vol. 50. – No 3. – P. 525–536.
186. Robbins, R. G. Famine in Russia, 1891–1892 / R. G. Robbins. – N. Y.; London : Columbia University Press, 1975. – XVI, 262 p.
187. Rosenberg, M. Breast-feeding and infant mortality in Norway 1860–1930 / M. Rosenberg // *Journal of Biosocial Science*. – 1989. – Vol. 21. – No 3. – P. 335–348.
188. Sear, R. Who keeps children alive? A review of the effects of kin on child survival / R. Sear, R. Mace // *Evolution and Human Behavior*. – 2008. – Vol. 29. – No 1. – P. 1–18.
189. Thorvaldsen, G. Infant Mortality Now and Then: The Dual Role of Economic Resources / G. Thorvaldsen // *Transylvanian Review*. – 2018. – Vol. 27 (2). – P. 104–121.
190. Van Poppel, F. The Presence of Parents and Childhood Survival: The Passage of Social Time and Differences by Social Class / F. Van Poppel, R. Van Gaalen // *Kinship and Demographic Behavior in the Past* / eds. : T. Bengtsson, G. P. Mineau. – Dordrecht : Springer Netherlands, 2008. – P. 105–134.
191. Vinnik, M. V. Seasonal variation in mortality in the city of Barnaul based on the Pokrovsky parish registers (1877–1897) / M. V. Vinnik // *Population and Economics*. – 2022. – Vol. 6. – No 2. – P. 120–130.
192. Wisselgren, M. J. Att föda barn – från privat till offentlig angelägenhet: Förlossningsvårdens institutionalisering i Sundsvall 1900–1930 / M. J. Wisselgren. – Umeå : Historiska studier, 2005. – 194 p.
193. Wrigley, E. A. Population and history / E. A. Wrigley. – London : Weidenfeld & Nicolson, 1969. – 254 p.

Приложение 1

Фрагменты использованных баз данных на основе метрических книг

ID_de	place_of_de	source	num_r	se	death	death	death	funer	funer	funer	origin_gub	origin_uezd (regio)	origin_volost (d)	origin_settlement	type_settln	child/ad	dead_age
1	Екатеринбург	GASO_06_09_780_065v-066	1	ж	29	12	1879	5	12	1879	-	-	-	-	-	взрослый	86
2	Екатеринбург	GASO_06_09_780_065v-066	1	м	3	1	1880	1	1	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	ребенок	0	0
3	Екатеринбург	GASO_06_09_780_065v-066	2	ж	5	1	1880	1	1	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	ребенок	0	0
4	Екатеринбург	GASO_06_09_780_065v-066	2	м	6	1	1880	1	1	1880	-	-	-	-	-	взрослый	30
5	Екатеринбург	GASO_06_09_780_065v-066	3	м	8	1	1880	1	1	1880	-	-	-	-	-	взрослый	40
6	Екатеринбург	GASO_06_09_780_065v-066	4	м	10	1	1880	1	1	1880	-	-	-	-	-	ребенок	7
7	Екатеринбург	GASO_06_09_780_065v-066	3	ж	10	1	1880	1	1	1880	Пермская	Екатеринбургский	Логиновская	-	-	взрослый	27
8	Екатеринбург	GASO_06_09_780_066v-067	4	ж	15	1	1880	1	1	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	взрослый	64	64
9	Екатеринбург	GASO_06_09_780_066v-067	5	м	16	1	1880	1	1	1880	Вятская	Орловский	Шихинская	-	-	взрослый	46
10	Екатеринбург	GASO_06_09_780_066v-067	6	м	22	1	1880	1	1	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	ребенок	1	1
11	Екатеринбург	GASO_06_09_780_066v-067	7	м	22	1	1880	1	1	1880	-	-	-	-	-	взрослый	40
12	Екатеринбург	GASO_06_09_780_066v-067	8	м	23	1	1880	1	1	1880	-	-	-	-	-	взрослый	51
13	Екатеринбург	GASO_06_09_780_066v-067	9	м	25	1	1880	1	1	1880	-	-	-	-	-	взрослый	64
14	Екатеринбург	GASO_06_09_780_067v-068	5	ж	26	1	1880	26	1	1880	Пермская	Екатеринбургский	Верх-Исетская	Верх-Исетский	завод	взрослый	47
15	Екатеринбург	GASO_06_09_780_067v-068	6	ж	26	1	1880	26	1	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	взрослый	71	71
16	Екатеринбург	GASO_06_09_780_067v-068	10	м	28	1	1880	30	1	1880	Рязанская	Смолинский	Корневская	-	-	взрослый	31
17	Екатеринбург	GASO_06_09_780_067v-068	11	м	29	1	1880	31	1	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	взрослый	34	34
18	Екатеринбург	GASO_06_09_780_068v-069	12	м	28	1	1880	2	2	1880	-	-	-	-	-	взрослый	40
19	Екатеринбург	GASO_06_09_780_068v-069	13	м	1	2	1880	2	2	1880	Пермская	Екатеринбургский	Реддинская	Реддинский	завод	ребенок	2
20	Екатеринбург	GASO_06_09_780_068v-069	7	ж	4	2	1880	2	2	1880	Вятская	Орловский	Коврижская	-	-	ребенок	15
21	Екатеринбург	GASO_06_09_780_068v-069	8	ж	5	2	1880	2	2	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	ребенок	0	0
22	Екатеринбург	GASO_06_09_780_068v-069	9	ж	6	2	1880	2	2	1880	-	-	-	-	-	ребенок	0
23	Екатеринбург	GASO_06_09_780_068v-069	14	м	7	2	1880	11	2	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	взрослый	36	36
24	Екатеринбург	GASO_06_09_780_068v-069	15	м	11	2	1880	13	2	1880	-	-	-	-	-	взрослый	53
25	Екатеринбург	GASO_06_09_780_069v-070	16	м	11	2	1880	13	2	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	взрослый	60	60
26	Екатеринбург	GASO_06_09_780_069v-070	17	м	11	2	1880	13	2	1880	-	-	-	-	-	взрослый	68
27	Екатеринбург	GASO_06_09_780_069v-070	18	м	13	2	1880	15	2	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	взрослый	58	58
28	Екатеринбург	GASO_06_09_780_069v-070	19	м	20	2	1880	23	2	1880	Пермская	Чердынский	Чердыне	город	взрослый	66	66
29	Екатеринбург	GASO_06_09_780_069v-070	10	ж	20	2	1880	23	2	1880	Пермская	Екатеринбургский	Сысертская	Сысертский	завод	взрослый	64
30	Екатеринбург	GASO_06_09_780_069v-070	20	м	25	2	1880	27	2	1880	Вятская	Орловский	Шараповская	-	-	взрослый	19
31	Екатеринбург	GASO_06_09_780_069v-070	11	ж	26	2	1880	26	2	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	ребенок	0	0
32	Екатеринбург	GASO_06_09_780_070v-071	12	ж	28	2	1880	28	3	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	взрослый	34	34
33	Екатеринбург	GASO_06_09_780_070v-071	21	м	28	2	1880	28	3	1880	Пермская	Красноуфимский	Саранинская	-	-	взрослый	20
34	Екатеринбург	GASO_06_09_780_070v-071	13	ж	28	2	1880	28	3	1880	Пермская	Екатеринбургский	Екатеринбург	город	ребенок	6	6
35	Екатеринбург	GASO_06_09_780_070v-071	22	м	1	3	1880	3	3	1880	-	-	-	-	-	взрослый	26

Фрагмент базы данных об умерших на основе метрических книг православного Богоявленского прихода Екатеринбурга³³³

ID_de	place_of_de	source	num_r	se	death	death	death	funer	funer	funer	origin_gub	origin_uezd (regio)	origin_volost (d)	origin_settlement	type_settln	child/ad	dead_age	
1	Екатеринбург	GASO_06_09_782_89v-90	1	ж	31	12	1879	1	1	1880	Смоленская	[Поречский]	Поречье	город	ребенок	0	0	
2	Екатеринбург	GASO_06_09_782_89v-90	1	м	9	1	1880	1	1	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Мостовская	Пышма	деревня	ребенок	0	0
3	Екатеринбург	GASO_06_09_782_89v-90	2	м	10	1	1880	1	1	1880	Пермская	Камышловский	Клеваинская	Патеева	деревня	ребенок	0	0
4	Екатеринбург	GASO_06_09_782_89v-90	3	м	12	1	1880	1	1	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Березовский	Березовский	завод	ребенок	0	0
5	Екатеринбург	GASO_06_09_782_90v-91	2	ж	13	1	1880	1	1	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Мостовская	Пышма	деревня	взрослый	75	75
6	Екатеринбург	GASO_06_09_782_90v-91	3	ж	14	1	1880	1	1	1880	-	-	-	-	-	взрослый	83	83
7	Екатеринбург	GASO_06_09_782_90v-91	4	ж	15	1	1880	1	1	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	ребенок	1	1	
8	Екатеринбург	GASO_06_09_782_90v-91	4	м	15	1	1880	1	1	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	ребенок	0	0	
9	Екатеринбург	GASO_06_09_782_90v-91	5	ж	19	1	1880	1	1	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	взрослый	52	52	
10	Екатеринбург	GASO_06_09_782_91v-92	5	м	20	1	1880	1	1	1880	Пермская	Красноуфимский	Артинская	-	-	ребенок	0	0
11	Екатеринбург	GASO_06_09_782_91v-92	6	ж	21	1	1880	1	1	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	ребенок	0	0	
12	Екатеринбург	GASO_06_09_782_91v-92	7	ж	26	1	1880	2	2	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Шарташская	-	-	взрослый	38	38
13	Екатеринбург	GASO_06_09_782_91v-92	8	ж	26	1	1880	2	2	1880	-	-	-	-	-	взрослый	87	87
14	Екатеринбург	GASO_06_09_782_92v-93	9	ж	30	1	1880	2	2	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	ребенок	15	15	
15	Екатеринбург	GASO_06_09_782_92v-93	10	ж	31	1	1880	2	2	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	ребенок	0	0	
16	Екатеринбург	GASO_06_09_782_92v-93	6	м	2	2	1880	2	2	1880	-	-	-	-	-	ребенок	0	0
17	Екатеринбург	GASO_06_09_782_92v-93	7	м	8	2	1880	1	2	1880	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	взрослый	22	22	
18	Екатеринбург	GASO_06_09_782_92v-93	11	ж	11	2	1880	2	2	1880	-	-	-	-	-	взрослый	64	64
19	Екатеринбург	GASO_06_09_782_92v-93	8	м	12	2	1880	1	2	1880	Тамбовская	Темниковский	Шалинская	-	-	ребенок	0	0
20	Екатеринбург	GASO_06_09_790_98v-99	1	м	9	1	1881	1	1	1881	-	-	-	-	-	ребенок	0	0
21	Екатеринбург	GASO_06_09_790_98v-99	2	м	7	1	1881	1	1	1881	Пермская	[Екатеринбургский]	Мостовская	Пышма	деревня	ребенок	0	0
22	Екатеринбург	GASO_06_09_790_98v-99	3	м	8	1	1881	1	1	1881	Пермская	[Екатеринбургский]	Мостовская	Пышма	деревня	ребенок	0	0
23	Екатеринбург	GASO_06_09_790_98v-99	4	м	8	1	1881	1	1	1881	Пермская	Камышловский	Мостовская	Пышма	деревня	ребенок	0	0
24	Екатеринбург	GASO_06_09_790_98v-99	5	м	9	1	1881	1	1	1881	Пермская	[Екатеринбургский]	Березовский	Березовский	завод	ребенок	10	10
25	Екатеринбург	GASO_06_09_790_98v-99	6	м	7	1	1881	1	1	1881	Казанская	[Казанский]	Казань	-	-	ребенок	7	7
26	Екатеринбург	GASO_06_09_790_99v-100	1	ж	11	1	1881	1	1	1881	Владимирский	Вязниковский	Налесниновская	Старова	деревня	взрослый	78	78
27	Екатеринбург	GASO_06_09_790_99v-100	7	м	12	1	1881	1	1	1881	-	-	-	-	-	ребенок	0	0
28	Екатеринбург	GASO_06_09_790_99v-100	8	м	17	1	1881	1	1	1881	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	взрослый	32	32	
29	Екатеринбург	GASO_06_09_790_99v-100	2	ж	17	1	1881	1	1	1881	-	-	-	-	-	ребенок	15	15
30	Екатеринбург	GASO_06_09_790_99v-100	9	м	19	1	1881	1	1	1881	Архангельский	Пинежский	Подборская	Заврасна	деревня	взрослый	55	55
31	Екатеринбург	GASO_06_09_790_100v-101	3	ж	20	1	1881	1	1	1881	-	-	-	-	-	взрослый	29	29
32	Екатеринбург	GASO_06_09_790_100v-101	4	ж	20	1	1881	1	1	1881	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	ребенок	0	0	
33	Екатеринбург	GASO_06_09_790_100v-101	5	ж	23	1	1881	1	1	1881	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	ребенок	0	0	
34	Екатеринбург	GASO_06_09_790_100v-101	10	м	24	1	1881	2	2	1881	Пермская	[Екатеринбургский]	Екатеринбург	город	взрослый	19	19	
35	Екатеринбург	GASO_06_09_790_100v-101	6	ж	25	1	1881	2	2	1881	-	-	-	-	-	ребенок	0	0

Фрагмент базы данных об умерших на основе метрических книг православного Вознесенского прихода Екатеринбурга³³⁴

³³³ См.: Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Метрические книги Богоявленского прихода г. Екатеринбурга 1880–1919 гг.: раздел о смертях». URL: <https://urapp-urgj.urfu.ru/>. Дата регистрации: 08.12.2020. Режим доступа: на договорной основе.

³³⁴ См.: Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. База данных «Метрические книги православной Вознесенской церкви Екатеринбурга за 1880–1919 гг.: раздел об умерших». URL: <https://urapp-urgj.urfu.ru/>. Дата регистрации: 19.02.2019. Режим доступа: на договорной основе.

Приложение 2

Газетные заметки о подкидывании младенцев в Пермской губернии начала XX в.

1) «За последнее время местным земским начальником рассмотрено несколько возбужденных полицией дел по обвинению Полевских крестьянских девиц по 144 ст. устава о наказаниях, т. е. в подкинутии незаконно-прижитых ими детей. Оказывается, что в соседнем Северском заводе подкинутых детей охотно берут на воспитание. Во всех рассмотренных случаях выяснилось, что “подкинутие” было только подстроено для отвода глаз, а в действительности ребят подбрасывали по заказу и взаимному уговору, — почему все дела закончились оправдательными приговорами.

Характерная сценка произошла при разбирательстве одного дела. Свидетель-северчанин угрюмо и неохотно дал показание, о том, что ребенка ему, действительно, подкинули и он взял такового на воспитание, а больше ничего не знает. Затем, видимо конфузясь своего участия в таком *бабьем* и даже *ззорном* для солидного мужика деле, он поспешил оставить камеру. На сцену выступила его жена. Прежде чем начать показание, она с робкой улыбкой несколько раз оглянулась на дверь, за которой скрылся ее мрачный супруг.

— “Мужик-то мой ушодши, али нет? ... Ушодши? Ну, так уж я всю правду скажу тебе ... господин ... не знаю, как тебя взвеличать ...”.

И близко нагнувшись к земскому начальнику и все также робко улыбаясь, она показала:

— “По уговору у нас это было ... Своих-то робят мне Бог не дал, а я их очень уж люблю. И захотелось мне робеночка, хоть чужова. Стала просить мужа, чтобы взять какого ни наесть сиротку в сынки, а он не пожелал. Ну я потихоньку от него и заказала полевской девахе через ейную мать: как родится, мол, младенчик, так что бы ко мне его подкинули. Думаю: тогда уж мужик мой не откажется взять, потому — вроде как Бог нам послал. Так все и вышло ...”.

И столько искренности было в словах свидетельницы, такая нежность и ласка “хоть к чужому робеночку” слышались в ее голосе, что невольно обидно становилось за ее неудовлетворенное материнское чувство»³³⁵.

2) «В декабре прошлого года, вечером, к квартире екатеринбургского домовладельца г. Засыпкина был подкинут только что рожденный младенец. По произведенному дознанию оказалось, что ребенка этого положила некая девица Анна Серебренникова. Последняя была привлечена за это к ответственности.

На днях она фигурировала в камере городского судьи 2-го участка.

Обвиняемая не отрицала своей вины, причем заявила, что она все время следила за ребенком, пока он не был замечен и взят в дом Засыпкина.

— Почему вы положили именно к Засыпкину, а не к кому-либо другому?
— спросил ее судья.

— Потому что г-жа Засыпкина раньше высказывала желание, чтобы кто-нибудь ей подкинул младенца.

— Тогда почему вы прямо не отдали его ей?

— Муж ее не желал брать чужого ребенка, вот она и хотела, чтобы им подкинули, тогда может муж, мол, и согласится взять.

— А где сейчас находится ваш ребенок? – спрашивает судья.

— У г-жи Засыпкиной. Она взяла его к себе в дети.

Спрошенная в качестве свидетельницы г-жа Воротникова показала только, что она видела обвиняемую беременной, а высказывала ли ей г-жа Засыпкина желание иметь подкидыша – не знает.

Судья приговорил Серебренникову к 4-м дням ареста за подкидывание своего ребенка³³⁶.

³³⁵ Полевской зав. // Уральская жизнь. 1903. № 82. 1903. С. 2.

³³⁶ Сибирский летописец. Судебная хроника. Подброшенный ребенок // Уральская жизнь. № 21. 1907. С. 3.